

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ "НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Серия основана в 1959 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ РАН
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

А.Г. Григорьян, В.И. Кузнецов, Б.В. Левшин, С.Р. Микулинский,
З.К. Соколовская (ученый секретарь), В.Н. Сокольский,
Ю.И. Соловьев, А.С. Федоров (зам. председателя),
И.А. Федосеев (зам. председателя), А.П. Юшкевич,
А.Л. Яншин (председатель), М.Г. Ярошевский.

С.В.Зонн

Константин Дмитриевич

ГЛИНКА

1867-1927

Ответственный редактор
академик РАН
Г.В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

МОСКВА
"НАУКА"
1993

ББК 4г

З 83

УДК 631.4(092) Глинка К.Л. 1867/1927

Рецензенты:

доктор биологических наук Л.О. КАРПАЧЕВСКИЙ,

доктор географических наук А.И. РОМАШКЕВИЧ

Зонн С.В.

3 83 Константин Дмитриевич Глинка. 1867–1927 / Отв. ред. Г.В. Добровольский. – М.: Наука, 1993. – 128 с., ил. (Научно-биографическая литература).

ISBN 5-02-003729-X

Книга посвящена жизни и деятельности академика Константина Дмитриевича Глинки – родоначальника географии почв, выдающегося ученого почвовед-минералога, одного из зачинателей высшего сельскохозяйственного и географического образования, крупнейшего организатора научных исследований почв Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока с целью обживания этих регионов и создания в них продовольственной базы. Один из самых талантливых учеников В.В. Докучаева, он был не только ярким продолжателем его дела, но и пропагандистом докучаевского почвоведения в мировом масштабе. Это подтверждается и классическим справочным пособием по почвоведению, написанным К.Д. Глинкой и выдержавшим шесть изданий.

Рассчитана на широкий круг читателей.

3 3702040000-286 312–93, I полугодие
042(02)-93

ББК 4г

Научное издание

Зонн Сергей Владимирович
КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ ГЛИНКА
1867–1927

*Утверждено к печати редколлегией
Российской академии наук серии "Научно-биографическая литература"*

Руководитель фирмы "Биосфера и экология" *М.Б. Линчевская*
Редактор издательства *В.Л. Большаков*. Художественный редактор *И.Ю. Нестерова*
Технический редактор *Т.А. Резникова*. Корректор *Г.В. Дубовицкая*

Набор выполнен на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 68

Л.Р. № 020297 от 27 ноября 1991 г.

Подписано к печати 10.09.93. Формат 60×84 1/16. Гарнитура Пресс-Роман

Печать офсетная. Усл.печ.л. 7,4. Усл.кр.-отт. 7,7. Уч.-изд.л. 8,8.

Тираж 340 экз. Тип. зак. 390.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО "Наука"
199034, Санкт-Петербург, В-34 9-я линия, 12

ISBN 5-02-003729-X

© Зонн, 1993

© Российская академия наук, 1993

От редактора

Предлагаемая читателю книга профессора С.В. Зонна посвящена жизни и творчеству одного из самых знаменитых почвоведов – Константина Дмитриевича Глинки.

Как это ни странно, но имя К.Д. Глинки в специальной исторической литературе оказалось на долгие годы если и не совсем забытым, то все же отодвинутым куда-то на задний план. Многие книги и брошюры посвящены В.В. Докучаеву, П.А. Костычеву, В.Р. Вильямсу, Н.М. Сибирцеву, Б.Б. Польшину, А.Н. Сабанину, С.С. Неуструеву, Н.А. Димо и другим выдающимся почвоведом. А вот книги, посвященной К.Д. Глинке – первому русскому президенту Международного общества почвоведов, первому почвоведу, избранному действительным членом Академии наук СССР и первому директору Почвенного института имени В.В. Докучаева, – такой книги до сих пор нет.

С.В. Зонн восполнил этот пробел в нашей литературе по истории почвоведения и убедительно объяснил странность некоторого забвения имени К.Д. Глинки. И не только объяснил, но и доказал необходимость полного восстановления авторитета и славы Глинки – этого всемирно признанного ученого, в течение многих лет достойно возглавлявшего после Докучаева отечественное почвоведение.

Автор обстоятельно и хронологически последовательно рассматривает жизнь и творчество К.Д. Глинки, анализирует значение его научного наследия. Особенность книги С.В. Зонна заключается в том, что ее автор не только исследует, но и активно, неравнодушно, порой очень эмоционально защищает Глинку и его научные положения от необоснованных, часто конъюнктурных, в угоду времени, обвинений.

Попутно автор высказывает и свои суждения и оценки по многим теоретическим проблемам почвоведения и его истории. Не все из них можно рассматривать в качестве непреложных и общепринятых, но это право автора, тем более такого известного, как С.В. Зонн. Впрочем, о дискуссионном характере некоторых своих взглядов он пишет в заключающей книгу "Послесловии".

Некоторые главы и разделы книги являются по существу самостоятельными очерками, чем объясняется порой возвращение автора к уже рассмотренным вопросам под иным углом зрения и в связи с другими обстоятельствами.

В целом книга С.В. Зонна, несомненно, вызовет большой интерес и окажет влияние на историографию науки о почве.

Г.В. Добровольский

От автора

Создание научно-биографического очерка о творчестве ученого и особенно такого, каким был К.Д. Глинка, – задача трудная и сложная. Она требует от автора "вживания" в эпоху жизни ученого. Создатель научной биографии должен обладать огромным терпением – ведь на поиски и анализ найденных архивных материалов, штудирование необходимых литературных источников, позволяющих воссоздать образ ученого и раскрыть его творческий потенциал, уходит много времени. И только объективно изучив индивидуальные черты творчества ученого, его идей и разработки, можно показать их значение для развития науки.

Научное наследие К.Д. Глинки отражает многоплановость его интересов и разнообразие тематики исследований. Последняя существенно изменялась на разных этапах жизненного пути ученого. При этом он, к сожалению, не оставил материалов о методах своей работы, собственной оценки своих достижений, их научной значимости и все это пришлось домысливать в процессе работы над посвященной его жизни книгой. При этом деятельность ученого освещена поэтапно в связи с той или иной проблемой, разрабатываемой им в процессе работы. При относительно недолгой жизни К.Д. Глинка сделал так много, что постоянно возникал вопрос: все ли свершенное им получило в нашем очерке критическую и справедливую оценку?

Надо сказать, что К.Д. Глинка был одним из тех ученых, чьи труды были высоко оценены еще и при жизни. Однако после смерти ученого его деятельность вызвала поток нападок, причем весьма негативные отзывы получили его научные теории и положения. С сожалением приходится констатировать, что подобные оценки исходили не только от его окружения, но и от ряда почвоведов нового поколения. В ряде оценок трудов К.Д. Глинки в большей мере преобладала субъективность, обусловленная "духом времени", а не "принципиальная объективность, на которой зиждется развитие науки". Поэтому в основе нашего анализа творчества К.Д. Глинки лежит выяснение действительного, а не "мнимого-желаемого" значения его трудов, позволившего считать ученого гордостью русской науки и в особенности почвоведения. Мы должны на примере его жизни воспитывать новые поколения ученых и практиков – ведь все содеянное К.Д. Глинкой представляет огромный позитивный вклад в теоретическое почвоведение и нашло практическое приложение уже при его жизни. Сам же ученый непосредственно участвовал в работе над проектом частично переселения крестьян из европейской в азиатскую часть России.

Научные достижения и великий труд К.Д. Глинки были достойно подтверждены независимым в то время высшим научным форумом – общим собранием членов Академии наук, избравших его первым академиком-почвоведом.

Мировое сообщество почвоведов признало всемирное значение научных разработок К.Д. Глинки – ученый был почетным членом Международного общества почвоведов (МОП). Он достойно представлял почвоведение, созданное великим Докучаевым, и способствовал его победоносному шествию по многим странам мира.

Автору настоящего научно-биографического очерка хотелось довести до современных и будущих поколений почвоведов историю одного из сложных и трудных этапов развития науки о почвах. А главное – привлечь внимание и восстановить в сердцах и умах всех тех, кто связан с почвами и их освоением, доброе имя К.Д. Глинки, отдавшего жизнь, знания и опыт процветанию докучаевского почвоведения.

Автор искренне благодарен В.А. Долотову, И.А. Крупеникову, Б.П. Ахтырцеву, А.В. Хабарову и многим другим за их отзывчивость, доброжелательность, внимание и помощь, за предоставленные ему неизвестные ранее ценные архивные материалы и фотографии.

Автор выражает особую благодарность директору Института почвоведения и агрохимии СО РАН И.М. Гаджиеву, директору Почвенного института им. В.В. Докучаева РАСХН Л.Л. Шишову и директору Союзводпроекта Е.П. Гусенкову.

Введение

(вклад К.Д. Глинки в развитие докучаевского почвоведения)

Без прошлого нет настоящего, а тем более будущего. Прошлое предостерегает от повторения пройденного; оно будирует мысль и определяет пути исследований, направленных на прогресс естественных наук, эволюционно-интеллектуальное развитие общества и упрочение экономического потенциала государства. Однако часто, особенно в переживаемое время, о прошлом забывают или рассматривают его не в историческом, а в современном формально-негативном ракурсе. Примеров тому множество, и один из них можно найти в жизнетворчестве Константина Дмитриевича Глинки. Он был и остается выдающимся творцом основанной В.В. Докучаевым новой истинно русской науки – почвоведения¹.

Больше 100 лет научная история почвоведения развивалась на фоне многовековой истории земледелия. Но создатель научного почвоведения положил в основу столь новые оригинальные подходы, методы, научные концепции, что эта наука по праву получила мировое признание под названием докучаевского почвоведения. Формирование этой науки сопровождалось периодами подъема и спада, дискуссиями и противостояниями, исходившими как от русских, так и зарубежных почвоведов, но всегда в ее развитии преобладало поступательное движение. Негативные же суждения вызывали лишь временные застои и некоторые неоправданные явления в ее развитии. Их возникновение связывается с субъективным восприятием содеянного наукой, часто невольно, а нередко и преднамеренно антинаучным. Появлялись надуманные теории и проекты, внедрявшиеся в практику и не дававшие прокламированного эффекта. Такие действия определяли возникновение дискуссий или одностороннюю критику основных положений ранее созданных научных теорий. При этом "критиканы" не принимали во внимание ни условий, в которых искусственно создавались застои, ни идеологические устои, сложившиеся в нашем обществе.

Становление почвоведения как самостоятельной естественноисторической науки неотделимо от деятельности двух непосредственных учеников В.В. Докучаева – Н.М. Сибирцева и К.Д. Глинки. Их творческие усилия способствовали преодолению многих негативных ситуаций, которые, как правило, препятствовали зарождению нового в науках. Естественных трудностей и искусственных преград было немало. Об этом свидетель-

¹ К.Д. Глинка часто именовал ее педологией (от греч. "педос" – земля, почва; "логия" – учение).

ствуют, в частности, научно-биографические публикации о Докучаеве, Сибирцеве, Костычеве. В предлагаемой читателю книге использованы новые данные, позволяющие не только восстановить почти забытое имя К.Д. Глинки, но и показать его историческую роль в постдокучаевском развитии почвенной науки.

Значение К.Д. Глинки в развитии почвоведения огромно. И прежде всего потому, что на долю ученого выпала неблагоприятная и очень трудная роль главного защитника Докучаева и созданной им науки. При этом самому К.Д. Глинке пришлось защищать свое место в почвоведении, упорно прижимавшееся незадачливыми оппонентами.

По научному и организационному вкладу в почвоведение К.Д. Глинка, несомненно, должен стоять первым после В.В. Докучаева. К сожалению, основатель учения о почве не смог полностью раскрыть свои потенциальные возможности. Ему суждено было прожить только 57 лет, а его ученику и сооснователю Н.М. Сибирцеву – всего 40. К.Д. Глинка, завершивший первый этап становления и расцвета почвоведения, прожил 60 лет. И тем не менее за столь короткие творческие периоды каждый из этих ученых, затратив поистине титанический труд, не только провел большое количество исследований, но и обобщил накопленные результаты. Подобного за столь короткие периоды деятельности, пожалуй, не осуществил ни один почвовед.

Создавая новое в науке, К.Д. Глинка одновременно выполнял нелегкие обязанности защитника учения Докучаева. Он успешно доказывал необходимость признания почвоведения самостоятельной естественноисторической наукой (а не разделом геологии – агрогеологии или агрономии – агрономического почвоведения). Подчеркивая значение земной коры в жизни человечества, К.Д. Глинка писал: "Исследуемая нами часть земной коры составляет приблизительно 1/500 земного радиуса, к этой 1/500 приручены все исследования геологов и минералогов, в этой тонкой скорлупе издавна роется человек, добывая рудные металлы, драгоценные камни. Но и эта тонкая скорлупа, которую можно сравнить с кожурой крупного яблока, имеет еще поверхностную пленку, толщина которой по отношению к скорлупе по крайней мере в десять раз меньше, чем толщина скорлупы по отношению к земному шару. Несмотря на это, поверхностная пленка является источником жизни земных обитателей: в ней коренятся растения, в ней кишат мириады мелких невидимых для глаз существ, при ее помощи получают пищу животные и человек. В ней все живет и умирает, чтобы дать жизнь новым поколениям организмов. Это тонкая пленка, можно сказать, живет сама постоянно изменяясь, каждая ее частица находится в вечном движении. Эта пленка называется почвой" [156. С. 25].

В этой цитате заключена суть программы, ради которой жил и творил К.Д. Глинка. Именно в эту формулировку он заложил элементы новой

естественноисторической науки, за становление и утверждение которой он боролся всю жизнь. Эта наука не только включала учение о плодородии, но и охватывала все стороны современного этапа геологического и биологического развития Земли.

С именем К.Д. Глинки связано признание мирового значения докучаевского почвоведения учеными во многих странах мира. При этом международное сообщество почвоведов (МОП) отмечало ведущую (в начале века) роль К.Д. Глинки в разработке и пропаганде основ этого почвоведения. Вместе с тем еще при жизни ученый подвергался необоснованной критике и всевозможным нареканиям, которые не прекращались и после его смерти. Большинство их было направлено на умаление его научного вклада и научно-организационной деятельности.

Сейчас уже можно уверенно сказать – большинство выступлений, направленных против К.Д. Глинки и его научных положений, были конъюнктурными. И это тем более непонятно – ведь все знавшие ученого лично отмечали его принципиальность, человеколюбие, терпимость и отсутствие способности “кривить душой”. Неудивительно, что сам К.Д. Глинка воспринимал критику с глубоким вниманием. В спорах он никогда не терял самообладания и был корректен в ответах. Он не защищался, не оправдывался, а уличал “критиканов” в лженаучном или неверном понимании его взглядов и положений. Вызывает недоумение, почему подвергся незаслуженным бездоказательным нападкам его фундаментальный курс “Почвоведение”, являющийся подлинной энциклопедией по почвоведению. В критике творчества К.Д. Глинки было много несправедливого, не соответствующего реальному бытию и состоянию науки в период его деятельности. И сейчас настало время разобраться во всем этом – восстановить подлинную научную биографию российского академика.

Историю вообще и науку в особенности творят одаренные личности, познавшие на собственном опыте трудности и превратности творческого труда. Таким был и К.Д. Глинка.

Этапы прожитого и созданного

На пути к вершинам научной и педагогической деятельности

О детских и юношеских годах К.Д. Глинки сведений почти нет. Известно, что его отец Дмитрий Константинович был одним из прямых продолжателей рода великого композитора и музыкального деятеля М.И. Глинки. Глинки-смоляне умножили гордость России. Их клан пополнился и первым академиком-почвоведом К.Д. Глинкой. Род был трудоспособный и любивший во все времена свою родную Россию и особенно смоленщину.

К.Д. Глинка родился 1 августа 1867 г. в с. Коптево Духовщинского уезда Смоленской губернии (по данным А.А. Завалишина и В.А. Долотова [159]. По архивной справке – в Смоленском уезде (прил. 2). Его отец – дворянин Дмитрий Константинович Глинка был уважаемым и передовым деятелем губернского земства. Он имел имение, и весьма успешно занимался сельским хозяйством. А.А. Завалишин и В.А. Долотов пишут, что отец Глинки приучал сына к ведению сельского хозяйства, посвящая во все детали дела вплоть до бухгалтерии [159].

В 1876 г. Константин поступил в Смоленскую классическую гимназию и окончил ее в 1885 г. В том же году он стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета и в 1889 г. получил диплом 1-й степени по специальности минералогия и геология. Почему юноша избрал эту специальность, остается неизвестным. По окончании университета К.Д. Глинка, как вспоминает Б.Б. Польшов, женится на Антонине Георгиевне Знаменской. Незадолго до этого события будущий ученый "отбывал воинскую повинность". Б.Б. Польшов описывает сохранившуюся у него фотографию тех лет, на которой запечатлены К.Д. Глинка с женой. На Константине – форма солдата саперной службы, которая несколько не скрывает присущее ему достоинство интеллигента. "Несмотря на дерзкий взгляд", подчеркивает Б.Б. Польшов, "солдат с уважением взирает на супругу" [171].

Вот, пожалуй, пока и все, что мы знаем о детских и юношеских годах будущего российского академика. Ни сам он, ни его близкие не упоминают о каких-либо трудностях учебы в университете. Известно, что по окончании учебы К.Д. Глинка по ходатайству профессора В.В. Докучаева в 1890 г. "оставлен при С.-Петербургском университете для приготовления к профессорскому званию на кафедре минералогии и геологии на два года". В декабре того же года он был утвержден в должности хранителя минералогического кабинета. Весь остальной служебный путь Глинки подробно изложен в аттестате (прил. 3). В указанной должности он проработал до 1894 г. Одновременно К.Д. Глинка готовил магистерскую диссер-

тацию и участвовал в экспедиции по изучению и оценке почв Полтавской губернии (1890) и "Особой экспедиции лесного департамента по испытанию и учету приемов и способов лесного и водного хозяйства в степях России" (1892).

Можно предполагать, что В.В. Докучаев уже тогда, проявляя дальновидность, подбирал для подготовки к научной деятельности способных соискателей из числа окончивших университет по его кафедре. Об этом и об отношении самого К.Д. Глинки к В.В. Докучаеву писал Б.Б. Полюнов, отмечая, в частности, совершенно исключительное обаяние, "которое оказал и на молодого Глинку, и на многих его товарищей знаменитый основатель учения о почве В.В. Докучаев" [168. С. 936]. В 1956 г. Б.Б. Полюнов подтвердил, "что помощниками В.В. Докучаева были ученики по университету (в том числе и К.Д. Глинка. – С.З.), способные понять широту и сущность замечательных идей В.В. Докучаева" [170. С. 601–652]. Все это позволяет утверждать, что В.В. Докучаев "смотрел далеко вперед" и с началом создания новой науки и деятельности в качестве реформатора агрономического образования, готовил талантливых помощников, или, как принято говорить сейчас, "собственную команду", объединенную идеями и планами их осуществления. К.Д. Глинка, несомненно, был одним из талантливых, инициативных, любящих свое дело и преданных молодых последователей идей В.В. Докучаева.

Учась в университете, К.Д. Глинка собирался посвятить себя минералогии и, в частности, изучению кор выветривания. Однако его исследования в этой области долгое время оставались вне внимания геологов, хотя и были новаторскими. Так, магистерская диссертация К.Д. Глинки "Глауконит, его происхождение, химический состав и характер выветривания" [16], которую он защитил в Московском университете в 1896 г., послужила началом совершенно нового и оригинального направления в минералогии – изучению процессов выветривания. Работа, как отмечают многие, не потеряла своего значения по настоящее время, но после публикации не получила широкого отклика.

В это время В.В. Докучаев привлекает К.Д. Глинку к исследованиям почв б. Полтавской губернии. В экспедиции молодой ученый общается с будущими корифеями естественных наук: В.И. Вернадским, П.А. Земятченским, Ф.Ю. Левинсон-Лессингом, П.В. Отоцким, П.А. Измайльским и многими другими. В таком обществе частые обсуждения результатов исследований и новостей науки, жаркие дискуссии по различным областям знаний несомненно повлияли на дальнейшее направление научных интересов К.Д. Глинки. Он окончательно остановил свой выбор на почвоведении. Это подтверждают и его публикации тех лет, например статья о лесных почвах, написанная по материалам работ в Полтавской губернии [1].

В 1894 г. К.Д. Глинка, приняв предложение В.В. Докучаева, бывшего в

то время директором Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства (ныне г. Пулавы – Польша), занял должность ассистента кафедры минералогии и геологии (прил. 3). Являясь магистрантом С.-Петербургского университета, он в 1895 г. был переведен на “должность адъюнкт-профессора с обязательством защитить диссертацию в 1896 г.”. После ее защиты назначен профессором той же кафедры. Одновременно он исполняет обязанности профессора почвоведения вместо своего заболевшего друга – Н.М. Сибирцева.

В 1900 г. в далекой Уфимской губернии уходит из жизни Н.М. Сибирцев. Вскоре после этого наступает первый приступ нервного расстройства у В.В. Докучаева. Он уезжает в С.-Петербург, предложив К.Д. Глинке возглавить кафедру почвоведения. Фактически молодой ученый становится генератором идей в почвенной науке и руководителем подготовки для нее специалистов. Отныне К.Д. Глинка – продолжатель научных исследований почв и почвенно-оценочных работ, проводимых в европейской части России.

Первый ответственный этап руководящей деятельности тридцатилетнего К.Д. Глинки отмечен испытанием на выживание докучаевского почвоведения как самобытной, оригинальной и новой научной дисциплины. Между группами и отдельными почвоведцами возникли разногласия, касавшиеся истории возникновения науки и понятия самого предмета изучения. Но прежде чем перейти к освещению этого сложного в биографии К.Д. Глинки этапа, попытаемся выяснить причины, побудившие его покинуть С.-Петербургский университет и перебраться в далекий тогда Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства.

Первой и наиболее вероятной причиной явилась приверженность К.Д. Глинки к идеям и широким планам своего любимого учителя. Была и вторая не менее существенная причина – материальная заинтересованность. Дело в том, что К.Д. Глинка был добрым и любящим семьянином. Как известно, он с женой растил четырех сыновей и двух дочерей, причем три мальчика родились до 1895 г. Естественно, что “многодетность” требовала и повышенных материальных средств для существования. И наконец, возможно, третьей причиной, определившей всю последующую научную и общественную деятельность К.Д. Глинки, был привитый ему с детства отцом своеобразный симбиоз “любви или большого внимания к сельскому хозяйству и особенно к вековым нуждам и чаяниям русского крестьянства”. Находясь под влиянием Докучаева и других корифеев научного мира, общаясь с представителями администрации, руководившей аграрной отраслью страны, он интуитивно, а может быть, вследствие благих порывов народнического движения, проникся желанием внести свою посильную лепту в улучшение жизни крестьян России. С их нуждами и чаяниями он столкнулся уже в детстве и тогда же благодаря отцу осознал необходимость облегчения крестьянского труда.

Константин Дмитриевич Глинка в кругу семьи

Этому в дальнейшем способствовал и В.В. Докучаев, указавший на возможность такой помощи через новую науку – почвоведение. Последнюю его прозорливый создатель связывал с неперменным и неукоснительным учетом природы почв и изучением возможностей их освоения в соответствии с природными качествами. Будучи теоретиком, В.В. Докучаев в то же время стремился найти новые подходы, методы и способы большей продуктивной отдачи почв – этих сложных творений природы. Уже тогда он понимал, что почвы необходимо изучать для освоения и постоянного восполнения отчуждаемых растениями питательных элементов.

Итак, жизненный и творческий путь К.Д. Глинки можно разделить на пять обобщенных этапов: раннеюношеское фиксирование окружающего аграрного бытия; осмысливание ранее стихийно накопленного жизнотворчества и первые попытки подведения под него научно-познавательной основы; выбор и приложение личных научных знаний для развития почвоведения и решения конкретных государственных проблем; вклад знаний и опыта ученого в развитие науки и общества; отношение к творчеству ученого в прошлом и сейчас.

Творческая деятельность К.Д. Глинки развивалась в тесной взаимосвязи его научных и государственных интересов. При этом К.Д. Глинка понимал, что в решении научных проблем необходимы глубина их разработки и эффективность уровня познания и полезной отдачи науки государству и обществу. Отступления от такого понимания научного творче-

ства могут приводить к деградиционным явлениям и процессам в науке, снижающим творческий потенциал ученых. При этом могут создаваться условия для возникновения субъективных подходов в оценке значимости научного наследия ученого. Подобные явления происходят вследствие примитивной дифференциации интеллектуальности научного творчества или оно часто определяется конъюнктурностью, связанной с политико-идеологическими установками. Внедрение подобного административно-тоталитарного руководства в науку порождает некомпетентность, снижают авторитетность и искажают ее эволюционное развитие.

Наука не приемлет подобного руководства, тем более при искусственно создаваемых ограничениях в творческом мышлении. Больше того, оно приводит к деформированию научного прогресса вследствие заранее запрограммированных результатов объявляемых соревнованиями и дискуссиям по научным проблемам. Исходя из сказанного, мы и попытались проанализировать роль К.Д. Глинки в развитии научных основ докучаевского почвоведения, а также его организационно-реформаторскую деятельность.

Жизненные устои

Нет объективных качественных, а тем более количественных критериев определения интеллектуального и творческого вклада ученого в прогресс общества. Понятия "очень много", "много", "мало" или "большой", "средний", "малый" и т.п. неопределенны. Они не отражают ни индивидуальных, ни среднестатистических показателей творчества ученого. Следует полагать, что развитие и эволюция знаний ученого зависят прежде всего от генного "аппарата", в который заложены элементы таланта и способностей. Это последнее находится во взаимосвязи социально-экологических взаимодействий человека с природой и обществом, определяющих направление и дифференциацию развития научного потенциала.

Подобные системы могут "работать" тем эффективней, чем выше уровень потребностей в прогрессе науки и технических свершениях, определяемых ею. Чем жестче морально-этические требования высшего сельскохозяйственного образования, особенно к изучению почвенных ресурсов в целях расширения аграрного производства, тем выше эффективность отдачи науки. Именно такой подход характерен для всей научно-интеллектуальной деятельности К.Д. Глинки. Она протекала под девизом – активная польза государству, обществу и международному прогрессу докучаевского почвоведения.

К.Д. Глинка, по воспоминаниям его соратников и друзей, предстает перед нами человеком, полным оптимизма, высокой деликатности, такта

и благородства, характерных для всех сфер его деятельности, протекавшей, кстати, в двух противоположных политических и идеологических системах. В первую половину жизни ученого сложились его твердые морально-духовные устои – высокая образованность и приверженность к честному и полезному творчеству с максимальной отдачей знаний и опыта обществу. Он не растерял, а, наоборот, приумножил эти благородные человеческие качества в условиях военно-гражданской диктатуры. В этот тяжелый период, когда гибли человеческие ценности, К.Д. Глинка всей своей деятельностью показывал пример веры в науку как одной из основ улучшения жизни. От природы добрый и скромный, он не снижал патриотического накала и был дисциплинирован к себе и другим в выполнении жизненного долга. Он показывал пример высокой культуры и в работе, и во взаимоотношениях со сподвижниками. К.Д. Глинке не была свойственна компромисность. Нормой его жизнелюбия были честность и правда. Своим упорством и настойчивостью в преодолении трудностей он показывал пример беззаветной любви к Родине, преданность науке и боготворения семейного очага. Всем этим он снискал к себе глубокое уважение, любовь близких и веру соратников и почитателей его таланта.

К.Д. Глинка испытал немало горьких и несправедливых разочарований и даже трагедий¹. Но не они сломили его, а неизлечимый недуг, быстротечно прервавший его озаренную светом неутомимого творчества жизнь. Фрагменты этой созидательной деятельности и борьбы за становление моральных устоев возглавлявшейся им науки и излагаются ниже.

На пути к руководству почвенной наукой (Ново-Александровский период. 1894–1912)

О человеческих и научных качествах ученого обычно пишут после его смерти. При этом отмечают преимущественно положительные и созидательные стороны жизни и деятельности. Не совсем так было в жизни К.Д. Глинки. Писали о нем ученики, соратники и друзья. Их воспоминания относятся к разным периодам творчества ученого. Особенно интересны (выражением высокого уважения и преданности к К.Д. Глинке) вос-

¹ Н.И. Прохоров писал об этом: "Смерть безжалостно выхватила из семьи К.Д. старшего сына – Дмитрия Константиновича (родился в 1890, скончался в 1919 г.), который было пошел по научному пути того же почвоведения, на радость всех нас, русских почвоведов; но эта наша радость была недолгой. К.Д. всегда глубоко чувствовал эту утрату не только как отец, потерявший сына, но и как ученый, генетически передавший влечения своего ума к науке, укorenившейся в русской почве" [176. С. 54].

поминания Б.Б. Полынова и Н.И. Прохорова². Они во многом способствовали раскрытию его как ученого и особенно как человека, наделенного от природы оптимизмом, любовью ко всем и всему окружающему.

К воспоминаниям этих двух различных по творческой деятельности и человеческим качествам ученых мы будем обращаться неоднократно. Их роднит неподдельная искренность, глубина чувств и признательность к К.Д. Глинке. Однако остается неясной почти необъяснимая деталь – изменение отношения к его творчеству со стороны Б.Б. Полынова. Если Н.И. Прохоров остался верным в своих чувствах и оценке деяний К.Д. Глинки до конца дней своих, то Б.Б. Полынов с 30-х годов полностью изменил свои взгляды на его творчество и организационную деятельность. Причинность подобного явления до сих пор необъяснима: до этих лет он считал себя другом К.Д. Глинки и высоко ценил его душевные и творческие качества. Но об этом мы подробнее поговорим в специальном разделе.

Итак, в 1894 г. молодой, полный сил и творческой энергии К.Д. Глинка обосновывается в Новой Александрии, на кафедре минералогии и геологии Института сельского хозяйства и лесоводства³. Здесь под опекой своего учителя В.В. Докучаева, бывшего до 1900 г. его директором, К.Д. Глинка сформировался как ученый. В этот период – весьма деятельный и длительный – он становится прекрасным педагогом и оригинальным исследователем. Этому способствует и царившая в институте обстановка активной творческой деятельности.

Думал и предполагал ли К.Д. Глинка, что “найдет себя” здесь и станет “достраивать” созданную Докучаевым науку о почве? Вероятно, нет, так как его карьере как почвовода могли помешать непредвиденные обстоятельства. Однако сложившаяся в профессорском и студенческом кругах

² Б.Б. Полынов (1877–1952), выдающийся деятель в области почвоведения. В известной мере продолжатель глинковского направления. Ему принадлежат создания стройного учения о коре выветривания. Он считал себя другом К.Д. вплоть до его ухода из жизни. Избран академиком и пользовался огромным уважением как оригинальный, неповторимый в своем творчестве ученый.

Н.И. Прохоров – ученик Константина Дмитриевича по Новой Александрии и ближайший сотрудник до конца его деятельности. Николай Иванович бескорыстный почитатель человеческих качеств Глинки вплоть до своей трагической и жестокой гибели. Он был правдолюбом, выдающимся для того времени, знатоком почв Дальнего Востока. В годы коммунистического “созидательного” террора расстрелян и посмертно реабилитирован.

³ Институт находился в дворцовом ансамбле обширного и прекрасного парка имения князей Чарторыхских. В 1915 г. институт эвакуировали в Харьков, где на его базе был создан Харьковский сельскохозяйственный институт им. В.В. Докучаева. Имя в г. Пулавы после войны 1941–1945 гг. было полностью восстановлено и в нем организован научно-исследовательский институт почвоведения и сельского хозяйства.

института научная атмосфера способствовала расцвету творческих и организационных способностей ученого. Этот расцвет происходил вопреки идеологическим препятствиям, которые создавали ретрограды из Министерства высшего образования. Справедливости ради надо отметить, что к тому времени относятся и коренные преобразования крестьянского хозяйства, разработанные выдающимся ученым и политическим деятелем П.А. Столыпиным. Его реформа вызвала интерес прогрессивно настроенного профессорско-преподавательского и студенческого состава Института, желание помочь ее осуществлению. Именно тогда и проявились недюжинные педагогические способности К.Д. Глинки, его талант научного исследователя.

До 1901 г. К.Д. Глинка вел курс минералогии и геологии и интенсивно исследовал процессы выветривания горных пород. Цель этих исследований – накопление материала для будущей диссертации на степень доктора минералогии и геологии. Одновременно молодой ученый руководил практическими занятиями, читал курс почвоведения вместо заболевшего профессора Н.М. Сибирцева. 1901 год явился для К.Д. Глинки годом окончательного и бесповоротного выбора основной области своей деятельности – почвоведения. Однако интереса к геолого-минералогическим исследованиям он не терял до конца жизни.

В 1901 г. К.Д. Глинка возглавил кафедру почвоведения. Одновременно к ученому перешло и руководство почвенными исследованиями в Псковской губернии, начатыми им совместно с Н.М. Сибирцевым. Приступил он к аналогичным исследованиям в Смоленской и Новгородской губерниях, а с 1908 г. стал во главе почвенно-геоботанических работ Переселенческого управления Министерства земледелия. Цель этих исследований – научно обоснованный выбор территорий для колонизационного освоения Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Организацию и руководство работами, развернутыми в широких масштабах (более 100 экспедиций), К.Д. Глинке осуществлять из Новой Александрии было весьма трудно. Тем не менее он успешно справился со столь сложной и многообразной задачей. Дело было налажено. Более того, для проведения анализа почв при кафедре почвоведения даже создали специальную лабораторию. Большую помощь К.Д. Глинке оказывали и его помощники из С.-Петербурга – С.С. Неуструев и Л.И. Прасолов, с которыми он вел обширную переписку, касающуюся различных сторон дела – оформления отчетов, финансовых расчетов и т.п.

Кафедра почвоведения, возглавляемая К.Д. Глинкой, постепенно превращалась в научно-методический центр не только организации учебного процесса, но и проведения исследований по проблемам генезиса, географии и агрономической, особенно земледельческой оценки качества почв (бонитировка). Стремясь повысить авторитет науки на кафедре, К.Д. Глинка привлек к работе наиболее увлеченных почвоведением студентов.

Неудивительно, что с кафедрой связали свои судьбы многие в дальнейшем выдающиеся деятели докучаевского почвоведения: В.П. Смирнов-Логинов, Н.И. Прохоров, Н.А. Димо, С.П. Кравков, П.Ф. Бараков, А.И. Набоких и многие другие. Кроме того, научному росту будущих почвоведов способствовал высокоинтеллектуальный и талантливый профессорский состав Института, основу которому положил еще В.В. Докучаев. В то время здесь успешно работали профессора Будрин, Бурый, Скворцов, Фортунатов, Вотчал, Турский, Малевский и ряд других. Все они прямо и косвенно помогали исследованиям К.Д. Глинки. Отметим, что, несмотря на свою молодость, К.Д. Глинка был избран членом, а затем и председателем библиотечной комиссии и дисциплинарного профессорского суда. В этот период он завершает работу над курсом "Почвоведение" – фундаментальным пособием, охватившим все вопросы почвообразования, генезиса и географии почв.

Знакомый с детства с сельским хозяйством и с его запросами к знаниям о почвах, он руководствовался тем, что почвоведение должно всесторонне изучать почвы, а прикладные науки – осваивать полученные о них данные. Напомним, что в процессе учебы, а затем и при проведении земских постоянно-оценочных и почвенно-колониционных работ К.Д. Глинки постоянно сталкивался с практическими проблемами сельского хозяйства, и они породили разработку теоретических основ докучаевского почвоведения, и в первую очередь качественную оценку почв. Период с 1897 г. (год присвоения ученой степени магистра наук) по 1908 г. (выход в свет первого издания курса "Почвоведение") был для К.Д. Глинки весьма плодотворным, особенно если учесть, что в то время поиском и обобщением литературных данных в области почвоведения практически никто не занимался. Поэтому все это ему пришлось выполнить самому. С этой "черновой" работой К.Д. Глинка справлялся довольно легко. По словам С.С. Неуструева, "колоссальный конкретный материал был всегда в памяти К.Д., которая была одним из самых поразительных свойств его ума вместе с необыкновенной ясностью и трезвостью, отталкивавшей его от эффектных, но малосодержательных или недоказуемых построений!" [167. С. 44].

В этот период у К.Д. Глинки выработалась, а в последующем – совершенствовалась широта подходов к изучению почв. Она "мешала ему быть узким и нянчиться с выдуманной абстракцией или схемами: не насылая фактов (что свойственно современным почвоведом. – С.З.). Ученый давал эмпирические обобщения, которые по возможности можно было извлечь из материалов, которыми он владел в совершенстве" [167. С. 44–45].

Внешний облик К.Д. Глинки тех лет охарактеризовал Б.Б. Польшов. По его словам, это был "молодой стройный юноша. . . у него небольшая светлая борода и смелые немного даже дерзкие глаза" [173. С. 5]. Не-

сколькo позже Б.Б. Пoлынов oтмечал, что ”с тех пор Константин Дмитриевич мало изменился ... лишь бородка стала немного больше, а задор остался все тот же и все так же смело и уверенно смотрят его глаза”.

Такое впечатление произвел К.Д. Глинка на Б.Б. Пoлынова при их первой встрече в марте 1906 г. Будучи студентом Мюнхенского университета, Пoлынов заехал в Новую Александрию, чтобы познакомиться с хорошо уже известным тогда выдающимся представителем докучаевского учения о почве. ”Страх показать себя недостаточно сведущим в предстоящей ученой беседе, – вспоминал Б.Б. Пoлынов, – все это было вполне достаточной причиной, чтобы не чувствовать себя свободно и уверенно. Наконец, я решаюсь . . . открыть дверь (в лабораторию. – С.З.). И я оказываюсь прямо перед Константином Дмитриевичем. Он быстро обращается ко мне. На лице его появляется улыбка – не деланная улыбка любезности, а искренняя, душевная улыбка, в полной мере гармонирующая с веселыми, правдивыми глазами. ”Вот и наш немец приехал! ” . . . Это были первые обращенные ко мне слова Константина Дмитриевича и прозвучали они так просто и вместе с тем так ласково, что от моего смущения и робости в тот же миг не осталось и следа. . . радушный прием был оказан потому, что доброе, приветливое отношение к людям вообще, и в том числе, понятно, и к начинающим молодым ученым, независимо от того, к какой школе они принадлежат, было свойством Константина Дмитриевича и свойством не приобретенным путем навыка, а, несомненно, глубоким, внутренним, врожденным. . . И в обстановке уютной квартиры, и в отношении между членами его большой семьи, и в отношении хозяев к гостям – ничего искусственного, ничего вычурного, эффектно и показного. Уют, покой, простота, добродушие и теплое гостеприимство”.

”Однако, – продолжал Б.Б. Пoлынов, – облик большого ученого тогда в моем представлении никак не связывался с тем добродушием, с простотой тех отношений и, наконец, с такой широкой доступностью и приветливостью, которая отличала Константина Дмитриевича как в его семейной жизни, так и вне ее. Научные, строгие и несвойственные простым смертным внешние формы. И для меня понадобились годы, чтобы понять всю красоту этой гармонии, которая создается сочетанием большого ума и доброго, открытого сердца” [173. С. 9–10]. Эти искренние строчки опубликованы в 1930 г., спустя три года после смерти К.Д. Глинки.

Но еще более яркое и задушевное воспоминание о светлой личности человека и любимого профессора оставили студенты. Он был для них ”кумиром” науки и педагогики, обладателем редкой способности понимать и направлять стремление юношей к знаниям и к исполнению долга, возложенного обществом. Константин Дмитриевич старался вселить в их души уверенность в необходимости приобретения знаний и приобщения

через них к духовной чистоте. Наиболее четко "студенческое восприятие" учителя выразил Н.И. Прохоров, назвавший его "радетелем российской мудрости; всегда стремившимся вселить в них любовь к природе и ее неповторимому творению – почве". К.Д. Глинка, писал он, был «высокого роста, стройный, моложавый лицом, с оттенком русского добродушия и проникающим взглядом, лектор сразу же овладевал вниманием молодежи, и особенно в тех случаях, когда речь шла о каком-либо минерале или горной породе, вступивших в фазы их взаимодействия или разрушения. . . . Когда К.Д. доходил до вопросов рыхлых пород, особенно до глин. . . . он всегда добавлял, что об этом они услышат от его друга Николая Михайловича (Сибирцева. – С.3.) . . . Массовое удовлетворение К.Д. как учителем, ведущим молодежь к знанию, как-то сразу и незаметно оформлялось в чувство близости, в серьезное товарищеское личное знакомство. А ведь в те времена студенчество все критиковало и никем и ничем не было довольным, – в результате же оно оказывалось во власти К.Д. . . . На экзамен студенты не считали возможным без должной подготовки идти к профессору, которого они уважали, считали своим. К этому обязывало и то, что он никогда не ставил низших отметок. Такое правило приводило в еще большее тягостное чувство по отношению к профессору . . . к которому влекут и научные и личные симпатии, а часто и взаимное уважение. Оно подчеркивалось тем, что студенчество никогда не обращалось к нему ни по фамилии, ни по принятому в то время обращению "господин профессор", а просто именовало Константином Дмитриевичем. Летние практические экскурсии заканчивались всегда каким-то сплошным научным праздником, во главе которого стояла фигура К.Д. – профессора и учителя, порой в обстановке экскурсионного общезнания такого же экзальтированного юноши, как любой из молодежи, полного восторгов от первых самостоятельных шагов познавательной исследовательской работы» [176. С. 52–53].

Несмотря на сложную общественно-политическую обстановку, сложившуюся в то время в Польше, ново-александрийский период жизни и деятельности К.Д. Глинки можно считать относительно благополучным. И это несмотря на то, что он был одним из немногих либеральных профессоров. К.Д. Глинка общался со студентами на занятиях, дома, в экскурсиях – вообще постоянно. Тем самым он нарушал "правила близкого общения" с ними, однако при этом старался держаться в границах дозволенного, не вызывая дисциплинарных взысканий. Этому, вероятно, способствовал и высокий научный авторитет К.Д. Глинки, получившего к тому времени признание не только на родине, но и за рубежом.

За время пребывания в Новой Александрии К.Д. Глинка опубликовал не менее 65 печатных работ, защитил магистерскую, а в 1909 г. докторскую диссертации по минералогии и геологии. Примечательна, но пока не объяснима причина защиты обеих диссертаций в Совете Московского

государственного университета⁴. Известно, что право защиты и присуждения ученых степеней имел Петербургский университет (например, Докучаев защищал диссертации в нем). Почему К.Д. Глинка предпочел Московский университет, остается выяснить последующим исследователям истории и почвоведения.

По свидетельству Б.Б. Полынова, при К.Д. Глинке кафедра почвоведения Ново-Александрийского института "сохраняла значение крупного центра развития нового почвоведения. Сюда приезжали совершенствоваться в области почвоведения молодые специалисты, окончившие Петербургский университет, Драницын и Смирнов-Логинов (впоследствии переехал работать в этот институт. — С.З.). Здесь же К.Д. Глинка завязывает прочные связи с зарубежными агрогеологическими организациями и агрогеологами-почвоведомы Венгрии, Румынии, Германии, Франции и др. В Новой Александрии были венгерские ученые П. Трейц и Е. Тимко, румынский почвовед Мургочь, в Будапеште К.Д. Глинка экскурсирует и дискутирует с профессором Э. Раманом по проблеме бурных лесных почв. Венгерские ученые участвуют в полевых экскурсиях с К.Д. Глинкой в целях освоения методики полевых исследований почв. В 1910 г. выходит первый перевод его книги о генезисе, классификации и географии почв

⁴Отметим, что в публикации И.А. Крупеникова (Почвоведение. 1987. № 12. С. 5—13) допущена досадная опечатка о защите докторской диссертации. Указано, что К.Д. Глинка защищал ее в Петербургском университете.

Л.О. Карпачевский рассказал автору этой книги один из весьма интересных эпизодов, связанных с защитой К.Д. Глинкой диссертации на степень доктора минералогии и геологии. В состав Ученого совета при Московском императорском университете входили два известных в то время почвоведов: А.А. Ярилов и А.Н. Сабанин. Зная хорошо К.Д. Глинку, они договорились между собой "пощипать" диссертанта, чтобы придать защите большую дискуссионность. Не исключено, что такая договоренность в некоторой степени вызывалась и взаимоотношениями петербургских и московских почвоведов. Как отмечалось ранее, они не были искренне дружескими и тесными. На защите Сабанин и Ярилов так увлеклись вопросами к диссертанту, что, вероятно, поколебали его уверенность в успехе. Сразу же после окончания защиты К.Д. Глинка решил покинуть заседание, чтобы не выслушивать, как ему казалось, отрицательного решения Ученого совета. Тем не менее Ученый совет без колебаний присудил ему степень доктора минералогии и геологии. Возник вопрос, как же исправить неожиданно осложнившуюся обстановку. А.А. Ярилов, зная Константина Дмитриевича, высказал предположение, что он, вероятно, поехал на Николаевский вокзал, чтобы отбыть в Петербург. Больше того, Ярилов полагал, что Константин Дмитриевич, вероятно, сидит в ресторане и от мнимой неудачи попивает водку. Оба решили ехать на вокзал. Действительно, там они нашли Константина Дмитриевича и, к его изумлению, первые поздравили с успешной защитой и присуждением степени доктора наук. Так закончилась искусственно созданная ситуация. Она, как сообщил Л.О. Карпачевский, была описана в письме А.А. Ярилова к Г.Н. Высоцкому. Л.О. Карпачевскому копию этого письма показывал профессор А.Г. Гаель.

на немецком языке, после чего он приобретает не только европейскую, а и американскую и даже азиатскую известность” [170. С. 693].

За годы службы К.Д. Глинка был произведен в чин коллежского секретаря, затем титулярного советника, коллежского асессора, коллежского и, наконец, статского советника. Он был награжден серебряной медалью Александра III с ношением ее на ленте ордена Александра Невского, а также орденами Св. Анны 2-й и 3-й степеней. Император Китая наградил К.Д. Глинку орденом двуглавого дракона 2-й степени третьей категории.

Решив в 1911 г. выйти в отставку по выслуге лет в отдаленной местности, К.Д. Глинка передал кафедру своему ученику В.П. Смирнову-Логинову. Из других известных его учеников следует назвать Н.А. Димо, Н.И. Прохорова, А.И. Набоких, Г.М. Тумина, И.А. Шульгу, А.М. Панкова, Д.П. Гедеванишвили⁵, Ф.П. Гордеева⁶. С 1908 г. К.Д. Глинка возглавил почвенно-географические исследования Переселенческого управления Министерства земледелия, в 1909 г. был назначен членом ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия. Эти назначения подготовили почву для переезда ученого в 1911 г. в С.-Петербург.

Организатор и руководитель Докучаевского почвенного комитета (Петербургский период)

Переезд К.Д. Глинки в Петербург был закономерен и связан с организацией центра по изучению почв и почвенного покрова страны. Однако прочной материальной базы для ученого не оказалось. Об этом он писал Ф.Ю. Левинсон-Лессингу, настойчиво прося его оказать содействие в нахождении работы хотя бы со скромной оплатой (прил. 5). Такова была действительность: признанный руководитель почвенной науки, обладавший высоким научным авторитетом, не мог приложить свой труд.

К.Д. Глинка был вынужден открыть приват-доцентский курс почвоведения на естественном отделении университета. В 1912 г. он стал профессором Высших женских (Бестужевских) курсов. Со свойственной ему энергией организатора науки ученый ведет занятия, готовя первых в России женщин-почвоведов: Л.И. Тихееву, З.Н. Архангельскую, А.И. Балыц, З.Ю. Шокальскую и др. Одновременно он расширяет исследования почв Азии и начинает более интенсивно обобщать поступающие

⁵ Д.П. Гедеванишвили – создатель грузинской школы почвоведов.

⁶ Ф.П. Гордеев – участник исследования почв Сибири и Дальнего Востока в колониальных целях. После революции переехал в Китай, работал по освоению почв вдоль КВЖД. В 50-х годах возвратился в Россию и скончался в Свердловске.

материалы. В то же время ученый принимает энергичные меры по организации на базе почвенной комиссии Вольного экономического общества (ВЭО) Докучаевского почвенного комитета. В частности, он добывается помещения на Васильевском острове и перевозит туда из ВЭО оборудование и имущество почвенной комиссии, создает почвенную лабораторию и оборудует небольшой зал для заседаний. В ноябре 1912 г., возвратившись с полевых работ, К.Д. Глинка рассылает приглашения на торжественное открытие Докучаевского почвенного комитета.

На торжественном заседании К.Д. Глинка выступил с речью "О развитии почвоведения как самостоятельной научной дисциплины". Ученый провел в ней четкую мысль о том, что, к сожалению, большое признание русская школа почвоведения получила среди западноевропейских ученых, а у себя на родине "русский почвовед, терпеливо и настойчиво делавший свою научную работу, продолжал лишь мечтать и надеяться, что он когда-нибудь получит ту обстановку, в которой возможна правдивая научная работа".

Организацией почвенного комитета К.Д. Глинка положил начало объединению почвоведов России для более активного и целенаправленного развития научного почвоведения. Конечной целью работы Комитета, по мнению ученого, должна была стать "активизация расширения и совершенствования отечественного аграрного производства". К.Д. Глинка предпринял и реальные шаги в этом направлении, сначала в деятельности кафедры почвоведения Ново-Александровского института, затем в организации Воронежского агрономического института им. Петра I, в руководстве работами отдела почвоведения Института опытной агрономии и, наконец, в реорганизации подготовки агрономических кадров в Петрограде – Ленинграде.

Как видим, К.Д. Глинка, с одной стороны, энергично поддерживал начатую В.В. Докучаевым борьбу за признание почвоведения самостоятельной естественноисторической наукой, а с другой, доказывал ее реальную связь с практическими задачами и главной из них – совершенствованием отечественного сельского хозяйства. По существу конечной целью почвенно-ботанических исследований в азиатской части России была подготовка научно обоснованной базы для развития сельского хозяйства этого региона. При этом К.Д. Глинка предостерегал от принятия поспешных решений. Он считал, что "нельзя гнаться за немедленной пользой, а нужно искать истину, твердо веруя, что польза придет сама собой, когда раскроется истина". Наука должна служить людям. Там, "где высоко стоит наука – стоит высоко человек". Этими крылатыми словами К.Д. Глинка закончил свою речь [106].

Переезд в Петербург позволил ученому заметно расширить горизонты разносторонней научной, педагогической и организационной деятельности. Но очень скоро оказалось, что материальная база для такой деятель-

ности, да и для жизни его большой дружной семьи, явно недостаточна. Следует сказать, что в К.Д. Глинке удивительно сочетались качества большого ученого и широта, доброта и веселость русской души. Многие его современники говорили о его чутком и добром отношении ко всем, кто с ним общался. В доме Глинки часто бывали гости. Ученый очень любил танцы, пение и сам обладал неплохим голосом, любил "побалагурить", послушать веселые истории и анекдоты. Жить скупно он не умел, а должного материального обеспечения Петербург ему не дал. Поэтому он неожиданно для многих в конце 1912 г. принимает предложение стать организатором и директором вновь создаваемого агрономического института в Воронеже.

Первые два года ушли на подготовительные работы по проектированию строительства института, а также на разработку учебных программ и планов, подбор научно-педагогического персонала. Живя еще тогда в Петербурге, К.Д. Глинка совмещал основную работу в Докучаевском почвенном комитете и чтением лекций для студентов Петербургского университета и учащихся Высших женских курсов. Обычно лекции проходили в зале заседаний почвенного комитета. Все остальное его время поглощали организационные дела, которые приходилось решать в Министерствах просвещения и земледелия и в ряде других ведомств. Так что день ученого был заполнен до предела и для личной творческой деятельности оставались лишь ночь и раннее утро. Наладив работу комитета, председателем которого он оставался, и заручившись поддержкой со стороны С.С. Неуструева, Л.И. Прасолова, Н.Д. Емельянова, Ф.Ю. Левинсон-Лессинга и отчасти В.И. Вернадского, ученый в конце 1913 г. переезжает в Воронеж. Начинается новый этап работы "на два фронта" – научной в Петербурге и организационно-педагогической в Воронеже. К.Д. Глинка по-прежнему занят до предела, но такая нагрузка не тяготит, а радует его.

Организатор и руководитель нового центра агрономического образования (Воронежский период. 1913–1922)

Около десяти лет напряженной организационной и научно-педагогической деятельности К.Д. Глинка отдал Воронежскому агрономическому институту им. Петра I. Так он назывался до октября 1917 г. Затем его переименовали в Воронежский сельскохозяйственный институт. При своем институте имени Петра I было не формальным, а историческим, так как этот царь стал реформатором старой допетровской Руси. Его имя связано не только с открытием естественных лесных богатств – дубовых карабельных рощ (Теллермановской, Шипов лес и др.), но и с колонизацией степных просторов, направленной на земледельческое их освоение.

Главное здание бывшего Воронежского агрономического института имени Петра I
(ныне Воронежский агрономический институт им. К.Д. Глинки)

К.Д. Глинка был не просто формальным основателем Воронежского агрономического института. Сохранилась восьмидесятилетней давности фотография, на которой запечатлен торжественный акт закладки здания института в 1913 г. На ней выделяется импозантная фигура директора института – К.Д. Глинки. Он при всех регалиях, но прост и демократичен, особенно на фоне представителей высшего аграрного и просветительского руководства, губернии и земства. Справа, за ученым разместились его коллеги – педагоги и администраторы будущего весьма важного аграрно-учебного учреждения, создаваемого в богатейшей черноземной зоне России. Следует полагать, что большинство из присутствующих на закладке здания прониклись чувством гордости за новый институт, призванный готовить будущих хозяев земли русской.

Как уже говорилось, после 1917 г. институт перестал носить имя Петра I и из агрономического был переименован в сельскохозяйственный. Но отрядным оказалось то, что ему присвоили имя К.Д. Глинки.

В перестроечные 80-е годы институт получил статус агрономического университета. До сих пор неясно, что это – очередная, ни к чему не обязывающая "смена вывески" или же действительное намерение преобразовать подготовку агрономических кадров не по всеобщему трафарету, а по университетскому существу. Пока это переименование понимается как расширение общей научной базы агрономии путем использования достижений фундаментальных теоретических наук. Хочется надеяться, что это будет не только отвечать духу и намерениям создателя института – К.Д. Глинки, но и способствовать расширению и углублению науч-

ных поисковых исследований, в чем так нуждается наше отсталое сельское хозяйство.

Велика была роль К.Д. Глинки – просветителя, особенно в области изучения почвы черноземно-степной зоны. Правда, в литературе об этом почти не упоминается, но зато живет и расширяется созданный им институт. Продолжает существовать подвергшаяся различным, подчас не лучшим, трансформациям организационная К.Д. Глинкой кафедра почвоведения. Огромен и вклад ученого в формирование Воронежской школы почвоведов-черноземщиков, богато оставленное им научное наследие.

Добрая память о К.Д. Глинке сохранилась в сердцах продолжателей его дела. И очень символично, что автором памятника К.Д. Глинке, сооруженного перед зданием института спустя 70 лет после смерти ученого, был не профессиональный скульптор, а студент этого института. Не оскудела еще земля русская, а живущие на ней не утратили чувств уважения и благодарности к своим соотечественникам.

Но все же почему К.Д. Глинка переехал в Воронеж? Только ли из-за материальных благ? Очевидно, большое значение имело и то, что ученый начинал свою "почвенную карьеру" с изучения черноземов этой и других губерний в "особой экспедиции" В.В. Докучаева. Он знал природу степей, исследовал их богатые почвы, отмечал тяжелые условия ведения на них сельского хозяйства (засухи, морозы, черные бури и т.д.). Вероятно, эти причины были не маловажными при принятии столь ответственного дела – организации нового центра аграрных наук.

В течение 2–3 лет строительство было закончено, оборудование подобрано, профессорско-преподавательские кадры набраны и институт не только начал готовить специалистов по сельскому хозяйству, но и развернул широкие исследования природы степей. Воронеж становится одним из центров сельскохозяйственной науки черноземной полосы России. Расширяются исследования на полях опытной станции "Каменная степь", созданной В.В. Докучаевым и укрепленной К.Д. Глинкой. Благодаря его труду "Каменная степь" со временем превратилась в многоотраслевой исследовательский институт сельского хозяйства.

В Воронежском агрономическом институте К.Д. Глинка стремился расширить исследовательские работы не только в области изучения почвенного покрова губернии. В сфере внимания ученого вопросы ее экономики, водоснабжения, степного полесозащитного лесоразведения и многие другие. К.Д. Глинка организует и руководит изучением почв и составлением почвенной карты губернии в масштабе 1 : 500 000. Тогда же у него появляется идея создания почвенной станции с целью изучения жизни (динамики) почв и протекающих в них почвенных процессов. Полностью реализовать эту идею ученому не удалось. Им были лишь начаты некоторые исследования по водному режиму и динамике гумусового состояния черноземов, но результаты их опубликованы не были. К исследованию

почв он привлек ряд профессоров из Докучаевского почвенного комитета: А.М. Панкова, Г.Н. Тумина, Н.Д. Емельянова и др. Работы начались в 1913 г., но в 1914 г. были прерваны в связи с началом первой мировой войны. Неизученными остались два или три уезда, которые дорабатывались А.М. Панковым уже в 30-е годы, когда он заведовал кафедрой почвоведения в Горском сельскохозяйственном институте во Владикавказе. Произведя доработку и используя материалы прежних лет, А.М. Панков составил почвенную карту теперь уже Воронежской области.

Автор данной книги был в то время учеником А.М. Панкова, который много рассказывал о К.Д. Глинке как человеке и ученом. Мне уже тогда верилось, что все сотрудники К.Д. Глинки по Докучаевскому комитету искренне и глубоко уважали и любили его. Я хорошо помню, как горько плакал А.М. Панков, получив печальное известие о кончине К.Д. Глинки.

Но вернемся к событиям военных лет. Напряженная деятельность института и кафедры, несмотря на начало войны, продолжалась полным ходом, о чем, в частности, свидетельствует письмо К.Д. Глинки, отправленное Ф.Ю. Левинсон-Лессингу 8 февраля 1919 г. (прил. 6). Его содержание затрагивает ряд вопросов и еще больше домыслов, связанных с соперничеством и дискуссиями почвоведов двух школ (Петрограда и Москвы). Примечательно прежде всего то, что, несмотря на империалистическую войну, революцию, гражданскую войну Воронежский институт напряженно работал, а К.Д. Глинка продолжал оставаться не только ректором института, но и председателем Докучаевского почвенного комитета. Судя по письму, в "Российском почвенном мире" начались разногласия между почвоведом Докучаевского комитета и почвоведом, приступившим к организации Московского почвенного комитета. Разногласия имели не научный, а организационный характер. Докучаевский комитет считал себя объединяющим и руководящим органом почвоведов страны. Московский комитет, возглавляемый Н.А. Димо и А.А. Яриловым, брал на себя руководящую роль, полагая, что поскольку правительственные органы перебазировались из Петрограда в Москву, то ему "легче осуществлять объединение почвоведов, чем Докучаевскому почвенному комитету".

Фраза в письме К.Д. Глинки, характеризующая Н.А. Димо, касалась именно этой стороны дела. К.Д. Глинка считал нецелесообразным резко возражать против предложения об объединении, чтобы "не вызывать суждений субъективного порядка", да и принципиальных научных расхождений между комитетами не было. Однако он, вероятно, полагал, что возможность слияния нереальна. Тем не менее "кулуарные" кривотолки по этому вопросу продолжались, но ни к чему не приводили. К.Д. Глинка в дискуссию по этому вопросу не вступал, твердо заняв выжидательную позицию. Постепенно разговоры о слиянии сами собой утихли.

Это письмо подтверждает умение К.Д. Глинки выходить из сложных

обстоятельств, что также создавало ему авторитет. Несмотря на тяжелые времена, ученый продолжал интенсивную научную деятельность, боролся и даже готовил себе смену. Из особо выдающихся почитателей и учеников К.Д. Глинки тех лет запомнились Г.Н. Тумин, А.М. Панков, П.Г. Адерихин, Н.Д. Емельянов. Но их было гораздо больше.

В те годы жить в Воронеже было сурово и тяжело, особенно для К.Д. Глинки, привыкшего к комфортным условиям жизни и работы. Он, несомненно, мог в любое время уехать на юг и дальше за рубеж. Но этого ученый не сделал. Больше того, он решает возвратиться в Петроград. В 1922 г. он принимает предложение создать в Петрограде сельскохозяйственный институт на базе трех учебных заведений: Стебутовских и Каменноостровских (Бестужевских) высших курсов и агрономического института – и стать его директором. В конце 1922 г. К.Д. Глинка с семьей возвращается в Петроград, и начинается последний этап его энергичной, высоко творческой деятельности.

Глава почвоведения и руководитель высшего агрономического образования (Ленинградский период. 1922–1927)

Итак, в 1922 г., в самое смутное и тяжелое время голода, разрухи и становления новой власти, К.Д. Глинка возвращается в Петроград. Для той поры это было смелое решение: многие, наоборот, стремились уехать туда, где жизнь протекала более нормально, чем в эконимически слабо обеспеченных продовольствием Петрограде и Москве. Вспоминая об этом периоде, Б.Б. Польшов писал: "Серые холодные дни зимы 1920 года", когда мы с Константином Дмитриевичем собирали по улицам щепки для отопления наших квартир, когда мы на рассвете встречались с ним в очередях на мясо и когда наши отношения вылились в окончательную форму хорошей близкой дружбы... И мне особенно дорого, что эта дружба пришла в тяжелые дни и скрасила эти дни и осталась до конца, когда эти дни миновали..." (курсив мой. – С. 3.). Описывая затем годы гражданской войны, разрухи и голода, Б.Б. Польшов подчеркивал, что "именно в это время, урывками между работами на огороде, хождением за пайком, ожиданием в различных очередях писалась работа о красных глинах, о

⁷Эта дата не соответствует действительности. Ее в записях К.Д. Глинки нет, а 1922 год назван им самим и подтвержден приказом о назначении его директором Петроградского (впоследствии Ленинградского) сельскохозяйственного института. Сведений о поездке К.Д. Глинки в 1920 г. в Петроград нет. Кроме того, запись Б.Б. Польшова ясно указывает на постоянное проживание К.Д. Глинки в Петрограде. Полагаю, что здесь произошла или техническая опечатка, или Б.Б. Польшов забыл точную дату. Более вероятно, что его воспоминания относятся к 1922 г.

субтропическом и тропическом климате отдаленных эпох, о свойственных ему формах фауны и флоры”⁸ [171. С. 13].

Итак, К.Д. Глинка вернулся в любимый Петроград, в среду единомышленников почвоведов-докучаевцев. Ему шел 56 год, он был в расцвете творческих сил и исканий и с небывалой энергией продолжил научную деятельность в Докучаевском почвенном комитете. Ученый приступил к реорганизации высшего сельскохозяйственного образования в Петрограде. Организовав в Пушкине (Царское село) Сельскохозяйственный институт, он занял в нем место директора и заведующего кафедрой почвоведения на растениеводческом факультете. Одновременно К.Д. Глинка возглавил Отдел почвоведения Государственного института опытной агрономии. Н.И. Прохоров (также переехавший в Петроград из Новой Александрии) указывал, что К.Д. Глинка всегда консультировал правительственные органы по вопросам организации высших агрономических школ в различных регионах страны. При этом он не только ссылался на личный опыт научного руководителя, проводившего в жизнь докучаевские идеи и взгляды, но и углублял и развивал их с учетом новых общественно-политических установок.

В Петрограде вокруг К.Д. Глинки быстро образовался круг учеников и последователей. Молодежь привлекала способность учителя точно и ясно излагать свои идеи и методы исследования, его научная устремленность. Широтой своих взглядов, географическим подходом к рассматриваемым явлениям К.Д. Глинка заставлял не только слушать себя, но и следовать его идеям. Осуществлять их в то время было весьма трудно. Даже все вопросы по руководству новым сельскохозяйственным институтом ему приходилось согласовывать с членами правления. И это все при наличии различных взглядов и подходов к высшему образованию.

К.Д. Глинка, приступая к созданию в Петрограде сельскохозяйственного института, имел в виду подготовку специалистов сельского хозяйства самой высокой квалификации. При этом он принимал во внимание положения Пастера о том, что ”нет прикладных наук, а есть приложения наук к вопросам жизни” и считал, что ”умение искать истину дается только той научной работой, которая ведется в высшей школе и без которой эта школа мертва, все равно будет ли это университет или специальная школа”. Справедливость этих слов приобретает особое значение и в наше время. Уровень современного педагогического процесса во многих вузах не повышается, а снижается и часто становится формальным. Он больше основывается на использовании элементарных истин, а не современных достижений наук, их перевооруженности, точной научной диагностики и перспективности развития с учетом возрастающей роли охраны природных ресурсов и их мелиоративного улучшения. Научные исследования во многих вузах приобретают формально-бюрократическое количественное (число работ), а не качественное значение.

⁸ Судя по описанию внешнего вида этой работы [171. С. 12–13], она – библиографическая редкость и в список трудов К.Д. Глинки не попала.

В новой революционной обстановке К.Д. Глинка неуклонно боролся за воссоздание высшей школы с устойчивостью программ преподавания, четырехлетним обучением, широкими планами практических занятий и проведения квалификационной практики студентами и, наконец, академизмом дипломных работ кончающих курс наук в высшей школе. В процессе подготовки агрономических деятелей ученый неуклонно придерживался идеи широкой их образованности, прививал студентам различными путями любовь к знаниям, привлекал к освоению новейших идей и результатов через научные общества и кружки. Одно время он даже заведовал Государственным сельскохозяйственным музеем. Несмотря на загруженность в высшей школе, К.Д. Глинка активно участвовал в работах почвенно-геологической комиссии Геологического комитета, Комиссии естественных производительных сил при Академии наук. Помимо всего прочего он ставил научные эксперименты в лаборатории и в полевых условиях.

Вместе со своими учениками (Архангельской, Тихеевой, Охотиным, Маляревским и др.) К.Д. Глинка с большим увлечением преподает почвоведение и организует исследования в области генезиса почв. В свое время на торжествах по случаю 35-летней научно-педагогической деятельности К.Д. Глинки его лучший друг Б.Б. Польшов сказал, что "современный почвовед, все глубже вникающий в динамику процессов, протекающих в природе постепенно отвыкает от статических представлений о покое и мире. Жизнь – это борьба. Покой и мир – понятия не совместимые с жизнью в полном и благородном смысле этого слова. Тем меньше имеет право рассчитывать на полный мир выдающийся представитель русского почвоведения, пока наука эта не получила надлежающей обстановки для своего дальнейшего развития". И вот словно во исполнение этих пожеланий К.Д. Глинка в Петрограде, как и в Воронеже, открывает полевую почвенную станцию, где исследует проблемы динамики почвенных процессов – текущей жизни почв. Совместно с учениками-аспирантами он изучает кислотность и причины ее изменения, глееобразование как один из широко распространенных процессов на северо-западе Европейской России, а также процессы эволюции почв. Постановка таких исследований, по мнению К.Д. Глинки, была вызвана необходимостью разработки вопросов повышения производительности почв и внедрения мелиоративных приемов их улучшения. Как видим, К.Д. Глинку следует считать первым организатором изучения динамики современных почвенных процессов. Значительно меньше внимания уделялось на кафедре вопросам географии почв. К.Д. Глинка полагал, что это прерогатива Докучаевского почвенного комитета.

Последними аспирантами ученого были А.А. Завалишин, А.И. Проневич, Б.А. Философов, Л.П. Белякова, Ю.А. Ливеровский и др. В дальнейшем каждый из них внес посильный вклад в докучаевское почвоведение, оправдав доверие своего учителя. Нельзя не удивляться тому, как К.Д. Глинка успевал справляться с обязанностями директора, заведующего кафедрой, исследователя и научно-общественного деятеля. А ведь

это были нагрузки только по сельскохозяйственному институту, в котором он успешно проработал около пяти лет.

Вторым детищем К.Д. Глинки был Докучаевский почвенный комитет. В этот период, несмотря на финансовую необеспеченность, комитет значительно усилил и расширил исследовательскую и научно-организационную деятельность. Последняя заключалась в проведении съездов, совещаний и подготовке к первому Международному конгрессу почвоведов, объединенных Международным обществом почвоведов (МОП). Комитет работал в значительной мере за счет общественно-договорных средств и не имел возможности полностью обеспечивать материальные потребности сотрудников. Тем не менее он существовал и его идейным руководителем продолжал быть К.Д. Глинка, даже несмотря на длительное отсутствие в Петрограде. Такое положение сохранялось благодаря сплоченности коллектива энтузиастов, создавших необыкновенную обстановку единства, доверия и весьма преданного отношения к своему руководителю.

Основу Докучаевского почвенного комитета составляли ученики Докучаева: Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, П.А. Земятченский, С.С. Неуструев, Л.И. Прасолов, Б.Б. Полюнов, Н.И. Прохоров, М.А. Панков, К.К. Гедройц, М.Н. Антонова, З.Ю. Шокальская, А.И. Балы и др. К.Д. Глинка прилагал максимум энергии, изобретательности, внимания к окружающим его сотрудникам. Добрые отношения с Ф.Ю. Левинсон-Лессингом, А.А. Яриловым и другими позволяли ученому пользоваться содействием Академии наук и многих правительственных учреждений, с которыми был связан А.А. Ярилов. В этом коллективе К.Д. Глинка нашел полную поддержку планов осуществления заветной мечты Докучаева и его последователей – признание докучаевского почвоведения теоретической, естественноисторической дисциплиной. К.Д. Глинка широко использовал любую возможность для пропаганды и популяризации докучаевского почвоведения в Западной Европе и США. Этому способствовал перевод на немецкий язык его учебного пособия [101].

По свидетельству соратников К.Д. Глинки, работа в Докучаевском комитете (по сравнению с остальными обязанностями и нагрузками) доставляла ученому наибольшую радость. Как утверждает Полюнов, "в Докучаевском комитете и часто даже в его столовой за завтраком решались такие дела, как организация азиатских исследований, основание нового почвенного журнала, объединение русских почвоведов Докучаевской школы, привлечение к сотрудничеству представителей соприкасающихся наук, геологов, географов, геоботаников и др. И можно утверждать, что дальнейшая судьба русского почвоведения обсуждалась главным образом здесь – в стенах Докучаевского комитета и его аудитории, музея, лаборатории и даже в его столовой, и Константин Дмитриевич занимал главное место у этого горна..." [171. С. 12], был всегда веселый и бодрый, создавая непринужденную обстановку для решения важных проблем развития докучаевского почвоведения. К.Д. стремился всячески укреплять позиции комитета и расширять его влияние на кафедры почвоведения, которые вновь создавались в сельскохозяйственных вузах после

Октября 1917 г. К тому времени такие кафедры уже существовали в Тбилиси (С.А. Захаров), Омске (К.П. Горшенин), Краснодаре (С.И. Тюремов), Владикавказе (А.М. Панков), Оренбурге (М.И. Рожанец) и ряде других городов. Эти кафедры имели теснейшую связь с Докучаевским почвенным комитетом, а их руководители оставались его активными членами. Комитет оказывал им посильную моральную поддержку, а также предоставлял возможность участвовать в научных мероприятиях на паритетных началах, без давления и "директивных" указаний. К.Д. Глинка умел, создать обстановку взаимопонимания, поддержать все начинания полезные делу развития и укрепления русского почвоведения. В тревожное для нашей страны время возглавляемый им Докучаевский комитет способствовал спокойному и мудрому решению научных и организационных вопросов.

Несмотря на расширение с каждым годом различных исследований и организационных дел, борьба за научную самостоятельность докучаевского почвоведения продолжала оставаться одной из главных забот К.Д. Глинки. Ученому неоднократно приходилось испытывать горечь от нападков на некоторые идеи и научные положения В.В. Докучаева. Первой "ласточкой" такой критики стало выступление в 1900 г. херсонского статистика П.П. Фирсова⁹, направленное, по его словам, против "пресловутого" докучаевского метода бонитировки почв. При этом он основывался на том, что "не земля родит, а небо", т.е. урожай зависит от метеорологических условий, а не от почвенных. П.П. Фирсов полагал, что бонитировка почв – удовольствие дорогое и ненужное и что необходимо учитывать не только почвенные, но и экономические, статистические и, возможно, исторические данные. Правда, это утверждение было отвергнуто самим Докучаевым.

В статье Фирсова, явно защищавшей "честь мундира" (статистического), был задет и К.Д. Глинка. По этому поводу он опубликовал статью (1901), в которой, отбросив "элементы вежливости", показал полное невежество Фирсова, уличил его в искажении истины и незнании литературы. С помощью расчетов К.Д. Глинка показал, что утверждение о дороговизне почвенно-оценочных работ неверно и что они незаменимы при общей оценке сельскохозяйственных земель. Результатом усилий К.Д. Глинки и его соратников стало "расширение почвенно-оценочных работ земствами европейской части России"¹⁰

С болью воспринял Глинка попытки приписать ему и Докучаеву плагиат учения о корках выветривания Берендта. Особенно тяжело было ученому слышать эти обвинения от ученика Докучаева и участника многих их экскурсий А.И. Набоких, выступившего в печати с явно провокационными нападками на докучаевское почвоведение. Этот эпизод из

⁹Фирсов П.П. О почвенных исследованиях как элементе земельно-оценочных работ // Рус. экон. обозрение. 1900. № 12. С. 125–145.

¹⁰Крупеников И.А. Роль К.Д. Глинки в развитии почвоведения // Почвоведение. 1987. № 12. С. 5–13.

истории почвоведения будет рассмотрен особо. Сейчас же отметим, что и эта попытка диссонировать оценку и победное шествие докучаевского почвоведения успеха не имела.

К.Д. Глинка продолжал трудиться и над незаконченными работами прошлых лет. Кроме того, жизнь требовала еще большего внимания к проблемам, поставленным новым общественно-политическим развитием России. Ученый заканчивает главы обзора почвенных исследований Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Объем этой части обзора составлял 30 п.л., однако публикации рукописи помешала начавшаяся революция. Будучи "первопроходцем изучения сибирских почв", К.Д. Глинка спешит издать все новое и интересное, касающееся их генезиса и географии. Так, он составляет почвенную карту Сибири и Дальнего Востока (масштаб 1 дм : 100 верст, 1908 г.); готовит (совместно с Л.И. Прасоловым) второе, дополненное материалами переселенческих работ издание почвенной карты Азии (1915); публикует обстоятельные монографии "Почвы России и прилегающих стран" [121], "Солонцы и солончаки азиатской части СССР" [139], а также краткие курсы почвоведения [76], глиноведения [112], популярное почвоведение [113], учебник по геологии и очерк почв Воронежской губернии [116]. В 20-е годы появляются его книги: "Почва, ее свойства и законы распространения" [115], "Дисперсные системы в почве" [125]; переиздается "Почвоведение" (на французском и итальянском языках); печатается "Очерк почв Якутии" [146]; выходит второе и третье издания курса "Почвоведение" [102, 149], а также множество статей и докладов по актуальным вопросам почвоведения.

К.Д. Глинка ведет огромную научно-организационную и научно-общественную деятельность, продолжая бороться за признание докучаевского почвоведения самостоятельной научной дисциплиной. В 1922 г. в связи с прекращением деятельности ВЭО, в которое входил и Почвенный комитет, К.Д. Глинка добивается включения последнего в КЭПС АН СССР (Комиссия экспедиционных исследований природы Союза) на правах самостоятельного почвенного отдела. Отдел возглавил академик Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, но фактически все научно-организационное руководство осуществлял К.Д. Глинка. Именно он стоял у истоков новых экспедиций в Бессарабию, Казахстан, а также в регионы Средней Азии и других окраин территорий нашего государства.

Переход Докучаевского почвенного комитета в ведение Академии наук ускорил его преобразование в Почвенный институт. "Мы не можем, не должны успокоиться, — писал Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, — пока не возникнет Государственный почвенный институт. Докучаевым и его школой сделано все, что требуется для того, чтобы иметь право рассчитывать на поддержку со стороны государства; и это будет не жертва и не роскошь организации еще одного института, а лишь правильное понимание государственных интересов". Основными ходоатами создания Почвенного института были: академики Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, В.И. Вернадский и профессор К.Д. Глинка. Благодаря их настойчивости такой институт был

открыт в 1925 г., согласно уставу Академии наук, его директором был избран Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. Этому акту предшествовало открытие кафедр почвоведения в ряде университетов страны: в 1918–1919 гг. – в Петербургском, в 1922 г. – в Московском. К этому времени в Москве уже действовал Почвенный комитет¹¹ под председательством Н.А. Димо.

Итак, к середине 20-х годов Докучаевское почвоведение получает полное признание. Вскоре открываются региональные центры по почвоведению в Средней Азии (Н.А. Димо), затем в Казахстане (А.И. Бессонов), а также в Харькове (А.Н. Соколовский) и ряде других мест. Возникает конкуренция между неофициальными, но всеми признанными школами почвоведения – ленинградской и московской. Расхождения не принципиальные, а скорее властно-организационные, связанные с оспариванием первенства в руководстве и представительстве почвоведения. И.А. Крупеников говорил автору, что Н.А. Димо с К.Д. Глинкой не дружили, но встречались часто и были корректными друг с другом. С переводом Почвенного института им. В.В. Докучаева в Москву разногласия между почвоведцами, естественно, прекратились. Этот институт существует и поныне, но относится уже к ВАСХНИЛ (теперь РАСХН). В Ленинграде докучаевское почвоведение потеряло то значение, какое оно имело при Глинке и Прасолове.

Признание заслуг

Итак, Почвенный институт Академии наук СССР организован. Это была серьезная победа на пути признания почвоведения самостоятельной естественноисторической дисциплиной. Теперь оставалось только избрать директором института достойного почвоведом. По уставу АН СССР им должен был стать действительный член Академии. Поэтому необходимо было открыть кафедру почвоведения и создать вакантное место действительного члена – академика почвоведом. Это и было сделано в 1926 г. по ходатайству академиков А.П. Карпинского (Президент Академии наук), В.И. Вернадского и Ф.Ю. Левинсон-Лессинга. На вакантное место была выдвинута одна кандидатура К.Д. Глинки. В архиве Академии наук сохранилось дело "К выборам К.Д. Глинки в действительные члены АН СССР". Выборная комиссия на заседании от 23 февраля 1927 г. единогласно избрала кандидата при двух воздержавшихся вынесла заключение о кандидатуре: "Признан". Это подтвердило и общее собрание Академии наук 2 апреля 1927 г. (24 голоса – за, 1 – против). 5 апреля К.Д. Глинка был уведомлен об этом в теплом письме неперменного секретаря академика С.Ф. Ольденбурга. Так просто, а главное достойно без ненужной выборной кампании "ученые мужи" избрали достойного из достойнейших. Свершилось дело всей жизни К.Д. Глинки: его длительная и тяжелая

¹¹ Он был учрежден при Московском обществе сельского хозяйства. Н.А. Димо возглавлял комитет с 1912 г.

¹² Архив АН СССР. Ф. 2. Оп. 17. Д. 155.

борьба за утверждение докучаевского почвоведения окончилась положительно для русской науки вообще и для почвоведения в частности.

Избрание К.Д. Глинки академиком было событием неординарным и это отразилось и в воспоминаниях его друзей и учеников. Так, выражая отношение отечественных почвоведов к прошедшим в Академии выборам, Н.И. Прохоров писал: "К. Д. Глинка был первым из почвоведов, избранных Академией наук по кафедре почвоведения как действительный ее член, как академик. Русским почвоведом это избрание было необходимо не только как воздание заслуг перед наукой самого Константина Дмитриевича, но и как удовлетворение давнишних чаяний Докучаевской русской школы и ее забот об учреждении в Академии наук кафедры почвоведения. На кафедру в Академии наук с академиком-почвоведом и докучаевцем мы смотрели как на гордость Докучаевской русской школы, как на гордость Союза и всей его почвенной семьи. Да и сама Академия наук учреждением в своих прочных, вековых стенах кафедры почвоведения выходила на широкий путь своего руководства и влияния на жизнь грандиозной страны, укореняющей свои корни культуры в почве. В качестве академика К.Д. Глинка вскоре избирается на пост директора Почвенного института им. Докучаева" [175. С. 29].

Сам факт избрания Глинки академиком был встречен именитой русской интеллигенцией со свойственным ей достоинством, и, несмотря на трудные годы послереволюционной жизни, отмечен скромно, душевно, весело, задорно. Вот как характеризовал это торжество Б.Б. Полынов: "Наступил второй яркий расцвет кипучей деятельности Константина Дмитриевича. Почвенный институт сделался местом особенно крупных событий в его жизни. Здесь в один из весенних вечеров 1927 года, мы – все ленинградские почвоведы вместе с семьей Константина Дмитриевича праздновали его избрание в академики... Константин Дмитриевич отдавался этому веселью также искренне и с такой же полнотой, как и самый юный из наших сотоварищей" [171. С. 13]. В одном из периодических изданий подчеркивалось: «"Если бы жив был Докучаев... наука о почве была уже и в Университете и в Академии. Ему и так принадлежит заслуга создания первой кафедры естественнонаучного почвоведения в высшей школе в Ново-Александровском институте. Но то, что мог и смог бы сделать Докучаев, не могут, не вольны сделать ни Академия, ни университеты порознь, ни Академии и университеты вместе. Чего же не хватает им из того, что было у Докучаева?" Так писали мы в 1916 г. Прошло 11 лет, и мы еще раз поверили только Западу. Нужно было, чтобы почвоведы Союза влились в общую международную семью почвоведов, чтобы "Запад" особо выделил значение работ наших почвоведов в развитии научных знаний о почве... вслед за Западом почвоведение получило окончательное признание в своей стране: через Запад оно – в лице своего "бабки", К.Д. Глинки, водворилось наконец в Академию наук...

Впервые в истории мировой науки на кафедре Академии наук появился почвовед. Это произошло 2 апреля 1927 г. Неделю спустя семья ленинградских почвоведов и представителей смежных в союзе с ним работающих дисциплин, подкрепленная двумя делегатами Москвы, праздновали этот величайший в жизни нашей науки праздник. Хотя празднование носило интимный характер, на него собралось свыше 60 человек. Наряду с заслугами самого К.Д. Глинка, прямого ученика, преемника и продолжателя дела В.В. Докучаева, многолетнего учителя (особенно на международных конференциях и во многих совместных экскурсиях) зарубежных почвоведов помнили и благодарно приветствовали все те, кто особенно много приложил сил к тому, чтобы довести почвоведение до современного признания его как академической естественноисторической науки: и старейший докучаевец А.А. Земятченский, и идущий вслед за ним Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, благодаря которому удалось сохранить Докучаевский музей, и П.А. Отоцкий¹³, основатель и энергичный полный любви к своему делу многолетний редактор "Почвоведения", и др. Отоцкому послана коллективная приветственная телеграмма"¹⁴.

Триумф за океаном

Выборы совпали с еще одним не менее важным историческим этапом развития докучаевского почвоведения – Первым международным конгрессом почвоведов, состоявшимся в Вашингтоне в июне-июле 1926 г. Подготовка к нему в России началась с конца 1926 г. Руководителем нашей делегации был назначен К.Д. Глинка, и он, естественно, хотел показать достижения русских почвоведов в наиболее полном разнообразии, со всей глубиной теоретических и практических разработок. Это было весьма важно сделать по многим причинам, и прежде всего для "закрепления достижений докучаевского почвоведения в зарубежных странах".

К.Д. Глинка и прежде участвовал во всех международных конференциях, связанных с почвоведением ("агрогеологические" конференции, встречи в Будапеште и Стокгольме и др.). В Будапеште К.Д. Глинка был два раза. Первый – в 1909 г., когда на проходившей там агрономической конференции он прочитал доклад "Почвенные зоны и почвенные типы Европейской и Азиатской России", ставший одним из самых важных событий форума¹⁵. Описав зональные типы, К.Д. Глинка сказал и о луговом процессе образования почв и о почвах горных областей. В следующей поездке в Будапешт (1910) К.Д. Глинка обсудил этот вопрос с Э. Раманом

¹³ П.А. Отоцкий остался после революции за рубежом. Похоронен в Праге.

¹⁴ Бюллетень почвоведов. 1927. № 3/4. С. 92–93.

¹⁵ Сабольч И. 75 лет первой международной агрогеологической конференции // Почвоведение. 1984. № 5. С. 114–118.

и в 1911 г. изменил свое мнение и счел возможным развитие этих почв в России. В 1922 г. он выступал в Праге, а в 1924 г. — в Риме, где на четвертой педологической конференции было организовано МОП. Своими докладами К.Д. Глинка знакомил западных коллег с достижениями российских почвоведов. Но зарубежные ученые хотели получить как можно больше сведений о нашем почвоведении. Некоторые из них (Марбут, Штремме и др.) даже приезжали к нам для более глубокого изучения основ докучаевского почвоведения. Свершился прорыв "занавеса", за которым много лет находилось русское почвоведение. Взаимное обогащение знаниями и опытом обе стороны считали весьма полезным. Следует сказать, что в 1922 г. К.Д. Глинка был избран почетным членом МОП. Так что и участие ученого в работе конгресса ожидалось с большим интересом.

К.Д. Глинка, учитывая интерес зарубежных почвоведов к российскому почвоведению, хотел максимально широко показать наши достижения. С этой целью в январе 1927 г. в Ленинграде был создан внеочередной съезд почвоведов, на котором утвердили программу участия советских специалистов в работе конгресса. Программа включала доклады по основным разделам почвоведения и агрохимии, а также демонстрацию коллекций главных типов почв страны, почвенной карты мира и азиатской части Союза и много других материалов. Нашу страну на конгрессе представляли: К.Д. Глинка (глава делегации), Л.И. Прасолов, Б.Б. Польшов, С.А. Захаров, С.С. Неуструев, С.П. Кравков, А.А. Шмук, А.А. Ярилов, В.В. Гемерлинг, Д.Г. Виленский, А.Н. Соколовский, И.В. Тюрин, Я.Н. Афанасьев, А.Ф. Лебедев, Н.И. Прохоров и др.¹⁶.

В короткие сроки был подготовлен и издан на русском и английском языках объемистый сборник "Успехи советского почвоведения", где помещены обзорные доклады по основным разделам этой науки. К.Д. Глинка ответственно отнесся к содержанию сборника. В итоге сборник достаточно полно отражал достижения отечественного почвоведения и не только стал украшением конгресса, но и во многом способствовал пропаганде достижений российских почвоведов. Это был один из лучших и интересных сборников, издававшихся к каждому почвоведческому

¹⁶ Заслуживает внимания умение К.Д. Глинки подбирать перспективных сотрудников, способных принести пользу молодой науке. К началу I Международного конгресса почвоведов И.В. Тюрин был мало известным почвоведом, работавшим в Казанском университете. Тем не менее, К.Д. Глинка остановил на нем свой выбор при назначении докладчика темы "О достижениях в области химии почв". Следует отметить, что в то время химия почв как самостоятельный раздел почвоведения только начал развиваться. И.В. Тюрин представил весьма обстоятельный доклад, после чего он был включен в число делегатов конгресса. Как видим, К.Д. Глинка не ошибся и в лице И.В. Тюрина приобрел преданного единомышленника. Впоследствии И.В. Тюрин был избран академиком АН СССР и долгое время успешно возглавлял и представлял за рубежом русское (советское) почвоведение. При формировании делегации не обошлось без конфронтаций. Как сообщил И.А. Крупеников, недовольство и обиду на Глинку и Ярилова выражал Н.А. Димо: из-за них он якобы не был включен в ее состав.

конгрессу. Сборник не потерял своего научно-методического значения и по настоящее время.

Делегация из 17 человек отправилась в Вашингтон двумя группами. Первая – в составе К.Д. Глинки и Б.Б. Плынова выехала раньше для выполнения формальностей, связанных с участием в конгрессе нашей делегации; вторая, включавшая остальных членов делегации, прибыла к его открытию.

О подготовке и участии наших почвоведов в конгрессе писалось много, причем публикации были разные от обобщающих, показывающих подготовку к конгрессу и сам конгресс, до путевых заметок и записок-воспоминаний, отражающих настроение посланцев отечественного почвоведения. Так, по словам Б.Б. Плынова, в Почвенном институте "в течение нескольких месяцев кипела работа по подготовке к Международному конгрессу в Америке... И здесь же, в моем кабинете, мы провели с Константином Дмитриевичем многие часы, обсуждая маршрут и подробности нашей совместной поездки в Америку". Казалось бы, эта поездка "успокоит" неугомонного Глинку. Но, констатировал Плынов, "его подвижность и изумляла, и нередко смущала меня" даже на пароходе. Представьте себе «прекрасный солнечный день, океан тихий, спокойный, воздух легкий и немного опьяняющий. Как хорошо сидеть на палубе, протянув ноги в long-chaisee, и забыть о "пятилетних планах", сметах, заседаниях и отчетах, ни о чем не думать и медленно, но верно погружаться в небытие... Но Константин Дмитриевич неугомоним и неумолим. "Вот лентяй – спит целый день. Вставай, идемте на верхнюю палубу (!)", и он неуклонно тащит меня наверх и заставляет принимать участие в какой-либо подвижной "морской игре"... Спрятаться не удавалось. Лишь только в течение полутора-двух часов после обеда я мог дремать без помехи, потому что Константин Дмитриевич садился за письменный столик в гостинной и писал письма домой, в которых подробно излагались все впечатления прошедшего дня. Писал он долго и исписывал по 4–5 листов почтовой бумаги...».

В то время путь через океан занимал около семи дней.

Встречи на американской земле были сердечными, внимательными и весьма доброжелательными. «Наша делегация... достойным образом была встречена конгрессом, – писал Н.И. Прохоров. – Почвоведы мира возлагали большие надежды на свидание во время конгресса с русскими исследователями. К этому их побуждало желание познать основы почвоведения как русской науки по книгам Глинки и Гедройца, переведенным на немецкий язык. Способствовали этому и активно участвовавший К.Д. в работах второй комиссии по химическому анализу почв (Гронинген, Голландия, 1926) и на заседании подкомиссии по составлению почвенной карты Европы (Данциг, 1926), Международного общества почвоведов. На последней подкомиссии по настоянию К.Д. для почвенной карты Европы была принята русская номенклатура основных типов: чернозем, каштановые степные почвы, деградированный чернозем, подзолистые лесные почвы, солонец, солончаки и др.

В здании, где проходил конгресс, в специальной комнате на отдельном столе лежал перевод книги К.Д. с немецкого на английский, сделанный одним из руководителей американского почвоведения того времени К. Марбутом. Над книгой были помещены портреты автора и переводчика, плакат над ними "Русская книга, оказавшая влияние на развитие американского почвоведения". Советской делегацией было внесено предложение о проведении второго конгресса в 1930 г. в СССР. Предложение с большим энтузиазмом было воспринято всеми членами конгресса. По уставу академик К.Д. Глинка избран его президентом. Кроме того, русская делегация предложила создать комиссию по генезису почв и избрать ее председателем К.Д., что было так же с удовлетворением принято. К.Д. в течение всех заседаний был в центре внимания вследствие не только своей эрудиции, а и интеллигентности, корректности, неутомимости и остроумию, не переходящему границ норм поведения и общения в обществе прогресса науки и культуры. Позже Е.Ж. Руссел писал в д. "Nature", что все присутствующие на конгрессе в Вашингтоне были преисполнены к К.Д. высокого уважения за его глубокое знание предмета и блестящие научные работы и, хотя провели с ним короткое время, полюбили его за редкую деликатность и светлое настроение духа» [175. С. 30].

По окончании конгресса его участники отправились в поездку по США, продолжавшуюся 30 дней. За это время экскурсанты пересекли страну дважды: с запада на восток и с востока на запад. Время в экскурсиях проходило в интересных напряженных дискуссиях, обмене мнениями, знакомстве с методами исследования. И здесь К.Д. Глинка был на высоте положения, демонстрируя докучаевский подход к профильно-генетическому изучению почв, как это впоследствии отметил Д.Г. Виленский. Было приведено много доказательств рациональности генетического подхода к изучению почв, к закономерностям их географического распределения на основе климатической зональности. Однако нельзя сказать, что участники экскурсии, особенно американцы, не были убеждены в климатической основе русского почвоведения.

К.Д. Глинка весьма внимательно и с неослабевающим интересом впитывал все виденное и щедро делился своими знаниями и опытом, интерпретацией особенностей почвообразования и почв США с позиций учения Докучаева. В итоге научное значение достижений докучаевского почвоведения было достойно оценено.

В полученной участниками экскурсии "Справочной книжке" отмечалось, что наиболее правильно считать почвы "природным телом", порожденным факторами почвообразования, главнейшим из которых признавались климатические и биологические факторы. Пионерами по выработке этой новой концепции в области почвоведения были русские почвоведы. "Россия – мать почвоведения", – отмечал один из участников экскурсии английский почвовед Д. Рассел. Позже, в 1950 г., известный английский историк науки Дж. Бернал, давая оценку докучаевскому почвоведению, напишет: "По сути дела, вся новая наука о почвоведении, основанная ее пионерами В.В. Докучаевым (1846–1903) и К.Д. Глинкой

Академик К.Д. Глинка, США, 1927 г.

(1867–1927), в конце XIX в. все еще сохраняющая в таких своих терминах, как подзол и чернозем, следы своего русского происхождения, является прямым результатом попытки создать научное земледелие”.

Основу такой оценки Докучаева и Глинки составили успехи русского почвоведения не только на первом, но и на втором конгрессах почвоведов. Английский почвовед Е.М. Кровзер высказал мнение, что после первого конгресса ”интерес всех исследователей всех стран обратился к вопросам морфологии, генезиса, классификации и картографии почв. Основные материалы по этим вопросам были собраны русскими исследователями, которые развили научное исследование почв как самостоятельную ветвь естествознания”. Такое признание, по мнению Крупеникова, очень важно, так как в Англии знания о почве долгое время включались в агрохимию и земледелие [162. С. 228]. Кровзер в 1927 г. подчеркивал ”изолированность” русских ученых, которую ”разрушил” Вашингтонский конгресс, благодаря участию в нем значительной советской делегации во главе с К.Д. Глинкой.

Триумф К.Д. Глинки продолжался в экскурсиях и на банкетах в честь участников конгресса. Примерно 20 раз обращался он к присутствующим на торжествах. В последний раз К.Д. Глинка выступил на банкете в Де

Мойнсе. Чувствовалось, что ученый устал и мечтает поскорее уехать домой. Видимо, он предчувствовал, что эта поездка подводит финишную черту его жизни. Конец оказался триумфальным и трагическим.

Около трех месяцев длился самый ответственный напряженный и изнуряющий период жизни и деятельности К.Д. Глинки. Он блестяще провел его среди представителей мирового сообщества почвоведов, убедительно показав, что русское почвоведение стоит на должной высоте и достойно мирового признания. Его принципы и методы надолго оказали влияние на развитие мирового почвоведения. Но если при жизни его творчество и влияние на развитие почвоведения воспринималось как принципиально новое, открывающее пути развития науки, то спустя 20–25 лет после кончины ученого началась его "жизнь после смерти". В эти тяжелые для почвоведения времена случайное и вредное направление в науке перевело К.Д. Глинку в разряд консерваторов, тормозивших развитие биологического направления в почвоведении. Сложившемуся положению, весьма редкому в мировой практике, будет посвящен особый раздел.

Научное наследие и наследники

Выветривание и почвообразование

В творчестве К.Д. Глинки изучение выветривания горных пород и минералов, а также исследование кор выветривания не заняли такого места и времени, чтобы рассматривать их в особом разделе. Однако последующий ход событий, связанный в современных условиях в почвоведении с определением понятия выветривания и образованием его продуктов, в наибольшей степени почему-то стали ассоциировать с именем К.Д. Глинки. Но повторяю, что специальных работ в этом направлении у него было очень мало. Продукт выветривания (строение, состав и свойства) он рассматривал не как самостоятельное геологическое образование коры выветривания, а как опосредствованный результат современных или древних (палео) процессов почвообразования. Тем не менее два понятия – выветривание и почвообразование – вот уже более 100 лет являются предметом дискуссий и вызывают самые разные исторические, современные и перспективные толкования. Основной причиной тому следует считать попытки на основе современных динамических геологических процессов подойти к познанию генезиса кор выветривания, занимающих обширные территории на Земле.

Почвоведение, зародившись в недрах геологии, изучая современные процессы выветривания горных пород и минералов, стремится проложить "мостик" к выяснению сущности этих процессов. Но долгое время это не удавалось. Причина тому была, вероятно, одна – стремление понимать выветривание как процесс абиотический, связанный в своем проявлении преимущественно с климатическими режимами, а еще уже с соотношением тепла и влаги, воздействующих на горные породы. Однако подобная точка зрения не получила широкого развития. Ей все больше и больше противопоставляется мнение, что ведущее участие в выветривании принимают биогеохимические процессы, в преобладающей степени связанные с деятельностью живых организмов.

К.Д. Глинка был один из первых, кто выветривание представлял себе как процесс химико-биологический. И в то же время он рассматривал выветривание в аспектах: *минералогическом*, имеющем самостоятельное значение, положившем начало почвенной минералогии; и *биогеологическом*, направленном на выявление генетических взаимоотношений или взаимодействий минеральной и органической частей, определяющих формирование кор выветривания или почв.

Минералогический аспект предполагает изучение генезиса почвообразующих пород и почв на них. Как справедливо отметил Ю.А. Ливеров-

ский: "Исследования Константина Дмитриевича в области изучения процессов выветривания явились крупнейшим вкладом в теорию гипергенеза" [166]. В этих работах самым интересным и важным, по словам Ф.Ю. Левинсон-Лессинга, было установление "существования особых промежуточных продуктов выветривания типа кислых солей" [163]. А.Е. Ферсман назвал их "мутабильными соединениями". Этот процесс вскоре получил признание у нас и за рубежом. К.Д. Глинке принадлежит новая точка зрения, согласно которой выветривание минералов является результатом их преобразования в твердом состоянии. Несмотря на общее признание выдающегося значения работ К.Д. Глинки по выветриванию минералов, до сих пор не потерявших значения, имя ученого в почвенной минералогии незаслуженно забывается, хотя есть и последователи, развивающие его идеи. В этой связи Ю.А. Ливеровский, оценивая значение работ К.Д. Глинки, писал: "Можно признать, что он по существу является основателем оригинальной школы русской почвенной минералогии, которая в советское время развилась в почвенно-биогеохимическом направлении" [164].

Биогеологический аспект вызвал со стороны критиков Глинки наибольшие нарекания, обусловленные не столько неточностью его формулировок, относящихся к корам выветривания, сколько крючкотворством и выдергиванием из его работ отдельных фраз, что, по выражению Ливеровского, приводит к абсурдности суждений и утверждений, противоречащих всему творчеству Глинки [164. С. 384]. В почвоведении все началось с выступлений в печати А.И. Набоких, пытавшегося доказать, что Докучаев-Глинка не оригинальны в своем творчестве и якобы повторяют немецкого агрогеолога Берендта в трактовке понятия кора выветривания почв, тем самым отказываясь от возможности самостоятельного существования почвы как естественноисторического тела. Подробно его дискуссия с К.Д. Глинкой освещается в разделе "Докучаев-Глинка или Фаллу-Берендт". Ниже мы остановимся лишь на историческом значении немецкой агрогеологической и русской генетической школ в развитии почвоведения.

Набоких и некоторые другие прибегают к тривиальному обвинению Глинки в незнании почвоведческой литературы. Такое утверждение Глинка отвергает, так как он больше, чем кто-либо другой, знал литературу и следил за новинками, а впоследствии привел исчерпывающие источники в курсе "Почвоведение". Широко обсуждался и неожиданный вывод К.Д. Глинки, что "все исследователи согласны в том, что почва - это тот поверхностный горизонт земной коры, который произошел благодаря процессам выветривания". Далее он пояснил, чем отличались почвы от кор выветривания, но это не было принято во внимание критиками. Муссировалось только первое утверждение, которым после Набоких воспользовался Польшов, заключив, что "Глинка пошел против

Докучаева, но в то же время не пошел дальше Берендта”. Вряд ли Глинка мог согласиться с сугубо геологическим определением коры выветривания, которое в 1877 г. дал Берендт: ”Почва – это не что иное, как оболочка выветривания всякого петрографического обособленного пласта, а почвоведение – не что иное, как учение об образовании, составе и развитии коры выветривания современной земной поверхности, находящейся в соприкосновении с воздухом”. Польшов полагал, что Берендт лишь сформулировал и обобщил результаты отдельных наблюдений, выводов многих своих предшественников. Остается неясным, как мог К.Д. Глинка, не разделяя научных положений немецкой агрогеологической школы, согласиться по существу с весьма неясным определением Берендта?

Это тем более непонятно, если учесть, что Глинке были хорошо известны научные подходы немецкой школы, удачно сформулированные Крупениковым. Как известно, эта школа ”утверждала, что почвоведение ветвь геологии... а почва – землистая поверхностно лежащая горная порода, которая, поскольку она используется в земледелии, нуждается в агрономической характеристике под углом зрения ее физической природы и химического состава [162. С. 103]. Наиболее ортодоксальный сторонник этого направления, Берендт, считал, что почвоведение представляет ”хотя и запущенную, но тем не менее неотделимую часть геологии, и, только оставаясь в пределах этой последней, оно может получить правильное развитие”. Почвоведение, подчеркивал он, ”есть необходимое дополнение, чрезвычайно важная для практической жизни часть геологии”. Его предшественник Ф.А. Фаллу (1795– 1877) говорил, что ”почва не имеет ничего общего ни с растением, ни с любым другим органическим веществом... она могла быть сравниваема только лишь с неорганическими телами и в особенности с минералами [162. С. 133]. Даже эта малая толика характеристики устоев немецкой школы показывает, что они ”ни в какой мере не вяжутся и не сопрягаются с теорией докучаевско-глинковского почвоведения”. Можно предположить, что К.Д. Глинка выразил лишь принципиальное согласие на отождествления в широком плане современных кор выветривания с почвообразующей толщей. Этому согласию он не придавал большого значения и не предполагал, к каким последствиям оно может привести.

Такое неясное положение с понятиями почва–кора выветривания, когда последняя приравнивалась к почве, продолжает существовать и поныне. Но теперь многие геологи (Новиков, 1963, Черняховский, 1991 и др.) полагают, что основоположником современного представления о корках выветривания и почвах были Фаллу и Берендт, а не Докучаев и Глинка. Это происходит прежде всего от того, что на создавшуюся коллизию почвоведы почти не откликнулись, считая этот эпизод не заслуживающим внимания. Лица же, не глубоко знакомые с историей вопроса, пользуются хронологическими датами и формально признают приоритет

Берендта. По существу, за все время была предпринята одна попытка восстановить доброе имя Докучаева, но и она не привела к желаемым результатам [179]. Ознакомившись с нею, Полынов писал, что существенно различия между взглядами Докучаева и Берендта не было. Однако это далеко не соответствует действительности. К.Д. Глинка еще в 1902 г. так определял процесс выветривания: "Это сложный физико-химический процесс, который совершается в любой поверхностной горной породе под влиянием, с одной стороны, внешних атмосферных факторов, а с другой – бесчисленных организмов, населяющих земную поверхность, а также продуктов их жизнедеятельности и разложения. Внешние факторы выветривания находятся в ближайшей зависимости от общего для земной поверхности источника энергии – солнца" [52]. Как видим, Глинка отдавал должное в образовании кор выветривания биологическим воздействиям (процессам) и не считал коры выветривания исключительно явлением абиотическо-климатическим.

Хотя Глинка и был геологом, его подходы к определению, что такое почва и как она образуется, на породе или почвенном субстрате, основаны на их изменении современными или древними химико-биологическими процессами. Тем самым он подчеркивал преемственность почвами состава и строения кор выветривания. Кроме того, непрерывным условием почвообразования являются процессы, объясняемые деятельностью живых организмов и поведением их отмирающей органической массы (мортмассы). В известной мере понятие коры выветривания преимущественно ограничивается физико-химическими процессами, направленными на преобразование горных или почвообразующих пород вообще и не формирующими при этом самостоятельно выделяющихся природных тел. Примененче термина кора выветривания скорее связано с необходимостью более четко и ясно определить формирование или развитие почв как природного тела и пространственное их распределение.

К этому следует добавить, что типология кор выветривания основана в большей степени на зональной смене климатов. Поэтому понятие тип коры выветривания более широкое, чем понятие тип почв. Оно безразмерное, т.е. не имеющее границ, характерных для природных почв. Типы кор выветривания отражают направление преобразования горных пород, контролируемое сменой климатических условий, и поэтому не показывают различий состава горных пород. Ограничение понятия кора выветривания, в понимании Глинки (да и многих почвоведов), – термин и его содержание не типологические, т.е. не имеющие границ природного тела. Последние устанавливаются для типов почв и составляющих их нисходящих типологических единиц (подтип, род, вид). Созвучно с этим и указание Глинки на то, что "одним из признаков, отличающих почву от горной породы (и коры выветривания. – С.З.), является способность первой закономерно размещаться по лику Земли, что нельзя сказать о

горных породах и корах выветривания вообще". Заканчивая эту мысль словами, что "один из основных законов педологии – закон приуроченности почвенных типов земного шара к определенным природным, главным образом, климатическим условиям", Глинка вновь акцентирует внимание на роли климата. В этом случае оно не уместно, поскольку речь идет о генезисе, а не о географии почв. Такое совмещение генетических и географических понятий, как будет показано позже, повлекло за собой приписывание Глинке развития климатического направления в почвоведении. И наконец, к почве Глинка относит продукты взаимодействия поверхностно лежащей горной породы с климатическими и биологическими факторами¹, а не только с первыми, как это стремятся доказывать многие исследователи.

Рассмотренные определения коро- и почвообразования характеризуют три основных стадии эволюционного преобразования горной породы в почву. По существу они отражают эволюционное развитие почвы. Больше того, по мнению К.Д. Глинки, "многие исследователи еще с давних времен совершенно правильно определяли почву в качестве продукта выветривания. В то же время давая такое определение, они, однако, в дальнейшем изложении рассматривали по преимуществу продукт, а на процесс обращали меньше внимания, если же и обращали, то, говоря о процессе выветривания, не вполне ясно или недостаточно полно охватывали это явление". Из сказанного вытекает: К.Д. Глинка стадию выветривания в качестве самостоятельной не выделял, а полагал, что эти два явления (корообразование и почвообразование) представляют собой *стадии одного и того же процесса – современного почвообразования и по сути своей аналогичны, а некоторые не принципиальные различия могут быть обусловлены временными стадиями интенсивности проявления почвообразования.* Это подтверждает и сам К.Д. Глинка, считавший, что "условия образования глубоких горизонтов находятся в самой тесной связи с условиями образования поверхностных гумусовых" [52. С. 65].

Таким образом, по Глинке, современная кора выветривания совмещается с почвенным профилем. И только в субтропических и тропических условиях в коре выветривания выделяется верхний (1–2 м мощности) деятельный слой современного почвообразования, переходящий в собственно древнюю кору выветривания, представленную пестрым горизонтом или зоной "ташете", уходящим ниже в литомаржевую зону и затем в коренную породу². "Итак, мы принимаем, – подчеркивал

¹Уместно заметить, что факторы не могут непосредственно влиять на развитие почвы. Они определяют процессы, а процессы через состав и свойства восстанавливаются нашими сознанием и мыслями.

²Герасимов И.П., Ромашкевич А.И. Почвы и коры выветривания в генетическом профиле красноземов Западной Грузии // Почвоведение. 1967. № 4. С. 23–31.

К.Д. Глинка, – что если в более глубоких горизонтах продуктов выветривания, где на глаз незаметно присутствие веществ гумуса, можно наблюдать какие-либо изменения, происходящие одно временно с формированием поверхностных гумусовых горизонтов и в силу общих причин, то таких горизонтов мы логически не имеем права отделять от гумусовых и должны и те и другие одинаково называть почвой или, что одно и то же, корой выветривания” [52. С. 65]. По мысли К.Д. Глинки, изучая внешние признаки и внутренние свойства почв, ”мы постоянно имеем в виду мысль, нельзя ли этими признаками и этими свойствами воспользоваться для решения вопроса об отражении современных признаков и свойств выветривания и почвообразования в древних корях выветривания и возможность восстановления по ним условий формирования и типов почв прошлых периодов развития природных ландшафтов”. Здесь мы подходим к еще одному аспекту научной деятельности ученого – палеопочвоведению и палеогеографии.

Итак, К.Д. Глинка впервые выдвинул идею об изучении древних кор выветривания. Однако это оказалось забытым, первыми стали считать других, а идею ”почвообразования на корях выветривания” вообще приписали Берендту, несмотря на то, что его понимание кор выветривания было весьма суженным, а главное, научно необоснованным. Правда, в этом отчасти виноват и Глинка, который, умаляя свое оригинальное направление, сам согласился с первенством Берендта (1877) и Богословского (1899). По существу же К.Д. Глинка первый предложил в изучении кор выветривания применять не только химические, но и биологические, и почвенно-минералогические и почвенно-петрографические методы исследования. Он же советовал обращать внимание на стадийное выветривание почвенных минералов, а также и горных пород с образованием генетически различных типов выветривания, считая возможным устанавливать по ним направление и интенсивность выветривания минеральной части почв. Те же подходы он рекомендовал применить и при изучении древних кор выветривания. К.Д. Глинка считал, что необходимо выявление в них остаточных признаков и свойств почво-кор прошлых ландшафтов. С этих позиций им изучались красноцветные коры выветривания в Западной Грузии. В них он обнаружил признаки и свойства кор выветривания, выделенных по современной терминологии в классы ферраллитных, сialлитных и т.д. Он впервые установил, что красноцветные коры на Дальнем Востоке представляют собой остатки древних почв субтропических ландшафтов. Эти идеи, но без упоминания его имени, развиты в современном учении о древних корях выветривания (Польнов, 1934; Петров, 1967; Перельман, 1960; Новиков, 1961; Черняховский, 1991 и др.). Однако большинство его представителей основателем этого направления предпочитают считать Берендта, хотя он ничего оригинального, кроме узкого определения понятия коры выветривания, не разработал.

В учении о древних корках выветривания много спорного и неясного, но все же большее и большее значение в установлении их генезиса приобретает почвенно-геохимическое направление. Почвенные методы изучения органического вещества, форм соединений оксидов железа и алюминия получили широкое применение при установлении типов и стадий аллитного и ферраллитного выветривания. Сами же корки рассматриваются как древние законсервированные почвообразовательные толщи или, как образно называл их В.П. Петров (1991), "трупы почв". До сих пор не понятно, почему К.Д. Глинку осуждали за стремление изучать выветривание как одну из стадий почвообразования, а почвы – как природные тела. Почему-то Берендт, Полюнов, Герасимов и другие исследователи, так же, если не более широко, изучавшие выветривание и древние корки выветривания, не обвинялись в отходе от почвенной проблематики, а Глинка даже удостоился иронического звания – "коровед". Такая недальновидность и пренебрежение могут быть объяснены только узостью понимания роли почвообразования в жизни, в конъюнктурном отношении к почвоведению, которое сложилось уже в 30-е годы и отчасти продолжается и поныне.

Мы не имеем права умалять значения К.Д. Глинки в изучении процессов выветривания и почвообразования. Многое из того, что сделано им, не потеряло своей актуальности и в настоящее время.

Из истории развития взглядов на роль климата и геологии в почвообразовании

Роль и значение климата в генезисе и географии почв К.Д. Глинкой изложены достаточно ясно и доходчиво. До 30-х годов его взгляды в этой области не вызывали каких-либо принципиальных возражений³, но затем они подверглись целенаправленной критике. Климатическая концепция почвообразования стала рассматриваться как ведущая в его творчестве. Дискуссия по этой проблеме вскоре была так запутана, что разобраться в том, где истина, а где преднамеренная "импровизация", стало весьма трудно.

Причины такого явления также неясны. Вероятно, они в большей степени имеют конъюнктурную, чем принципиальную (научные противоречия) подоплеку. К сожалению, творчество К.Д. Глинки после Октября 1917 г. попало в сложную полосу формирования научной мысли. В этот период ученого обвиняли в отходе от идей Докучаева и развитии сперва геологического, а затем климатического направлений в почвоведении.

³Исключение представляет критика А.И. Набоких воззрений Докучаева, вызвавших отпор К.Д. Глинки [55].

Некоторые считали, что приматом климатического воздействия Глинка пытался подменить докучаевское учение о равноценности всех факторов почвообразования.

Наиболее острыми были выступления Полынова, Виленского, Вильяма и др. Противники К.Д. Глинки в своих обвинениях исходили из разбора двух его работ [51, 102]. Однако изложенные в них взгляды претерпели со временем существенные эволюционные изменения. Об этом, в частности, свидетельствует "Введение" к очередному изданию "Почвоведения", с которым критики Глинки, вероятно, не познакомились. "Вызывает недоумение или является странным, – сказано в "Введении", – что западноевропейские и русские почвоведы цитируют нашу старую, 1915 г., классификацию, когда новая схема ее была опубликована в 1921 г., повторена в 1922 г., 1924, 1925 гг". В ней нет обобщений типов в группы по зональному признаку или по гидротермическим режимам. "Мы полагаем, как и большинство русских классификаторов, – указывал Глинка, – что в основу схемы в качестве классификационных единиц должны быть положены типы почвообразования, иначе способы образования почв, от которых зависят как внешние, так и внутренние свойства почв" [149. С. 285].

Этими высказываниями, казалось бы, по существу снимались многие, если не все, возражения, предъявляемые Глинке в отношении роли климата в почвообразовании и особенно в связи с классификацией почв. Однако заметим, что эти вопросы в ряде статей, касающихся климата как почвообразователя, вообще не отмечаются. Так, Ю.А. Ливеровский даже не упоминает о них [164, 166]. Но мотивы этого неясны. Возможно, практика тех лет не допускала освещения негативных сторон в деятельности ученых. Не исключено, что в фактологии о роли климата в почвообразовании и отражении ее в классификации Глинка повторял Докучаева и особенно Сибирцева, и правомерность глинковских сообщений не вызвала каких-либо сомнений у большинства исследователей. Наконец, критиковалась "надстройка" над типами почвообразования, в первом варианте – тепловые и влажностные показатели, а во втором – зональная принадлежность классифицируемых типов почвообразования и типов почв. В третьем варианте – последнем, эти "надстройки" были сняты и оставлена только система типов почв.

На этом можно было бы и закрыть обсуждение вопроса. Но поскольку материалы критиков опубликованы и "сработали" не в пользу К.Д. Глинки при использовании устаревших представлений, не соответствующих его новым представлениям, необходимо осветить действительное положение дела. К этому объясняет и то, что автор данной книги лично знал и работал с Б.Б. Полыновым и Д.Г. Виленским. Сразу нужно подчеркнуть, что до 40-х годов они не только не выступали против К.Д. Глинки как антидокучаевца, а, наоборот, всячески поддерживали его, особенно на

Первом международном конгрессе почвоведов. Так, Виленский в одной из публикаций о конгрессе, указывая на особую великую роль К.Д. Глинки, подчеркивал, что ученый достойно представлял *профильно-генетическое докучаевское почвоведение*.

Обратимся теперь к формулировке Глинки, касающейся роли климата в почвообразовании, данной им в 1927 г. [149]. По мысли ученого, "если на распределение почв в пространстве влияют элементы климата (колебания температуры и влаги), то почвы должны изменять свои свойства не только под влиянием тех перемен в тепле и влаги, которые совершаются". К.Д. Глинка утверждал, что местные изменения климата зависят не только от рельефа, но и от типа растительности, и обращался к идее "о необходимости закономерной связи между почвой и растительностью". Учитывая влияние минеральной части почв (ее механический состав, окраску), Глинка считал, что "такая связь ясна и между почвой и материнской породой".

К названным факторам он причислял эволюцию почвенного покрова с изменением условий почвообразования. При этом он разъяснял, что как по приведенным, так и по другим положениям "нам все же определенно известно, какое значение придавал исследователь (Докучаев. — С.З.) вопросам о рельефе, материнской породе, типу растительности и возрасту страны". Как видим, К.Д. Глинка, повторяет основной тезис Докучаева о взаимодействии всех факторов почвообразования, а не примате климата над всеми остальными факторами. Взаимосвязанность и обусловленность их Глинка никогда не отрицал. Но Польшов считает, что начиная с Будапештской агрогеологической конференции (1909 г.) Глинка убеждал западных почвоведов в решающей роли климата в учении Докучаева, чем якобы придавал русскому почвоведению одностороннее освещение. Приходится удивляться, что Польшов не смог увидеть у Глинки строгого разграничения роли климата.

В географии почв ученый действительно придавал климату ведущее значение, а в генезисе почв, базируясь на основных положениях Докучаева, считал, что "если почва своеобразное природное тело, то и реакции, протекающий в ней, должны быть своеобразными и давать такие соединения, которые типичны только для почв". Этот тезис проходит через все "Почвоведение". Но, к сожалению, ни Польшов, ни Виленский с этим "Введением", написанным Глинкой заново к третьему изданию, очевидно, не знакомы.

Виленский (1950) рассматривал классификацию 1915 г. и помимо примата климата приписывал Глинке отделение выветривания от почвообразования. Но Глинка там же точно указывал на то, что при развитии почв выветривание и почвообразование представляют единый (совмещенный) процесс. Но, к сожалению, в этом случае Виленский утверждает, что Глинка особое значение придавал климату, считая действие осталь-

ных факторов якобы опосредованным через климат. Однако зачем приписывать К.Д. Глинке то, что он не писал и о чем даже не думал? Больше того, он, вероятно, первый показал, что "Докучаеву же принадлежит почин включения климата в число факторов, определяющих закономерное размещение почв в пространстве". До Докучаева на климат как почвообразователь не обращали внимания. Глинка и после того, как исключил из классификации климатические "надстройки", продолжал рассматривать роль климата как почвообразователя. Он считал, что, по Сибирцеву, "наиболее общее значение из всех условий почвообразования принадлежит условиям климата" [149. С. 277]. По его словам, "из климатических условий Сибирцев ставил на первом месте влажность... но еще важнее (чем температура) значение влажности климата. Зональность как явление климатическое довлеет в классификации Сибирцева". Возвращаясь к вопросу о связи между климатом и почвой, К.Д. Глинка писал: "Необходимо отметить, что влияние влаги на почву проявляется более отчетливо и наглядно, чем влияние температуры. Вода в почве, как, правильно было отмечено Г.Н. Высоцким, то же, что кровь в живых организмах, а потому понятно, что русские почвоведы всегда интересовались вопросами о водных свойствах почвы" [149. С. 161].

Почему же К.Д. Глинка был избран субъектом для множества нападок на его научные суждения о роли климата как одного из почвообразователей? Он же, наоборот, утверждал, а не опровергал взгляды Докучаева-Сибирцева. Почему Полюнов и Виленский стремились приписать Глинке то, что он не писал? Почему Полюнов и Виленский сделали его объектом критики, когда и до Глинки, и после него вопросу о роли климата в почвообразовании исследователи придавали большее значение, чем Докучаев и Сибирцев, Ланг, Волобуев и многие другие? Этот вопрос рассматривается в последнем разделе книги, здесь же попытаемся выяснить, в чем же суть творческого развития Глинкой учения Докучаева.

Напомним, что самостоятельность почвенной науки Докучаев видел в исследовании почвы как естественного природного тела, причем изучаться должны строение, состав, свойства и процессы, определяющие различное выражение почвенных типов. Отсюда главный объект почвоведения – конкретные почвы, и что для этого необходим сбор и обобщение эмпирических данных о них. Именно эту сторону творчества Глинки справедливо оценил Виленский, определив развитие им докучаевского почвоведения в профилно-генетическом направлении. Глинка полагал, что, обобщая конкретные данные о почвах, можно создать независимую естественноисторическую науку педологию, всесторонне характеризующую почву и тем самым могущую удовлетворить потребности и запросы всех отраслей государственной экономики, связанные с ними.

"В отличие от западноевропейских почвоведов, – писал К.Д. Глинка, – русские исследователи единицами классификации считали поч-

венные типы, а не почвенные массы, понимая под типом всю совокупность как внешних, так и внутренних признаков той или иной почвы” [149. С. 18]. Вот почему из нововведений К.Д. Глинки было как можно большее обоснование работ эмпирическими данными, особенно первичными описаниями типичных профилей почв. В этом он видел одну из возможностей снижения субъективизма в интерпретации генетических особенностей почв и обобщения их в типы и группы типов почв. Это, по Глинке, был один из необходимых методических подходов в региональном и тематическом обобщении добытых данных в целях классификации и более глубокого выявления их генетических сходств и различий. Глинка считал, что “все русские почвенные классификации являются не только генетическими, как их обычно называли, но и географическими”. Вот это совмещение двух начал в одной классификационной схеме и породило то двойственное отношение к ним – генетическое и климатическое. Именно последнее не имеет прямого отношения к классификации, а представляет особую “ветвь” почвоведения – географическую, изучающую закономерности распределения почв, обусловленные макро-, мезо- и микроклиматическими условиями, а также сменами климатических режимов. Сейчас эти положения развиваются в различных аспектах.

Так, классификационный подход, намеченный Глинкой, в настоящее время развивается как морфогенетическое или профильно генетическое направление (Б.Г. Розанов и др.).

Касаясь роли климата в географии почв, Герасимов (1981) категорически утверждал, что “вне и интразональные особенности распределения почв, часто толкуемые в свете опровержения зональности на мировой почвенной карте, ни в какой степени таковыми не являются”. Несмотря на убедительность, как нам представляется, прогрессивности взглядов Глинки, направленных на уточнение и дальнейшее развитие учения Докучаева–Сибирцева, Полынов, Виленский и другие пытаются представить Сибирцева и Глинку в качестве апологетов климатического почвоведения. Так, Полынов считал, что зональный принцип, положенный Сибирцевым в классификацию почв, – дань выражению одностороннего климатического направления, а Виленский говорил о стремлении Глинки увести почвоведение от каких бы то ни было практических потребностей и запросов. И в то же время он подчеркивал, что Глинка понимал связи почвоведения с агрономией.

Непоследовательность подобной необъективности в оценке деятельности К.Д. Глинки в общеисторическом контексте выглядит странно и неубедительно. А между тем Глинка стремился заострить внимание на почве и как компоненте биогеоценоза, ландшафта (Докучаев считал это важной перспективой в почвоведении). “Почва, – писал К.Д. Глинка, – самый чуткий показатель малейших модификаций рельефа, степени

увлажнения, прогревания и т.п.” Он также справедливо отметил: “...но мне кажется, что и нет в природе никакого другого тела или явления, которое в данное время так конкретно показывало значение географического синтеза” [149. С. 21]. Эти мысли о будущем науки, что было свойственно Глинке, получили еще более яркое отражение в следующих словах: “...если мне удалось выяснить в предыдущем изложении, что педология стоит также на том пути, который приведет ее к возможности предсказания, то я доказал тем самым научность педологии”⁴.

Трудно сказать, что К.Д. Глинка понимал под “возможностями предсказания”, но то, что он достроил и доказал научность педологии, то это несомненно. Общий вывод из всего сказанного может быть один: несмотря на критику многих положений роли климата в почвообразовании, она оказалась несостоятельной. Глинка предстает перед нами ученым, преданным до одержимости науке, и в то же время скромным, не претендующим на авторитет, эрудицию, принципиальным и стремящимся постоянно двигаться вперед.

О геологическом направлении. Стечения обстоятельств не предсказуемы. Так случилось и у К.Д. Глинки. Будучи по образованию геологом-минералогом, ему пришлось столкнуться и выступать против агрогеологов. В этой тихой борьбе при жизни он оказался более справедливым, а вот после нее история, как уже говорилось, незаслуженно отдала преимущество или первенство немецкому агрогеологу Берендту. Именно его, а не Докучаева–Сибирцева–Глинку, ряд русских геологов предпочли считать основоположником научного почвоведения (Новиков, 1961; Черняховский, 1991).

Глинка не реагировал на приоритет Берендта, однако писал: «Хотя в 1877 г. Берендт протестовал против тех определений понятия “почва”, которые давались почвоведом и агрономами... этот протест почти не произвел впечатления на западноевропейское почвоведение; обобщения же Докучаева создали школу почвоведов, которая развила и дополнила те основные положения, какие были выработаны Докучаевым». Кроме того, оценивая связь почвоведения с геологией, он констатировал: “Русское почвоведение ... всегда близко стояло к геологии и делало даже попытки помочь последней в реставрации физико-географических условий минувших геологических периодов”⁵ [149. С. 23, 274]. Но сам Глинка

⁴Остается неясным, почему К.Д. Глинка употребляет термины и почвоведение, и педология. Иногда нам представлялось, что термин педология он предпочитал использовать как синоним научного, а почвоведение – прикладного понимания задачи науки. Однако это предположение, вероятно, требует самостоятельного исследования.

⁵Имеется в виду палеопочвоведение, одна из задач которого – реставрация ландшафтов прошлых геологических эпох по почвенным показателям.

не считал, что его геологическое образование как-то влияло на геологизацию почвоведения. Тем не менее Виленский назвал в числе представителей этого направления К.Д. Глинку и С.С. Неуструева. В качестве подтверждения своей мысли он привел выдержки из речи Ф.Ю. Левинсон-Лессинга на открытии 100-го заседания Почвенной комиссии ВЭО 20 марта 1909 г., утверждая, что "в ней якобы изложены теоретические основы геологического направления в почвоведении". Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, в частности, сказал: «Со времени появления "Русского чернозема" развитие почвоведения шло у нас совершенно самобытным путем, и можно с удовлетворением отметить, что русское почвоведение занимает прочное место в ряду наук, изучающих земную кору, и все больше привлекает к себе внимание исследователей в области почвоведения в других странах. Главная причина расцвета русского почвоведения и залог дальнейших его успехов заключается, на мой взгляд, в том, что мы рассматривали почвоведение как одну из отраслей геологических наук. Почвы – это не что иное, как некоторый вполне определенный член в ряду продуктов жизни земной поверхности, некоторый частный результат тех процессов, которые обыкновенно объединяются под названием явлений выветривания. С этой точки зрения почвы мы могли бы составить, как и всякие горные породы и продукты их видоизменения, предмет изучения петрографии и химической геологии. Но влияние климата и в особенности организмов сказывается на почвах в более резкой и притом несколько своеобразной форме по сравнению с другими вторичными горными породами, придает им некоторую особую физиономию, которая оправдывает выделение этой благородной ржавчины на земной поверхности, как кто-то из геологов назвал почвы, в объект изучения особой отрасли петрографии и химической геологии, каковой желательно и впредь видеть педологическую науку. Сотрудничество химии, геологии, ботаники, отчасти зоологии, гидрологии и метеорологии при условии понимания почвы как своеобразного полуминерального полуорганического продукта жизни горных пород на поверхность земли – суши – вот тот путь, которым следует идти дальше»⁶.

Вряд ли сказанное можно расценивать как теоретические основы геологического направления. Это скорее характеристика отношения выдающегося представителя геологической науки к новой ее отрасли – докучаевскому почвоведению. В цитате можно увидеть высокую оценку, данную этой отрасли, ее большое значение в деле познания "верхней пленки" земной коры и ее особенностей. Они заключаются в комплексе факторов и отраслей наук, изучающих своеобразное биогеологическое образование – почву.

⁶Виленский Д.Г. Почвоведение. М.: Учпедгиз, 1950. С. 22.

Нам представляется, что такая оценка прежде всего указывает на дальновидность представителей геологических наук и неясность действий некоторых лидеров биологических наук в поддержке становления почвоведения как самостоятельной научной отрасли. Получается, что они критикуют то, в чем сами принимали деятельное участие. Правда, теперь они "считают это недооценкой". В результате Виленский причислил К.Д. Глинку к короведам. Справедливость такой сентенции остается на совести ее автора⁷.

Оценка Б.Б. Польшова была более умеренной, но в то же время ясно намекавшей на причины, ее породившие. Польшов писал о связях почвоведения, когда Ф.Ю. Левинсон-Лессинг возглавлял Почвенный институт. Этот период, по словам Польшова, "совпадает почти полностью с периодом особенно тесной связи Почвенного института с геологией – связи, которую с известной точки зрения можно рассматривать как несвоевременный пережиток, как показатель нашей отсталости от злободневных направлений. Но как бы его ни рассматривать, приходится все же признать, что этот период и эта связь дали весьма ценные, богатые результаты, и результаты общепризнанные... Почвенный институт в то время не только использовал геологию, но и ей кое-что давал" [170. С. 350]. Свою оценку Б.Б. Польшов делал в переломный период внедрения марксистско-ленинской философии в аграрную и биологическую науки⁸. Напоминая об этом, Польшов не мог скрыть своего в общем положительного отношения к содружеству с геологией. В дальнейшем это сотрудничество, к сожалению, было еще более противоречивым и тенденциозным. Но К.Д. Глинка до конца дней своих считал, что "педология стоит в уровень со многими другими науками о природе и человеке, в которых мало эмпирических законов, а много открытых вопросов" [149. С. 16]. Этими словами К.Д. Глинка как бы открыл путь новым поколениям почвоведов для развития науки о почве.

⁷Ранее А.А. Ярилов причислял к короведам Б.Б. Польшова [179], а К.Д. Глинка давал такое определение "почва – кора выветривания земного шара" [94. С. 1], но в учебник его он не поместил.

⁸В этом высказывании, возможно, проявляется новое отношение Б.Б. Польшова к тем преобразованиям идеологической направленности, которые начались в почвоведении с 1931 г. Он полагал, что рассмотрение в тот период связи почвоведения с геологией было несвоевременно и отвлекало от злободневных направлений. В этом проявляется его намек на необходимость идти "в ногу со временем", но все же пока он еще продолжал считать связь с геологией прогрессивной.

Докучаев–Глинка или Фаллу–Берендт (дискуссия с А.И. Набоких)

Вступление К.Д. Глинки на кафедру почвоведения в Новой Александрии в 1900 г. случайно или преднамеренно совпало с первым выступлением в печати А.И. Набоких с тенденциозными по форме и грубыми по содержанию статьями, обвинявшими в плагиате Докучаева, Сибирцева и Глинку. Так как к этому времени Сибирцев умер, Докучаев отошел от научной деятельности из-за болезни, то Глинке пришлось принять "огонь на себя". Он начал свою деятельность с защиты почвоведения от немецкой агрогеологии и признания права на его существование в качестве самостоятельной научной естественноисторической дисциплины. При огромном объеме педагогической и научно-исследовательской работы выдержать натиск абсурдных нападок на него и на почвоведение в целом было нелегко. Эти продолжавшиеся несколько лет нападки "выбивали его из колеи" нормальной творческой деятельности.

Каковы были причины, породившие неблагоприятное и непатриотическое выступление А.И. Набоких? К сожалению, до сих пор эта "история" остается нераскрытой. О ней мы знаем только из публикаций Набоких, ответа на них Глинки и констатации спора, отмечаемого Ю.А. Ливеровским, И.А. Крупениковым и некоторыми другими. Анализа же причин и научной оценки выступлений А.И. Набоких не делалось. Самое удивительное то, что он был одним из наиболее молодых учеников Докучаева и Сибирцева. В последней экспедиции Докучаева на Кавказ Набоких был его помощником. Докучаев доверил ему провести самостоятельно дополнительные исследования в Западной Грузии, когда сам отправился из Баку в Среднюю Азию. Ни в год экспедиции, ни в последующем, вплоть до 1900 г., Набоких не вызывал каких-либо подозрений в нелояльности к своим учителям. От него ни разу не исходило какой-либо критики или недовольства в их адрес. Глинку он знал по Новой Александрии и поэтому тот в какой-то степени был причастен к становлению А.И. Набоких как почвовед. И тем не менее, как отмечают И.А. Крупеников (1981) и К.Д. Глинка (1903), А.И. Набоких выступает с рядом статей и книгой о классификационной проблеме в почвоведении (1902, 1903), в которых с яркой агрессивностью пытается развенчивать Докучаева и Сибирцева.

Основной тезис нападок Набоких: Фаллу и Берендт сказали все самое важное о почвах, их происхождении и даже классификации, а Докучаев лишь повторил их выводы. Больше того, Набоких стремился доказать, что "учителя его, Докучаев и Сибирцев, ничего не сделали в науке, все время повторяли азы западноевропейского почвоведения, которого они в сущности не знали и не понимали", и что "русские почвоведы только в последнее время начинают приходить к тому, о чем в Европе писали еще в 50-х годах прошедшего столетия".

Сделав такой глобальный вывод о русском почвоведении, Набоких перешел к критике частных положений, якобы не соответствующих действительному положению дел. Так, он стал доказывать, что "в России до сих пор отсутствуют анализы подпочв, не содержащих гумуса". Такое утверждение "нашего критика, – писал К.Д. Глинка, – указывает на невнимательное отношение к работам Докучаева и его школе". Отмечая наличие таких анализов во многих работах, он подчеркивал, что без них каждому понятна "невозможность научных выводов о процессах выветривания и почвообразования" [55. С. 130].

Непонятно, на что рассчитывал Набоких, выдвигая такое утверждение. Можно лишь допускать, что в "пылу идеи низвержения" докучаево-сибирцевского учения о почвах он забыл, что подобные утверждения требуют тщательной проверки и обоснования. Набоких считает, что "среди западноевропейских почвоведов-геологов рассматриваемого периода совершенно особняком стоит Берендт", якобы ранее Докучаева давший определение почвы. Однако Набоких совершенно упускает тот факт, что взгляды последнего произвели слишком малое впечатление на немецкое почвоведение. Набоких не удосужился сопоставить взгляды Фаллу и Берендта. Как известно, Фаллу дал аналогичное определение значительно раньше Берендта, а последний не внес чего-либо оригинального в агрогеологическое почвоведение.

Мы уже затрагивали вопросы взаимосвязи и взаимодействий процессов выветривания и почвообразования, и уяснили, что Берендт был предшественником Докучаева и что последний не повторял его выводы. К сожалению, вновь приходится говорить об этом – ведь даже в наше время при рассмотрении процессов выветривания ряд геологов (Новиков, 1961; Черняховский, 1991 и др.) в вопросах почвообразования и его соотношения с корами выветривания отстаивают приоритет Берендта, а не Докучаева и Глинки. Произошло это, по Глинке, вследствие того, что Берендт рассматривал образование кор выветривания как процесс абиотический, не связанный с климатическими и биологическими факторами. Значение последних Берендт признавал лишь в условиях избыточного увлажнения. Сам же Глинка считал, что "самой существенной из задач почвоведения является изучение различных типов почвообразования и установление определенных норм для различных сочетаний экзодинамических и биологических факторов". Иными словами, по современному пониманию, речь шла о диагностических дефинициях, в которые включались Глинкою и типы кор выветривания. Он полагал, что изучение минералогического и химического состава кор выветривания необходимо для выявления изменений минеральной части под влиянием почвообразования. Последнее ассимилирует (поглощает) кору выветривания, создавая единую почвообразующую толщу. Остается непонятным желание показать, что, "по-видимому, совершенно независимо от запад-

ного почвоведения, но ту же эволюцию, только с запозданием во всех фазах, пережило и отчасти переживает теперь русское почвоведение". Во-первых, определение, "по-видимому", выражает неуверенность в предположении, высказанном Набоких (1903), а, во-вторых, немецкое почвоведение было далеко от понятий эволюции, эволюционного развития. Оно было сугубо описательно-констатационным, а не эволюционным. Категорически отвергал Глинка и утверждение Набоких, что русское почвоведение остановилось сначала на теоровском понимании почвы как гумусового горизонта. Глинка справедливо отмечал характерное свойство критика "схватить" отдельные фразы и выражения, не давая себе труда вникнуть в характер и смысл критикуемых работ. Всякий, кто действительно внимательно читал работы докучаевской школы, не найдет в них указаний на ограничение почвы гумусовыми горизонтами. Кроме того, не логично обвинять в том, что "сперва изучали безгумусные коры выветривания, а затем, наоборот, только гумусовую толщу". Допустимо, что Набоких спутал докучаевское понимание почвы с агрономическим (земледельческим). Ведь и Костычев придерживался последнего взгляда и не разделял докучаевского определения почвы. Может быть, рассмотренное утверждение Набоких было необходимо для перехода к следующему выпадку – по поводу "несостоятельности" тезиса Докучаева–Сибирцева о необходимости выделения русского почвоведения в самостоятельную научную дисциплину. Набоких считал, что этот вопрос был решен Теером, Фаллу, Рихтгофеном и другими западными учеными. Своим незнанием или превратным пониманием немецкого агрогеологического почвоведения Набоких показал поразительное невежество. Однако в то время мало кто был знаком с историческими путями развития почвоведения, и поэтому подобный вывод мог быть уничтожающим для докучаевского почвоведения. Остается только гадать о причинах "такой приверженности к немецкой школе и неприемлемости русской, воспитавшей критика".

Далее последовали нападки на более специальные или частные положения, но тем не менее имевшие существенное значение для понимания развития докучаевского почвоведения. Так, не работая в лесной зоне Европейской России, Набоких предлагал разъединение дерновых (дерново-подзолистых) и подзолистых почв. Глинка, как и Сибирцев, не находил возможности резко обособлять эти почвы. Отметим, что и в настоящее время этот вопрос остается дискуссионным.

Такой же необоснованностью выглядело и его предложение объединить каштановые почвы и черноземы. Глинка, будучи ученым-эмпириком, справедливо отметил, что такие обособления и объединения требуют от Набоких по меньшей мере фактических доказательств, но он их не дает. "Мне хотелось бы разъяснить неспециалистам, – писал К.Д. Глинка, – что резкие нападки нашего критика представляют собой плод чрез-

мерной его поспешности и недостаточного изучения тех работ, которыми он пользуется для своих выводов” [55. С. 117].

На грубую выходку Набоких откликнулся и А.А. Ярилов⁹ в статье, помещенной в одном из номеров “Почвоведения” за 1902 г. Согласившись с отповедью, данной Глинкой этому критикану, он, в частности, писал: “Мы позволяем себе высказать уверенность, что не любовь к науке, не искание истины и не искреннее желание оказать посильную помощь другим руководили г-м Набоких при составлении им его библиографического перечня”.

За первым выпадом против докучаевского почвоведения последовали новые. Даже не ответив на доводы К.Д. Глинки, высказанные им в статье, Набоких спешит опубликовать новый материал¹⁰, в котором обрушивается на ряд идей, развиваемых талантливым почвоведом. Ученый “польщен” вниманием критика, посвятившего ему “целых одиннадцать листов (страниц. — С.З)”, написанных в “духе Набоких” — с искажением чужих мыслей и слов и навязыванием своих идей и представлений. “Проф. Глинка, — писал Набоких, — отказался от всякой поддержки зонального учения из числа факторов почвообразования, признал первенствующее значение за одной только влажностью”.

Речь идет о классификации почв, в которой типы почв объединены в классы увлажнения. Поэтому Глинка справедливо отмечает: “Неужели г. Набоких не понимает или не хочет понять, что, говоря о роли климата, имелись в виду более или менее широкие обобщения, связанные с оценкой влияния климата в вопросе о закономерностях распределения почв (разр. — С.З)”. Как видно, сам Глинка указывает не на классификационно-генетическую роль климата, а не географическую.

Следует особо подчеркнуть, что основоположники русского почвоведения никогда не причисляли зональные закономерности распределения почв к факторам почвообразования и, естественно, не говорили о них в своих классификациях почв. Но, к сожалению, Набоких и многие другие авторы рассматривали зональность как основной климатический принцип в классификации почв Глинки. Нам представляется, что необходимо восстановить для истории доброе имя К.Д. Глинки как ученого, твердо стоявшего на генетических позициях в классификации почв.

Основной единицей его классификации, как и классификации В.В. Докучаева, был тип почв, выделяемый по свойственным ему строению профиля, горизонтному изменению состава и свойств почв, что свя-

⁹Ярилов А.А. Г. Набоких как историк и библиограф немецкого почвоведения // Почвоведение. 1902. № 3. С. 232—248.

¹⁰Набоких А.И. К вопросу о почвенных классификациях // Сел. хоз-во и лесоводство. 1902. № 12. С. 114—118.

зано с взаимодействием продуктов жизнедеятельности организмов с минеральной массой. Глинка считал, что почвообразование в первую очередь процесс биохимический. При этом он настойчиво доказывал первенствующую роль этого процесса в изменении минералогического состава почвенной массы. По существу он был основоположником почвенной минералогии, в наше время не подвергающейся остракизму и не вызывающей сомнения в полезности и даже необходимости для познания многообразия процессов, происходящих в почвах, и их значения в классификации и даже в плодородии почв. Мы полагаем, что изменение состава первичных и вторичных (глинистых) минералов в почвах послужило одним из диагностических показателей для разделения К.Д. Глинкой почвенного профиля на элювиальные и иллювиальные толщи или горизонты. В связи с этим Глинка поражается неграмотности, проявленной Набоких, когда тот спрашивал ученого, уточняя понятие "продукты выветривания": элювиальные они или нет? "Неужели г. Набоких не знает, что "элювиальное выветривание" – это то же, что "масляное масло", – удивляется Глинка.

Набоких, ничуть не смущаясь, писал: "...если бы проф. Глинка был ближе знаком с новейшими докладами Докучаева, увидел бы, что, нападая на представителей западноевропейской школы Фаллу, он вместе с тем направляет свои удары и на своего учителя Докучаева"¹¹. Как считал Глинка, "в статье г. Набоких оригинальны только одни абсурды, что и избавило меня в значительной степени от труда провозгласить заслуги г. Набоких". В статье, подчеркивает Глинка, нет "ничего, кроме искажения мысли, приписывания мне чужих мнений, заведомого пропуска моих слов и различных крупных и мелких недоразумений". Глинка указывает, что "исключительные требования (Набоких. – С.З.) объясняются главным образом желанием сказать новое слово и упрочить авторитет научных работников, которых оценили уже и за границей". По его словам, "в работе г. Набоких более чем ясно выступают две мерки: одна по отношению к ученым, признавшим заслуги Докучаева и Сибирцев, и другая – по отношению к ученым или не знавшим работ Докучаева и Сибирцева или относившихся к последним отрицательно" [55. С. 158]. Свою статью К.Д. Глинка закончил "с тем, чтобы никогда больше не возражать ни на какие его памфлеты" [55. С. 160].

Осуждение А.И. Набоких было тогда всеобщим. Исключением был только В.И. Вернадский. Он полагал, что порыв Набоких отражал поло-

¹¹На такую, деликатно выражаясь, неясность редакция журнала дала примечание: «Так как К.Д. Глинка не был на докладе В.В. Докучаева, то редакция отмечает, что В.В. Докучаев категорически высказался за сохранение прежнего определения слова "почва". Все это может подтвердить г. Набоких, присутствовавший на том заседании».

жение (справедливое для любой науки) о том, что понимание почвы Докучаевым еще "не явилось единственным и окончательным".

Теперь эта дискуссия забыта, и мы напоминаем о ней, чтобы показать, в какой конфронтации находились некоторые ученики Докучаева. Крупеников в 1981 г. писал, что утверждения Набоких вызвали отпор докучаевцев, особенно К.Д. Глинки, который блестяще опроверг Набоких, показал его предвзятость и некомпетентность, подчеркнув, что "никто не сделал больше для выделения почвы в особый генетический тип поверхностных образований, чем Докучаев и Сибирцев" [55. С. 159]. К сожалению, на этом не заканчиваются испытания учения К.Д. Глинки, новые, подобного же рода извращения, возникли более чем через полувек после ухода ученого из жизни. На этот раз все было "гораздо серьезнее": на несуществовавшую двусмысленность в творчестве К.Д. Глинки была наложена "печать".

Продолжатель докучаевского почвоведения

До 30-х годов Б.Б. Полынов считал, что К.Д. Глинка "достроил то здание генетического и географического почвоведения", которое в основных чертах было заложено Докучаевым [169]. Но совершенно неожиданно в статьях, опубликованных после 1931 г. (начало "засилья и почвоведении диалектико-материалистического мировоззрения"), ближайший преданный помощник Глинки изменил отношение к его творчеству. Полынов выразил свое несогласие с рядом положений, причем подчас в резкой и некорректной форме. Основные его возражения, отличающиеся от прежних оценок творчества Глинки, составляют следующие положения: неправомерное освещение взаимосвязи почв и кор выветривания, якобы обусловленных только глубиной проникновения почвообразования или мощностью почв; "отсутствие новых и следование берендтовым представлениям о почве"; отход от Докучаева, сводившийся к признанию и дальнейшему углублению климатического направления в почвообразовании и классификации почв, что привело к созданию профилно-климатического почвоведения; негативная оценка деятельности Докучаевского комитета при К.Д. Глинке.

Это оказалось настолько серьезным, что трудно было сразу выяснить причины столь коренного пересмотра всего творчества К.Д. Глинки. Поражало и другое. До публикации этих статей почти никто не обращал внимания на критические высказывания Б.Б. Полынова и они нигде не обсуждались. По нашему мнению, при их рассмотрении нужно обратиться к высказываниям самого К.Д. Глинки, которые могли бы помочь оценить суждения Плынова. И лишь в отдельных случаях мы предлагаем свой комментарий. Забегая вперед, скажем, что мы не нашли у Плынова пря-

мых доказательств, подтверждающих его критические претензии. О причинах изменения его отношения к деятельности К.Д. Глинки нами высказаны только домыслы. Факт пересмотра Польшовым основных концепций творчества и научного наследия К.Д. Глинки нами до конца не осознан. Тем не менее ответственность за посмертную "дискуссию" двух корифеев отечественного почвоведения несет автор очерка.

В оценке ситуации, сложившейся между Польшовым и Глинкой, могут лежать две причины. Первая – личные взаимоотношения с преобладанием субъективных тенденций и вторая – более объективная, связанная с менявшимися в то время философскими воззрениями. Коснемся первой причины. В этой связи следует напомнить, что в 1915 г. Б.Б. Польшов выступил со статьей о петрографическом подходе к изучению почв¹². Суть ее сводилась к тому, что об особенностях почвообразования можно судить по характеру выветривания пород. Статья получила большой отклик в печати. Ее резко критиковали Глинка, Захаров, Димо и другие, причем особенно нелицеприятной была критика К.Д. Глинки. В последующем его оппоненты не выступали, Б.Б. Польшов только разъяснил петрографическое понятие о почве¹³. Можно было полагать, что Польшов согласился с критикой, а оппоненты решили эпизод считать исчерпанным. Но все же некоторые из современных почвоведов склонны думать, что в 30-е годы Польшов решил "отплатить" Глинке за критику упомянутого выше петрографического опуса. Однако мы не будем сколько-нибудь серьезно рассматривать возможность подобной ситуации. В последующем в работах Польшов даже не пытался возвратиться к истории с петрографией. Наоборот, он не скрывал претензий к Глинке, считая, что последний якобы умышленно тормозил развитие учения о ландшафтной роли почв. Однако сам он стал широко развивать это учение в конце 20-х годов, а что касается К.Д. Глинки, то он одобрял и поддерживал это направление. Да и вообще трудно допустить, что К.Д. Глинка, которому была свойственна демократичность, противодействовал творческим исканиям в науке и жизни. К тому же, зная Б.Б. Польшова и ценя его принципиальность, невозможно допустить, чтобы он проявил "мелкотравчатость" во взаимоотношениях с К.Д. Глинкой.

Сообщая об этом эпизоде, мы полагаем, что наша интерпретация не состоятельна. Но тем не менее теперь она известна и каждому предоставляется право ее оценки. В подобной ситуации только объективность может способствовать пониманию недалекого прошлого науки и современного научного творчества. Историческая правда или приближение к ней в таких случаях необходима и для К.Д. Глинки, и для истории почвоведения.

¹²Польшов Б.Б. Петрографическое понятие о почве, о породах выветривания // Почвоведение. 1915. Т. 17, № 1. С. 37–67.

¹³Русский почвовед. 1916. № 11–15. С. 361.

дения, особенно *того времени*, так как многие, если не все положения Глинки, критикуются, исходя из развития науки после смерти ученого.

Естественно, К.Д. Глинка не мог предугадать того поворота научного мышления, к которому пришел Б.Б. Польшов, да и не только он. Напомним, что это было время не революционного и не эволюционного развития научной мысли. Это был период непринятия научных концепций, основанных на накопленном опыте, строгих экспериментах и объективных эмпирических данных. Им противопоставлялись антинаучные концепции, построенные на умозрительных, преступно волюнтаристических представлениях. Под них подтасовывались любые данные и высказывания ученых, отстаивавших научную объективность и принципиальность в решении теоретических и практических проблем и вопросов. Те, кто не принимал нового мышления и действий, подвергались различным способам "перевоспитания". Не поддавшиеся такому "лечению" отстранялись от работы и даже подвергались более суровым мерам наказания. Именно на таком фоне могла развернуться несостоявшаяся при жизни К.Д. Глинки его дискуссия с Б.Б. Польшовым. И основой для нее послужили бы статьи Польшова, относящиеся к 1941–1948 гг. [170], а также высказывания ряда других ученых.

Так, в статье 1941 г. Б.Б. Польшов впервые указал на то, что "одна из докучаевский идей – почвенно-климатическая получила господствующее положение". По его словам, "обаяние этой идеи захватило и непосредственных учеников Докучаева, и неудивительно, что в дальнейшем она получила необычайное развитие". Однако дальше Б.Б. Польшов писал: "Как и у всякой сильной идеи, и у нее оказались и положительные, и отрицательные стороны. Положительная – это необычайное развитие географии почв, достигшее своего расцвета у К.Д. Глинки и его сотрудников и учеников, отрицательная – это затенение, угнетение других, не менее благоприятных идей, причем некоторые из этих угнетенных в свое время докучаевских идей только теперь начинают освобождаться от климатического ига" [170. С. 346].

В другой статье (1947) Б.Б. Польшов не рассмотрел работ Глинки и даже не упомянул о его роли. Зато много внимания он уделил Костычеву, как известно, не разделявшему взглядов и теорий Докучаева¹⁴. Во всех последующих публикациях Польшов не рассматривал работы Костычева, как не связанные с научной проблематикой, разрабатывавшейся им. И наконец, в третьей статье (1948) Б.Б. Польшов наибольшее внимание сконцентрировал на критике основных положений К.Д. Глинки, перечисленных ранее. Статья увидела свет в год расцвета антинаучных идей в естествознании. Отсюда и существенное изменение взглядов Польшова. Подводя итоги достижениям почвоведения за дореволюционный период,

¹⁴ Зонн С.В. Василий Васильевич Докучаев. М.: Наука, 1991. 221 с.

Б.Б. Полынов писал: "Мы должны признать, что, обогатившись обильным фактическим материалом, установив ряд новых почвенных форм¹⁵, вызвав некоторые сложности в закономерностях географического распределения почв и частично разрешив ряд генетических вопросов, почвоведение в своем господствующем течении приняло направление, явно отклонившееся от того, которое намечалось Докучаевым. Это направление, возглавляемое К.Д. Глинкой, но нередко рассматриваемое как докучаевское (особенно за границей), можно было бы назвать профильно-климатическим, так как для него характерны два момента: 1) идея, если не об исключительной, то подавляющей роли климата как почвообразователя, 2) изолированное, оторванное от ландшафта изменение облика профиля и его свойств" [170. С. 707].

Полынов рассматривал взгляды Глинки, изложенные в 1902 г., а затем и в 1915 г. [52, 102]. В предисловии к третьему изданию "Почвоведения" К.Д. Глинка подчеркнул, что предлагаемую книгу пришлось перерабатывать, так как после выхода второго издания прошло 11 лет – срок "достаточно велик для того, чтобы в значительной мере изменить состояние научной дисциплины". Эти слова, а также более ранние высказывания К.Д. Глинки позволяют считать его эволюционистом¹⁶. "Введение" к третьему изданию показывает изменение взглядов Глинки на развитие почвоведения, соответствующего понятию эволюция, и более четкое изложение им принципиальных положений почвообразования, генезиса и географии почв.

В статье 1941 г. Б.Б. Полынов оценил впервые научную деятельность К.Д. Глинки как нацеленную на утверждение ультрапрофильно-климатического направления, не продолжавшего и не развивавшего докучаевские идеи и принципы. Но это положение он не нашел нужным даже подтвердить фактами.

В статье 1948 г. Б.Б. Полынов, возвращаясь к оценке научной деятельности Глинки, писал: "Небезынтересно отметить, что К.Д. Глинка, успешно разрабатывавший в известном направлении учение Докучаева, не мог все же понять ни глубокой сущности, ни значения докучаевского понятия о почве и представлял дело так, что все определения почвы расходились лишь в изменении ее глубин, а по существу были одинаковыми"¹⁷. В этом утверждении Полынов абсолютно не прав. Начиная рас-

¹⁵ Термин "почвенная форма" – немецкий, применяемый до сих пор в некоторых районах Германии и обозначающий таксономическую единицу ниже подтипа.

¹⁶ Об эволюционировании взглядов К.Д. Глинки в освещении изучавшихся проблем и вопросов Полынову было хорошо известно. Это положительное его качество Полынов отмечал в более ранних работах неоднократно.

¹⁷ А немного ниже, говоря о глинковском "Почвоведении", Полынов отмечал, что его преимущество заключается в оснащении богатейшим материалом с чуть ли неисчерпывающими списками литературы.

смотрение почвы с ее глубины или мощности, Глинка стремился подчеркнуть, что почвообразование охватывает всю мощность коры выветривания, даже в том случае, если в ней нет видимых признаков этого процесса. В дальнейшем на этом фоне он показал различие в почвообразовании на корях выветривания разного состава и свойств. Они были отнюдь не одинаковы, как это стремился утверждать Полюнов.

Еще более неожиданной оказалась следующая характеристика, данная научной деятельности К.Д. Глинки. "Наиболее интенсивную пропаганду русского почвоведения в Западной Европе, – писал Б.Б. Полюнов, – вел главным образом К.Д. Глинка, игравший особо видную роль на I Международной конференции в 1909 г. в Будапеште. Из сказанного станет ясным и понятным ультраклиматическое направление, которое принималось там под названием русское (докучаевское) новое почвоведение". Но, по мнению Б.Б. Полюнова "наследники Докучаева в лице К.Д. Глинки и находившихся под его влиянием более молодых ученых не пошли дальше берендтовского представления о почве". Это был еще один из доводов для заявления Полюнова о том, что после Докучаева "климат как почвообразователь выдвинут на первое место и постепенно заслонил ландшафты" [170. С. 702]. Продолжая развивать эту мысль, Б.Б. Полюнов подчеркивал: "Если мы вспомним уже цитированный доклад К.Д. Глинки, в котором он все различие в понятиях о почве у Докучаева и у современных и у предшествующих ему геологов и агрогеологов видит лишь в различном определении ее глубины, если мы добавим к этому, что во вступительной лекции по почвоведению приват-доцента С.П. Кравкова (Почвоведение, 1907, № 1) Берендт и Докучаев прямо называются создателями одного и того же течения или даже учения о почвообразовании и, наконец, если мы обратим внимание на отсутствие каких-либо попыток указать на различие в воззрениях этих ученых, то мы убедимся, что последователи Докучаева не уяснили этого различия и не улавливали поэтому и особенностей отношений между почвой и ландшафтами. Это лишний раз указывает, что К.Д. в то время идейный руководитель докучаевской школы – долго не замечал работ Гедройца и открыто признал это на одном из съездов почвоведов" [170. С. 710].

Б.Б. Полюнов напомнил, что "отклонение от докучаевского представления о почве обнаружилось в работе Э. Рамана и других иностранных почвоведов, а также в работах Глинки и его последователей" [170. С. 714] в России. Именно оно, считал Полюнов, и "заставило нас обозначить данное направление как оторванное от ландшафта, как профильно-климатическое". Это особенно характерно, по мнению Полюнова, для книги "Почвы России". При этом он не преминул приписать Глинке утверждение о возможности проявления процесса подзолообразования без участия растительности или при ее второстепенной роли.

В заключительной части статьи Б.Б. Полюнов коснулся перспектив

развития почвоведения. Так, он подчеркнул, что "на сцену выступает новое поколение вольных или невольных последователей его (Докучаева. – С.3.) учения и несколько центров его развития приобретают специфические черты, отличающие их друг от друга". Польшов понимал ученых, выступавших противниками докучаевской науки и в то же время незаметно для себя подпавших под ее влияние (вероятно, Набоких и др., а может быть, и сам Польшов). «К сожалению, ее защитники (новой науки почвоведения. – С.3.), – полагал Б.Б. Польшов, – вместо того, чтобы, признав справедливость этого указания (недостаточное развитие новой науки. – С.3.), разъяснить значение университетской кафедры для дальнейшего развития нового учения о почве, стали на явно ложный путь и доказывая, что "мнение о недостаточности содержания педологии есть плод недоразумения, возникшего по той простой причине, что литература по педологии далеко еще не собрана"» [52. С. 16]. Свои претензии к К.Д. Глинке он заключил следующими словами: "Как ни сильно было влияние профилно-климатического направления, оно все же не уничтожило у почвоведов-географов некоторого, иногда явного тяготения к ландшафту, которое было унаследовано от первых работ докучаевской школы" [170. С. 686].

Создается впечатление, что причиной всего сказанного в адрес Глинки послужило якобы "неприятие развивавшегося Польшовым ландшафтного подхода-метода в изучении почвообразования и генезиса почв". Надо заметить, что публикация Польшовым работ в этом направлении началась после смерти Глинки. Но тем не менее в своих ответах он показал, что это направление было Глинке знакомо и не критиковалось им. И еще одно пояснение. В своих критических замечаниях Польшов основывается на публикации Глинки за 1902 г. Нам думается, что так поступать некорректно: все, о чем пишет Польшов, Глинкой пересмотрено и опубликовано в новой редакции в 1927 г. во "Введении" к курсу "Почвоведения". И наконец, последнее, не совсем относящееся к рассмотренным высказываниям, но характеризующее одну из сторон критика-Польшова. Речь идет об его оценке учреждения, в котором он никогда не работал, – Докучаевском комитете. По мнению Польшова, на этот комитет «смотрели как на хранителя докучаевских традиций и сравнительно узкий круг почвоведов, работавших в комитете под руководством К.Д. Глинки, получили неписанное право на звание "докучаевца"» [170. С. 690].

Теперь обратимся к аргументам К.Д. Глинки. Словно отвечая Польшову, он еще в 1902 г. заявил, что "нам представляется настоятельно необходимым и своевременным установить определенные взгляды на основные вопросы нашей науки и ее задачи. Я надеюсь, – продолжал К.Д. Глинка, – что таким образом можно будет попутно прийти к решению вопроса, действительно ли наука почвоведение и заслуживает ли оно того, чтобы быть выделенным в особую дисциплину, имеющую своеобразный объект изучения и собственные задачи". К.Д. Глинка сравнил

понятия почва, данные Берендтом, Докучаевым, и свое. При этом он показал принципиальные различия между ними, но не оттенил их в должной мере. В 1927 г. ученый этот вопрос не рассматривал, считая его пройденным этапом.

На этот раз он начал со следующего определения: "Почвоведение, или педология, – одна из научных дисциплин, где русскому имени, русским исследованиям должно быть отведено почетное место... Можно сказать, что русские исследователи создали эту дисциплину, если под созданием понимать ясное определение содержания и задач науки". Ссылаясь на Докучаева, он приходит к четкому выводу: "Одно из этих положений представляет идея о географичности почвы" [149. С. 6]. При этом ученый пояснял, что "пока почвоведы не совершали больших путешествий и не имели полного представления о процессе почвообразования и его следствиях, до тех пор идея о закономерном распределении почв по лику Земли должна была оставаться ими неусвоенной. Не было представления о закономерностях в географии почв" [149. С. 119]. Из сказанного вытекает еще одна важная мысль: почву, по Глинке, следует рассматривать и изучать в двух планах – географическом и естественноисторическом. Под географичностью почвы, пояснял Глинка, "разумеется существование закономерной связи между современным распределением климатических элементов и современной географией почвенного покрова". От идеи о географичности почв К.Д. Глинка подошел к идее об их топографичности, т.е. "о тесной и закономерной связи между характером почвы и рельефом местности".

Под "естественноисторическим" К.Д. Глинка понимал изучение состава, свойств, а к концу жизни – и динамики почв, как по профилю, так и во времени (возраст и эволюция), в рельефе (топографичность), взаимосвязанной с жизнью (функционированием) растительных и животных организмов, в связи с составом почвообразующей массы и ее изменениями под воздействием последней. Эти сложные природные системы, изменяющиеся в пространстве, К.Д. Глинка называл "естественноисторическими телами". При этом ученый подчеркивал, что эта мысль впервые была высказана Докучаевым и Фаллу. Такое объединение взглядов агрогеолога и почвоведов нельзя признать правомерным: Фаллу и вообще представители немецкой школы исходили из сугубо геологического понимания почвы и не связывали ее происхождение с ролью химико-биологических процессов.

По-видимому, К.Д. Глинка, как человек высокой культуры и эрудиции, не считал необходимым подчеркивать, а тем более критиковать полезность взглядов двух школ, полагая, что их представители сами понимают сущность различий в образовании почв, а читатели сделают выводы сами. В то же время К.Д. Глинка указывал, что Фаллу и его последователи четко не отделяли почву от ряда рыхлых горных пород [149.

С. 9], и считал, что Докучаеву единолично принадлежит введение определения почвы как особого естественноисторического тела. Сам же Глинка утверждал, что почвоведение – самостоятельная научная дисциплина. При жизни К.Д. Глинка почвоведы США и Европы, в том числе немецкие почвоведы (Раман и др.), начали признавать докучаевское понятие о почве и почвоведении.

Итак, под географичностью К.Д. Глинка понимал существование закономерной связи между современным распределением климатических элементов и географией почвенного покрова.

Естественную историчность К.Д. Глинка связывал с изучением генезиса почв, обусловленного факторами и процессами почвообразования вне зависимости от географичности. Естественноисторическое познание со времен Докучаева базировалось на типе почв, как отражающем главнейшие черты состава, свойств и динамики процессов, формирующих каждый из них. Тип почв утверждается основной таксономической единицей генетических классификаций почв как самостоятельный, независимый от утилитарного значения, таксон. Глинка полагал, что одностороннее развитие почвоведения отчасти служило причиной того, что оно часто принимало служебное значение. Почвоведение тесно связывалось с агрономическими дисциплинами и не противопоставлялось общему земледелию или агрохимии. По установлению строгого понятия о почве были определены цели и задачи почвоведения, как самостоятельной науки, но его стали смешивать с агрономическими дисциплинами. "Я, конечно, не хочу, – говорил Глинка, – этим сказать, что между педологией и агрономией нет никакой связи, связь, несомненно, существует и даже очень тесная – как между геологией и горным делом, так и между химией и химической технологией" и т.д.

Докучаев установил, а Глинка подтвердил и углубил представление о том, что почва имеет собственную физиономию (профиль), отличающую ее от других рыхлых образований, в том числе и от коры выветривания. В свою очередь, почвы состоят из ряда сменяющих с глубиной друг друга систем генетических горизонтов. В пределах почвенного профиля содержание и распределение гумуса подчинено известной закономерности, характерной для каждого почвенного типа. Глинка считал, что и качество гумуса также различно в установленных типах почв. Следуя Докучаеву, он утверждал: "Если почва есть своеобразное природное тело, то и реакции, протекающие в почвах, должны быть своеобразны и должны давать такие соединения, которые типичны только для почв, только для коры выветривания и не типичны для более глубоких поясов земной коры". Глинка первый показал, что переход первичных минералов в глинистую массу сопровождается целым рядом промежуточных стадий, представленных кислыми солями, и что одной из типичных реакций почвообразования является гидролиз. Такие соединения Ферсман

позже назвал мутабельными, но их существование установил Глинка.

По существу Глинка развил основы будущей почвенной минералогии. Он подчеркивал, что образование при разложении минералов "простых солей есть одна из типичных особенностей почвообразования" и "что в процессе почвообразования должны получаться и другие соединения, несвойственные глубоким горизонтам земной коры". Глинка ставил вопрос об использовании данных по почвенным растворам также для характеристики отдельных типов почвообразования. Ссылаясь на работы К.К. Гедройца, он не безуспешно объяснил, с учетом свойств коллоидов, генезис и некоторые химические свойства основных почвенных типов [149. С. 17].

Все новые данные, полученные в те годы, были отражены в почвенной классификации. Как отмечалось выше, основной ее таксономической единицей был принят тип почв, под которым понималась вся совокупность внешних и внутренних свойств почв [149. С. 18].

Еще в 1902 г. по поводу классификации почв К.Д. Глинка писал: «Должен заметить, что я лично считаю "генетическими" только такие классификации, которые имеют в виду все условия генезиса почв, иначе любую классификацию, при желании можно считать генетической»». Глинка напомнил слова Докучаева о том, что существует "генетическая вековечная и всегда закономерная связь... между растительным, животным и минеральным царствами, с одной стороны, и, с другой стороны, с человеком, его бытом и даже духовным миром". Глинка, вероятно, один из первых указал на перспективность изучения обмена веществ, постоянно совершающегося в природе между твердой оболочкой земного шара, атмосферой и водами океана. В этом он предвидел начало развития новых русских научных направлений, порожденных докучаевским почвоведением и отраженных в учении о ландшафтах и почве как компоненте ландшафта, начатые географами (Л.С. Берг и Б.Б. Полынов). "Кажется, — подчеркивал К.Д. Глинка, — что нет в природе никакого другого тела или явления, которое бы в данное время так конкретно показывало значение географического синтеза" [52. С. 20–21].

Отмечая перспективность изучения динамики или жизни почв, Глинка говорил, что вначале обращали внимание на стационарное состояние почв, их внешние и внутренние признаки и свойства и закономерности распределения их в пространствах, а затем исследовалась и динамика наиболее типичных их представителей в отношении выявления изменений свойств последних. Такая последовательность, считал Глинка, больше всего может приблизить почвоведов к прикладному изучению почв. Задачей последнего должно быть "установление связей между свойствами почвы и жизнью культурного растения при соответствующем воздействии человека". Это последнее может быть осмысленно "только тогда, когда будут известны до конца процессы естественной почвы" [52. С. 24].

Ученый еще в 1902 г. отмечал, что "почвоведение чаще всего есть результат не только работы внешних атмосферных агентов, но и факторов биологических" [52. С. 10]. В 1927 г. Глинка писал, что "почва является основой сельского хозяйства, а сельское хозяйство – основа нашего благосостояния" [149. С. 19]. Это определение он подтвердил и своей научно-общественной деятельностью, став одним из первых, после Докучаева, организаторов и реформаторов высшего сельскохозяйственного образования в России.

Глинка особо отмечал, ссылаясь при этом на Докучаева, что "все русские почвенные классификации не только генетические, но и географические". Это положение более подробно рассматривалось выше. Здесь же еще раз подчеркнем, что совмещение генетических и географических принципов в одной классификации было (и есть) тем "камнем преткновения", который вынудил считать докучаевское почвоведение профилно-климатическим, причем сделано это было с "легкой руки" Полынова, а затем Виленского и др.

Все то, что связано с климатом, относится по существу не только к классификационной проблеме, но и к учению о географии почв. В нем климату принадлежит известная диагностическая роль в определении зонального, подзонального, провинциального (фациального) распределения почв, а также микроклимата вместе с микрорельефом, обуславливающих структуру, комплексность почв и почвенного покрова. Здесь Глинкой и русскими почвоведомы достигнуты значительные успехи, положившие начало особому разделу – географии почв.

В классификационной проблеме как у Докучаева и Сибирцева, так и у Глинки климат и его элементы не определяли особенностей генезиса почв, а лишь служили *формальной* надстройкой, объединяющей типы почв в отделы и классы. Такими формальными объединяющими показателями в таксоны крупнее типа могут быть самые различные факторы, обуславливающие целевые назначения классификации. В генетических классификациях основным показателем должен быть почвенный профиль – его строение, затем состав и свойства почв, по которым устанавливаются типовые принадлежности почв. В классификации кор выветривания климату может принадлежать ведущая роль, поскольку классифицируется только тип выветривания минеральной (силикатной) части почв, отличающейся более широким диапазоном диагностических показателей, например латеритные или ферралитные, сиаллитные и т.д. Налагающиеся на них почвенные процессы показывают возможности формирования тех или иных типов почв.

Все сказанное позволяет считать, что вклад К.Д. Глинки в дальнейшее развитие докучаевского почвоведения был огромен и переоценить его невозможно. Этот вклад по существу закрепил, расширил и углубил профилно-генетическое, а не климатическое направление в развитии до-

кучаевского почвоведения. Глинкой уточнены или реконструированы главные черты профильной характеристики почв, выделены и обоснованы некоторые новые генетические типы почв. Научно-генетическое обоснование профильного изучения почв было одним из важнейших достижений на пути к установлению самостоятельности почвоведения как естественноисторической дисциплины.

Эрудиция, память и талант в обобщении накопленных данных позволили выявить новые перспективные направления в изучении почв как компонентов ландшафтов, биогеохимическое направление, положившее начало изучению круговорота веществ и энергии, и т.д. К.Д. Глинка и руководимый им Докучаевский почвенный комитет сыграли большую роль в объединении первого поколения почвоведов России, что в дальнейшем способствовало созданию Почвенного института им. В.В. Докучаева.

Исходя из всего вышесказанного, нет оснований к признанию справедливыми претензий Польшова. Однако первопричины такого двойственного отношения его к личности и творчеству К.Д. Глинки остаются невыясненными. Можно только с уверенностью говорить о том, что эволюция мышления Глинки для Польшова и Виленского осталась мало известной. Причина – они были не знакомы с "Введением" к третьему изданию "Почвоведения", из которого видно, что взгляды К.Д. Глинки существенно прогрессировали и, несомненно, оказали влияние на современное развитие основных проблем почвоведения, и прежде всего проблемы классификации. В ней стало усиливаться профильное направление как основа для упрочения и углубления генетических устоев не только в классификации, но и во всей базе научного почвоведения. Этот путь может способствовать восстановлению прогресса докучаевской школы в мировом сообществе почвоведов.

Критика Польшовым деятельности Глинки сказалась на общем развитии почвоведения. К отрицательным последствиям следует отнести приписывание Глинке отрыва от решения задач агрономического почвоведения, а также надобности и неверной трактовки роли объединения почвоведческой мысли. Все это не только отразилось на общем поступательном движении докучаевского почвоведения, но и умалило роль Глинки в упрочении этого процесса. Такое отношение Польшова, несомненно, побуждало некоторых ученых к критике Глинки и русского почвоведения в целом.

В то же время обоснование разделения почвоведения на две ветви развития (генетическую и географическую) сыграло свою положительную роль. Оно значительно ослабило "искусственно созданное климатическое направление в докучаевском почвоведении". Но, к сожалению, критика пошла по иному пути, надолго определив негативную оценку роли Глинки в становлении русского почвоведения. Теперь несправедливость до-

казана и очевидно, что деятельность К.Д. Глинки направлена "на творческое развитие идей Докучаева, а отнюдь не на отход от них".

Вместе с тем подчеркнем, что в этом "климатическом эпизоде" критикующая сторона применила тоталитарный прием – желание во что бы то ни стало осудить климатическое направление как консервативное. Но очевидно, что каждое направление имеет право на самостоятельное развитие. Вот и климатическое – получило дальнейшее развитие не только в бывшем СССР, но и в других странах.

Так, работы Высоцкого, Герасимова (Россия), Ланга, Гарассовица (Германия), Турка (Франция) и ряда других исследователей-почвоведов способствовали упрочению климато-генетического направления в почвообразовании.

Нам же представляется ненаучным и противоестественным приписывание К.Д. Глинке приоритета в климатическом толковании генезиса почв. Подобное утверждение не подтверждается эмпирическими данными. Оно выдвинуто не по научным, а по конъюнктурным соображениям. В этой связи остаются неясными причины, побудившие Б.Б. Польшова стать на путь приписывания К.Д. Глинке климатического примата в почвообразовании. Можно сказать, решающую роль в этом эпизоде играли не личные взаимоотношения, а "идеологические смены научных позиций и субъективные отношения к ним отдельных ученых". Кроме того, оказало существенное влияние и время. Оно спутало историческую перспективу и определило то обстоятельство, что Польшов как бы оторвался от времени глинковского творчества и рассматривал его с послеглинковских позиций, когда материалистическая диалектика стала ведущей в исторической оценке развития науки. Этому, вероятно, способствовали и события 1948 г., когда тоталитарность в решении научных проблем приобрела решающее значение. Но для подтверждения всего сказанного выше необходимы дальнейшие глубокие изыскания и поиски подобных негативных проявлений в отечественной науке вплоть до настоящего времени.

Значение почвенных исследований в земских и переселенческих целях

В научной и общественно-государственной деятельности К.Д. Глинки названные исследования занимают особое место. Несмотря на широкое признание важности этих исследований, для становления почвоведения как самостоятельной науки их роль в развитии почвенной и географической наук, а также и в изучении природных ресурсов страны еще не получила должной оценки. Мы не будем пытаться восполнить этот пробел, а лишь выскажем некоторые соображения, необходимые для понимания

и анализа творческой деятельности К.Д. Глинки. При этом же желатель-но проследить и влияние его работ на последующее изучение природных ресурсов дореволюционной России и сопредельных стран.

Отмечая особое значение данных работ, мы имеем в виду выяснение их взаимосвязи с общими задачами изучения генезиса и особенно географии почв. Нам представляется, что эти исследования оказались наиболее значимыми для творческого развития докучаевского почвоведения. Они по существу положили начало дифференциации почвоведения на два самостоятельных раздела (направления, дисциплина): генетический (или общее почвоведение) и географический (или география почв). Именно эти исследования, как справедливо указывает С.С. Неуструев, способствовали или определили необходимость обоснования разделения почв по их признакам и свойствам, а не по внешним условиям их образования. Последние, как известно, были положены в основу сибирцевской классификации почв [167].

Уместно подчеркнуть, что именно в этом представители эфемерного агробиологического направления видели один из признаков отхода К.Д. Глинки от докучаевских идей. Современные же почвоведы признали это направление заслуживающим внимания и по существу творчески продолжают его разрабатывать. Таким образом можно сказать, что К.Д. Глинка еще 45 лет тому назад обосновывал самостоятельность почвенной науки и предсказал пути ее развития. Именно работы по заданию губернских земств, а затем Переселенческого управления позволили, базируясь на эмпирических данных, обосновать тот метод исследования, который впоследствии получил название сравнительно-географического.

Благодаря расширению территории исследований удалось объяснить зональное, подзональное и провинциальное распределение почв; выявить региональные отличия в формировании и свойствах таких типов почв, как черноземы, солонцы, определить новый тип почв, позже отнесенный к солодам; расширить представления об особенностях проявления подзолообразования и других процессов в условиях постоянной мерзлоты и многие другие.

В работе с земствами и Переселенческим управлением особенно ярко проявился один из жизненных принципов К.Д. Глинки – его высокая гражданственность. Ученый считал своим долгом принять участие и оказать всемерную помощь земствам и государству (через Переселенческое управление) в осуществлении программы улучшения землепользования в обжитых губерниях Европейской России и в рационализации расселения крестьян "в мало или совсем необитаемых регионах Азиатской России".

Исследования, проводившиеся К.Д. Глинкой, по просьбе ряда губернских земств, стимулировались передовыми губерниями и имели своей

целью рационализацию землепользования на научной основе. Под последней в то время понималась "оценка почв по их производительной способности", за которую принималась урожайность сельскохозяйственных культур (преимущественно зерновых). Необходимость в такой оценке возрасала в связи с неудовлетворенностью распределением земельных ресурсов между основными группами их владельцев. Предвидя приближающееся переустройство землепользования в аграрном производстве, передовые губернские земства обращались к ученым в стремлении заменить аграрно-статистический подход почвенно-бонитировочным. Принято считать, что работы К.Д. Глинки в этом направлении продолжали начатые В.В. Докучаевым исследования по оценке комплекса природных условий аграрных отраслей хозяйства России. И поэтому часть историков почвоведения (Виленский, Польшов и др.) считали, что К.Д. Глинка отказался от комплексного характера их проведения и ограничился сугубо почвенными характеристиками, необходимыми для установления бонитировочных шкал.

Но прежде чем осветить суть этих работ, остановимся на деятельности "работодателей" – земств, о которых у многих из нас сложились превратные представления. И неудивительно. Нам долгое время "вдалбливалось" понятие о земствах, как о реакционных объединениях землепользователей, предназначенных для эксплуатации крестьян. На деле же передовые земства были весьма прогрессивными организациями, объединявшими на основе самоуправления российских землевладельцев, которым давались известная власть и средства на улучшение сельского хозяйства. Земства поощряли деятельность ведущих агрономов, сельских экспериментаторов и владельцев хороших хозяйств, стремились привлечь передовые научные силы к освоению всего нового, что могло бы способствовать повышению производительности сельского хозяйства. Земские денежные средства, отпущенные на науку, включали налоговые суммы (вернее, их остатки после выполнения обязательств перед государством) и отчисления в виде пожертвования. Ученые распоряжались этими средствами самостоятельно и отчитывались за них только перед руководством губернских земств. На эти средства вели работы Докучаев, Сибирцев и Глинка. Естественно, что среди губернских земств были и передовые, и консервативные. Последние стремились к "наживе", а передовые – вкладывали большие средства в науку и практику, тем самым способствуя улучшению ведения сельского хозяйства и развитию научных исследований. В числе таких земств можно назвать Новгородское, Псковское, Смоленское, Калужское и др. Именно в них вел исследование К.Д. Глинка.

К.Д. Глинка не был ограничен в проведении научных исследований, главной целью которых было развитие научного почвоведения. Однако бонитировка требовала от ученого определенного времени и творческого

напряжения. Его не удовлетворяла и простая "отдача земству результатов исследований", при выполнении которых он столкнулся "не только с природными факторами, определяющими бонитет почв, но и с антропогенными воздействиями, налагающимися на природные. Они отличались различной интенсивностью, что сказывалось на разбросе временных изменений почв и урожайности растений. Этим определялось такое многообразие отклонений, которые не давали устойчивых закономерностей и удовлетворительных результатов". Несмотря на то, что его исследования предоставляли почвоведению весьма ценные материалы, особенно по изучению подзолистых почв, К.Д. Глинка все же вынужден был прекратить эти работы. Однако последнее позволило ему расширить и углубить исследования почв в азиатской части России, где тогда все это было новым. К.Д. Глинка понимал, что от его исследований зависит процесс "вовлечения в сельское хозяйство новых территорий и, следовательно, успех их колонизации".

Социальная значимость подобных исследований, как указывает Крупеников, стала наиболее актуальной после столыпинской аграрной реформы [162. С. 194]. Последняя, как известно, предусматривала переселение массы крестьян из европейской части России в азиатскую. Только тогда за 1906–1916 гг. переселилось около 3 млн, из которых осело около 2,5 млн человек, которым было необходимо предоставить относительно сносные природные условия для жизни. Один из ближайших сотрудников К.Д. Глинки по переселенческим работам Л.И. Прасолов позднее писал, что перед Переселенческим управлением стояла задача развернуть возможно шире землеотводные работы и обратиться к специальным исследованиям для выделения и оценки почвенных и растительных ресурсов в новых районах колонизации. Задача была определена ясно. Как руководитель К.Д. Глинка не входил во все детали программы экспедиций (а их было до 100), не мешал проявлению самостоятельности в работе, но оказывал всегда содействие инициативе отдельных исследователей. Он привлек к исследованиям многих специалистов из числа местных работников переселенческих организаций [174]. В качестве руководителя К.Д. Глинка побывал в Туркестане (1909) и на Дальнем Востоке (1910). Большой вклад внес К.Д. Глинка в обработку и обобщение добытых экспедициями материалов, в частности опубликовал ряд статей: о классификации туркестанских почв, о почвах горных склонов, о нарушении зональности почв в западном Забайкалье, Якутской области и др. В 1910 г. К.Д. Глинка выпустил обобщение о почвах Дальнего Востока, обширное количество предварительных отчетов и "Трудов", содержащих исходные достоверные данные и дающие первую необходимую ориентировку в особенностях почв и почвенного покрова. Но, как подчеркивал один из критиков этих исследований, признавая, что они представили очень ценный материал, впервые освещающий почвенные и рас-

тительные ресурсы данной территории, ”организация этих работ Глинкой... значительно отличалась от прежних докучаевских экспедиций. Несмотря на то, что они проводились для удовлетворения практических потребностей переселенческого дела, сельскохозяйственные вопросы почти не затрагивались. Почвы трактовались только как естественноисторические тела, которые можно и должно изучать независимо от каких бы то ни было практических потребностей и запросов”. К.Д. Глинка же не только не считал это недостатком работ экспедиции, а, наоборот, признавал достижением русского почвоведения.

Следует отметить, что географы Берг, Григорьев, Герасимов и др. высоко и объективно оценили вклад этих работ Глинки в развитие не только почвоведения, а и географии, особенно раздела, изучающего ландшафты, их происхождение, разнообразие и природные особенности.

Уже в 70-е годы советский географ Л.С. Абрамов писал: ”Научный уровень этих работ для своего времени был очень высок. С самого начала эти исследования и по широте охвата компонентов природы, и по методам исследования и по самой организации работ носили подлинно географический характер”¹⁸. Далее он привел характеристику этих работ. При этом он использовал цитату из ”Предварительного отчета об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России” К.Д. Глинки, считавшего, что ”в интересах более скорого и полного ознакомления с почвенным покровом Азиатской России желательно прежде всего наметить ту общую географическую схему, в которой распределяются в Азиатской России почвенные зоны и области, провести границы этих зон и областей и затем уже детальнее разобраться в пределах каждой зоны и области, изучать ее особенности, выяснить почвенные комплексы той и другой зоны, закономерности смен внутри этих комплексов и пр.” Такой подход, по мнению В.Г. Наумова, указывает, что почвенно-ботанические зоны, выделенные В.В. Докучаевым, служат основой для подразделения их на провинции, имеющие существенные внутризональные отличия; поэтому в пределах последних можно детализировать изучение почвенных и растительных ресурсов¹⁹.

По оценке географов, научные результаты экспедиций, охвативших к 1914 г. площадь в 2 280 тыс. км², огромны. Географы считают, что работы, начатые Переселенческим управлением, заложили основу современным представлениям о природе азиатской части России. В наибольшей степени была установлена общая картина почвенной и ботанической зональности и определены границы почвенных и растительных зон. Материалы исследований легли в основу первой почвенной карты азиатской

¹⁸ Абрамов Л.С. Описание природы нашей страны. М.: Мысль, 1972. С. 193.

¹⁹ Наумов В.Г. Русские географические исследования в Сибири в XIX — начале XX вв. М.: Мысль, 1955. С. 86.

части России (м-б 1:4 200 000), составленной К.Д. Глинкой и Л.И. Прасоловым. Вся обследованная территория была покрыта (поуздно или по крупным природным регионам) схематическими почвенными картами и описаниями к ним, содержащими уникальные данные. Впоследствии по итогам работ экспедиций было осуществлено трехтомное издание "Азиатская Россия". Среди глав второго тома "Земля и хозяйство", посвященного природе региона, имелась глава о почвах, написанная К.Д. Глинкой. В ней особо подчеркивается роль по зонального описания почв, дается характеристика генезиса основных типов почв и отмечается значение климатических условий в географическом распределении почв. Трехтомник "Азиатская Россия" при его высокой научной значимости был издан роскошно, большим форматом и хорошо иллюстрирован. Таким образом, К.Д. Глинка оставил "крупный след" и в географической литературе, малоизвестной современным русским почвоводам.

К.Д. Глинка написал и "окончательный отчет по морфологии и химии почв" объемом до 30 печ. листов. К сожалению, из-за начавшейся первой мировой войны он не был опубликован. Частично материалы этого отчета использованы в изданной в 1923 г. монографии "Почвы России и прилегающих стран" [121] и в книге "Почвы Киргизской²⁰ Республики" [120]. В них приведен обширный фактологический материал (описания разрезов, анализы и др.). Изданные отчеты и монографии долгое время были единственной справочной литературой по почвам исследованных территорий. В настоящее время они приобретают значение своими исходными, до освоения, характеристиками почв, что очень важно для мониторинга.

На основе сводки материалов тех же экспедиций К.Д. Глинка публикует оригинальную монографию по солонцам и солончакам азиатской части России (1926). В ней он обосновывает свою теорию формирования солонцов в Сибири. Глинка полагал, что образование солонцов протекает в две фазы: 1 – поднятие натриевых солей и насыщение поглощающего комплекса ионом натрия; 2 – последующее промывание хлористых и сернокислых солей. Этой теорией он предвосхитил на 40–50 лет идеи, подтвержденные в работах современных ученых. Однако при этом К.Д. Глинка не отвергает теории солонцеобразования, предложенной Гедройцем, а рассматривает свой способ как региональный вариант. В середине 20-х годов под руководством К.Д. Глинки и Л.И. Прасолова была составлена сводная почвенная карта азиатской части СССР в масштабе 1:4 200 000, изданная в 1927 г. Академией наук.

По словам Л.И. Прасолова, "в свое время было отмечено непосредственное практическое значение работ, выполненных азиатскими почвен-

²⁰В то время Киргизскую Республику составляла территория современных Казахской и Киргизской.

ными экспедициями для целей переселения”. Иными словами, результаты работ этих экспедиций К.Д. Глинки способствовали созданию очагов земледельческой и животноводческой культуры. Масштабность выполненных исследований несомненна, как и велико их научное и государственное значение. Отсюда и огромный интерес научной общественности к работам “азиатских экспедиций”. Так, на XII съезде естествоиспытателей и врачей (28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г.) в подсекции почвоведения был заслушан доклад К.Д. Глинки “О почвенных исследованиях Азиатской России” по итогам работ 1908–1909 гг. Он вызвал, по словам Хисматулина, оживленную дискуссию²¹. По докладу выступили А.И. Набоких, П.Н. Квитка, И.А. Шульга, И.К. Фрейберг, С.С. Неуструев и др.

По мнению А.И. Набоких, стремление К.Д. Глинки подвести почвы азиатской части России под классификационную схему Н.М. Сибирица, разработанную на основе изучения почв ее европейской части весьма рискованно, так как климатические условия этих территорий существенно различаются. И.К. Фрейберг, напротив, не разделял опасений А.И. Набоких и считал, что схемы пространственной дифференциации почвенного покрова Сибири, изложенные К.Д. Глинкой, достаточно правомерны. И.А. Шульга поддержал критические замечания А.И. Набоких и высказал сожаление, что К.Д. Глинка в своем докладе ограничился лишь общей сводкой материала о почвах азиатской части России применительно к существующим схемам зонального их распределения. По мнению Шульги, для большей успешности работ по исследованию почв этих новых районов важно бы знать не о границах зон, а о том, какие почвы внутри этих зон можно встретить.

На сомнения А.И. Набоких: неужели сибирские почвы укладываются в классификационные рамки, разработанные для европейской части России, и может быть в Сибири найдутся совсем новые типы почв, Н.И. Прохоров возражал, что таковые вряд ли найдутся из-за уже значительной разработанности почвенной классификации.

П.Н. Квитка отметил, что за последние два года качество почвенных исследований в азиатской части России значительно улучшилось. Однако их, по его мнению, было бы полезно дополнить созданием надлежащей агрономической службы. Съезд принял по докладу К.Д. Глинки постановление, в котором, в частности, говорилось: “Признать желательным и необходимым... исследования, предпринятые Переселенческим управлением... и впредь продолжать при содействии и под контролем общественно-научных организаций и чтобы почвенно-ботанические экспедиции Переселенческого управления были дополнены организацией систематических и планомерных метеорологических и агрономических опытов”.

²¹Хисматуллин Ш.Д. Докучаевское почвоведение на съездах русских естествоиспытателей и врачей // Почвоведение. 1985. № 5. С. 113–121.

К сожалению, эти работы К.Д. Глинки почвоведрами недооцениваются. Вероятно, главным образом потому, что рассматриваются они с современных позиций, а "не того времени и условий, в которых выполнялись". Естественно, что в глинковский период исследования были не столь глубокими. Однако справедливости ради следует отметить, что материалы экспедиций довольно долго были единственными по ряду регионов и использовались следующим поколением отечественных почвоведов.

Заключая краткий обзор исследований, выполненных К.Д. Глинкой в Азиатской России, подчеркнем еще одно немаловажное обстоятельство – участие в них молодых, но подававших большие надежды почвоведов, геоботаников, лесоведов. Проведение почвенно-ботанических исследований в этой части России имело весьма важное значение и в воспитании кадров. На них выросла такая школа отечественных почвоведов-географов, которая надолго определила успех и мировое признание содеянного ими. Среди них нельзя не отметить будущих академиков: Сукачева, Прасолова, Полынова; профессоров: Филатова, Тумина, Бессонова, Неуструева и крупных исследователей: Стасевича, Доленко, Искюль, Кроткого, Хаинского, Яхонтова, Абудькова, Драницына, Никифорова и многих других.

Приходится лишь поражаться и удивляться, как К.Д. Глинка мог организовать и провести на высоком уровне столь важные в научном и прикладном смысле исследования. Только великая любовь к родине, энтузиазм, энергия и личная дисциплина, сконцентрированные в руководителе этих работ, обеспечили получение неопенимых результатов по изучению природных ресурсов обширнейшей территории.

Энциклопедия почвенной науки

В истории наук вообще и в почвоведении в частности подчас невозможно встретить учебное пособие, издававшееся на родном языке шесть раз и на иностранных – два раза (немецкий и английский). В 1981 г. один из историков почвоведения И.А. Крупеников, оценивая "Почвоведение" Н.М. Сибирцева, писал, что "переиздание его книги ("Почвоведение"), тем более четырехкратное, – лучшее признание заслуг ученого" [162. С. 184]. Однако книге К.Д. Глинки подобной оценки он не дал.

Может быть, это и хорошо: принятый критерий в известной мере формален, ибо каждое печатное произведение отражает больше индивидуальные особенности ученого, чем общее его значение. Я не думаю, что И.А. Крупеников своим отношением к этим двум ученым имел в виду отдать кому-либо из них предпочтение. Я счастлив тем, что мне довелось в известной мере развенчать антиисторическую несправедливость, проявленную к деятельности К.Д. Глинки вообще и в особенности к оценке

его неповторимого монументального труда "Почвоведение". В нем обобщено все то, что было известно о почвах непосредственно и об условиях их формирования (прямых и косвенных) до 1925–1926 гг. Первое издание книги было сделано в 1908 г. Последующие издания не идентичны; каждое (по 1927 г.) имеет авторские дополнения и изменения, как отмечалось ранее, принципиальные и существенные, а после 1927 г. редакторские комментарии и дополнения. Все они могут быть сведены к следующим кратким характеристикам.

Первое издание 1908 г.	–	исходно-авторское, имеет историческое значение.
Второе издание 1915 г.	–	существенно дополненное результатами сибирских, дальневосточных и среднеазиатских исследований.
Третье издание 1927 г. (посмертное)	–	заново написано "Введение", утверждающее эволюцию научных идей – методов и эмпирических исследований. Систематизированы и сокращены разделы о почвах Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока.
Четвертое издание 1931 г.	–	дополненное и частично измененное редакционной группой под руководством и редакцией Б.Б. Полынова ²² .
Пятое и шестое – 1932, 1936 гг.	–	дополнено редакционными предисловиями, отражавшими не суть учебника, а временную социально-политическую конъюнктуру в науке.

Объем курса в разных изданиях колебался от 40 до 42 печатных листов. Он основан на личных исследованиях и материалах, а также на сводке литературы (более 1500 названий работ). В книге эвристический подход освещений проблем почвообразования сводился к минимуму.

Таковы некоторые фактологические данные основного труда К.Д. Глинки, отражающего итог его научной деятельности по 1927 г. К сказанному следует добавить, что пособие написано ученым в возрасте не более 39–40 лет, последующая авторская работа над ним продолжалась в течение 12 лет (1915–1927). Все шесть изданий осуществлены в течение 21 года. Темпы издания и переиздания пособия были весьма быстрыми, что указывает на безусловную популярность рассматриваемого труда.

Переходя к оценке научной значимости пособия, прежде всего следует отметить, что в его основу положены результаты эмпирических исследований. В нем с должной объективностью, без авторского акцента и превосходства изложен весь оригинальный вклад К.Д. Глинки в почвоведение. Все сказанное ранее о Глинке и его научном творчестве следовало

²² Редактирование принял на себя Б.Б. Полынов по просьбе А.Г. Глинки – вдовы ученого. В эти годы Б.Б. Полынов еще не изменял своих добрых высказываний о творчестве К.Д. Глинки.

бы повторить и в оценке "Почвоведения". Однако во избежание повторов остановимся только на тех новациях, которые имели непосредственное методическое и научное значение для почвоведения²³.

Построение "Почвоведения" отличается оригинальностью и соответствует изложению основной идее автора – взаимодействию организмов и продуктов их жизнедеятельности с минеральной частью, что и составляет суть почвообразования, приводящего к формированию современного самостоятельного естественноисторического тела – почвы. Монография открывается кратким "Предисловием", поясняющим, чем вызваны переработки и дополнение книги. В обширном "Введении" автор излагает эволюцию, которую прошли научные положения в результате "проведенных им лично и его сотрудниками исследований, освоения новых литературных данных и, естественно, учета государственных и общенаучных интересов в познании почв и почвенного покрова страны". Эволюция взглядов автора очень ярко проявляется при сравнении содержаний второго и третьего изданий. "Введение" к третьему изданию показывает, что К.Д. Глинке чужд догматизм в изложении собственных мыслей. Ученый стремится с большой открытостью донести до читателей свои взгляды и ознакомить их со всем новым, что способствует научному прогрессу. Собственно фактологии в монографии отведено три части: I – "Почвообразование"; II – "Общие свойства почв" и III – "Характеристика почвенных типов и география почв". Книга заканчивается "Дополнениями".

Своим построением монография не повторяет других пособий. В первой части автор излагает свое основное "кredo" на происхождение почв, как на взаимодействие двух основных природных явлений – планетарной деятельности организмов (растений и животных) и создаваемого ими органического вещества и выветривания (преобразования) минеральной почвообразующей массы. Выветривание, по К.Д. Глинке – природное явление, под влиянием которого происходит стадийное превращение первичных минералов во вторичные при активном взаимодействии организмов с почвообразующими породами. При этом последние как бы ассимилируют энергию и состав органических продуктов, что характерно для процесса почвообразования. Глубина и скорость преобразования органоминеральных продуктов обуславливается гидротермическими условиями (соотношением тепла и влаги) и их динамикой. При этом Глинка полагает, что влага действует более активно, чем тепло. Далее он, исходя из интенсивности воздействия тепла и влаги на почвенную массу, реформирует "разделение профиля почв на элювиальные и иллювиальные горизонты, придав им строго генетическое толкование". Ученым соответственно уточнена индексировка почвенных горизонтов (сис-

²³Рассмотрение ведется по третьему, переработанному и дополненному самим К.Д. Глинкой в 1926 г. изданию.

тема ABC). Все более и более высокое значение он придает, по словам Б.Б. Польнова (1981), описанию морфологии и одновременно с этим вносит изменения в приемы буквенного обозначения горизонтов. При этом буквой А обозначаются только элювиальные горизонты, подразделяемые на подгоризонты по степени выраженности (A_1 , A_2 , иногда A_0 подстилка); буквой В индексируются иллювиальные горизонты; буква С сохраняется, как и прежде, для обозначения материнской породы, а для изображения глеевых горизонтов вводится буква G. Это именно те горизонты почвенного профиля, которые, как известно, выделяются большинством современных почвоведов, подчеркивал Б.Б. Польнов в 1935 г. Эта система так пленила в свое время Марбута – руководителя почвенной службы США, что он ввел ее в почвенные исследования своей страны. Принципы этой индексировки с уточнениями и некоторыми добавлениями действуют и в настоящее время.

Почвоведение начинается с рассмотрения органической части почв. К.Д. Глинка без акцента на роль биологических факторов подчеркивает значение органического вещества (живого и мертвого) в формировании почв, обсуждает химический состав, роль микроорганизмов в превращении органического вещества и условий разложения органических остатков.

При слабой изученности в то время гумусовой части почв, такой подход являлся больше прогнозным. И сейчас можно сказать, что сделанные К.Д. Глинкой прогнозы себя оправдали. Однако соотечественники и даже ученики К.Д. Глинки считали его одним из основоположников климатического направления в почвоведении, а за детализацию им роли явлений выветривания и их связи с биохимическими процессами – последователем геологического начала в почвоведении. Ученого даже иронически причислили к короведам (Виленский, 1950), а не к почвоведом.

И вместе с тем никто не отрицает, что К.Д. Глинке принадлежит первенство в оригинальном рассмотрении процессов выветривания, установлении стадийного синтеза глинистых минералов и выявлении роли человека как фактора выветривания и круговорота подвижных соединений в природе. Никто иной, как К.Д. Глинка, был основателем почвенной минералогии и биогеохимической (в современном понимании) роли почв, но об этом как-то совсем забыли. В наше время эти два направления живут и развиваются, а дальнейшая разработка их поддерживается. И наконец, сам факт рассмотрения органической части почв вызывает глубокое уважение к К.Д. Глинке, который, будучи по образованию геологом, тем не менее отдал предпочтение биологическим явлениям и процессам.

Вторая часть монографии посвящена обсуждению общих свойств почв. В этом разделе К.Д. Глинка пересматривает роль почвенных коллоидов и явлений коагуляции в свете работ К.К. Гедройца. В первом и втором изданиях он уделил им мало внимания в связи с тем, что изучение этих

процессов только начиналось. На это указывает и относительно беглое описание поглотительной способности почв, почвенного воздуха и почвенных растворов, которые в тот период были изучены еще недостаточно. Тем не менее литературные источники по данному вопросу были собраны и рассмотрены в монографии с тщательностью и вниманием, свойственным К.Д. Глинке.

В третьей части, с детальностью, соответствующей времени написания работы, дается морфологическая, физическая, химическая и физико-химическая характеристика всех изученных типов и подтипов почв. Рассматривается приуроченность их к формациям и типам растительности и устанавливаются закономерности распределения тех и других. На этом фоне К.Д. Глинка более подробно останавливается на выявленных им генетических особенностях некоторых почв, а также на результатах исследований, в которых ему принадлежит приоритет. К ним относятся: сравнение особенностей развития дерновых (подзолистых) и собственно подзолистых почв и выявленные возможности выноса тонких минеральных суспензий из поверхностных элювиальных горизонтов подзолистых почв под защитой золей гумуса и отложение этих суспензий в иллювиальном горизонте; установление возможности и условий образования лесных почв без признаков оподзоливания, ранее выделенных Раманом в качестве самостоятельного типа бурых лесных почв или буроземов; прогнозирование возможности их развития в лесостепи и южной тайге Европейской России; выявление механизма образования кремнеземистой присыпки при деградации черноземов в результате отмыывания с поверхности кварцевых частиц коллоидальных пленок и перенос их в горизонт В (впоследствии этот процесс назван лессиважем, Обер, Дюшифур); выяснение различий между элювиальным и элювиально-глеевым процессами (для первого характерно накопление кремнезема, а для второго – кремнезема и глинозема; при глубоком по тем временам изучении красноземов Западной Грузии впервые показано, что они отражают в своем составе и свойствах древние процессы ферраллитизации, свойственные тропическим условиям).

Не отрицая теории Гедройца о возникновении солонцов, К.Д. Глинка разработал новую теорию их образования для Сибири, а также выявил условия, при которых возможно рассоление солончаков без появления солонцов. Помимо этого, К.Д. Глинка выделил бурые полупустынные почвы в самостоятельный тип, создал теорию биогеохимического соленакопления, чем на 40–50 лет предвосхитил современные научные разработки в этой области. Вероятно поэтому, считал Ливеровский [164], эта теория не получила резонанса в то время.

Таково далеко не полное перечисление оригинальных разработок Глинки в изучении генезиса почв. Он был инициатором пропаганды учения о закономерностях распределения почв в особый раздел – географии

почв; им были установлены границы зональной смены типов почв в Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке, а в пределах зон – регионы с преобладанием горизонтальных и вертикальных смен почв. В пределах горизонтальных зон ученый выделил территории с отклонениями гидро-термических режимов, определяющих отличные от зональных закономерности развития и распределения почв, послужившие основой для установления фациальных или провинциальных отличий почвообразования.

При изучении колонизационных территорий почвы рассматривались как естественноисторические тела. При этом К.Д. Глинка уделял внимание их особенностям, имевшим значение при решении вопросов освоения территорий. В связи с этим он полагал, что агрономы, агропочвоведы, агроэкономисты обязаны выделять по результатам почвенных исследований возможности и пути сельскохозяйственного освоения тех или иных территорий. Переселенческое управление было удовлетворено результатом исследований.

Кстати, отметим, что по ходу этих исследований К.Д. Глинка составил почвенную карту мира. Она дважды уточнялась и последний третий вариант ее имел важное значение для дальнейших подобных работ. Педантизм, проявленный ученым при работе над литературными материалами, проявился в том, что в конце книги было дано приложение с перечислением материалов по изучению микроорганизмов, методов определения механического состава, коллоидов, гумуса, состава поглощающего комплекса, химического состава илистой фракции, физическим свойствам с указанием авторов и изданий, в которых они опубликованы. Причем он перечислил даже работы, вышедшие после сдачи пособия в печать.

Нам не известно ни одного руководства, в котором бы проявлялась такая забота об информации читателя. Рассмотренное произведение больше соответствует энциклопедии знаний о почвообразовании и почвах, чем учебному пособию, предназначенному для сельскохозяйственных вузов. Как же высоки были в то время требования к познанию базисной дисциплины сельского хозяйства – почвоведению!

Составляя руководство, К.Д. Глинка показал себя не только педагогом, но и мудрым руководителем (ректором) агрономического института, нуждавшегося в учебном пособии. По рассмотренному курсу учились и пользовались им как справочником не одно поколение почвоведов, в том числе и автор этих строк. Но никто из нас и наших учителей никогда не высказывал отрицательных суждений об этом замечательном труде. "Сколько раз, – писал Б.Б. Польшов, – и при подготовке к очередной лекции, и при отыскании библиографической справки, и особенно при попытках получить разрешение какого-либо почвенно-географического вопроса приходилось прибегать к помощи этой книги. И, кажется, нет в

ней страницы, которая бы не была многократно использована, и нет такого вопроса в почвоведении, который не получил бы в этой книге хотя бы некоторого освещения” [172. С. 8].

Высоко оценили труд К.Д. Глинки и зарубежные ученые. Так, известный почвовед США профессор С. Ваксман свою монографию по гумусу посвятил трем выдающимся русским ученым: Глинке, Омелянскому и Гедройцу. Тепло отзывались о книге венгерские и румынские почвоведы, побывавшие у Глинки в Новой Александрии.

К особо важным результатам выхода в свет пособия, несомненно, относится внедрение в основные языки мира исконно русских номенклатур почв: *чернозем, подзол, солонец, солончак, каштановая почва* и т.д. Это достижение следует рассматривать прежде всего как стремление к взаимопониманию и преодолению языкового барьера. В этом К.Д. Глинка добился многого, а главное, – глубочайшего уважения со стороны почвоведов.

Времена меняются, меняются и отношения к ученым, особенно много сделавшим для становления своих наук. После 30-х годов труды К.Д. Глинки стали предметом критики и не только его, но и ряда представителей докучаевской школы. Подверглось критике и ”Почвоведение”. К недостаткам пособия стали относить: непродуманность последовательности изложения материалов (считали, что автор не столько объединял, сколько соединял более или менее механически разделы пособия); отсутствие в нем рассмотрения плодородия и специфики использования почв в сельском хозяйстве; антиагрономическую направленность пособия при акцентировании внимания на роли геологических и климатических, а не биологических факторов почвообразования. Некоторые авторы даже исключали Глинку из продолжателей докучаевского направления в почвоведении. Вся или почти вся критика была настолько необоснованна, что И.А. Крупеников не мог признать ее справедливой по существу.

Приведем лишь один пример отношения к посмертным изданиям ”Почвоведения”. В 1930 г. ”Сельхозгиз” предложил вдове ученого, Антонине Георгиевне, переиздать пособие. Не будучи сведущей в этих делах, она, в свою очередь, обратилась к Б.Б. Польшову с просьбой взять на себя труд редактора четвертого издания. За подготовку переиздания взялась группа известных почвоведов Почвенного института им. В.В. Докучаева. Они провели скрупулезную работу по дополнению руководства новыми данными и по сокращению объема некоторых разделов. Все проделанное было заключено в скобки и таким образом можно было видеть, что изъято и что добавлено. В кратком предисловии Польшов отметил, что редакционная группа провела необходимые минимальные дополнения и сокращения. Тем самым четвертое издание ”Почвоведения” стало той основой, с которой воспроизводили пятое и шестое издания. Отметим,

что Полинов четвертое издание подписал к печати и каких-либо негативных замечаний не сделал.

К пятому же изданию 1932 г. Научный совет Государственного издательства сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы предположил специальное предисловие, заставляющее только удивляться той недалекостью, безграмотности и непониманию научных основ изучения почвенных ресурсов, проявленным его авторами. Предисловие представляет яркое отражение тоталитарной системы и стиля ее руководства, оно "клеимит" все старое, все "загнившее", славит социалистическую систему. Но все же критики отмечают, что учебное пособие, «впитывающее в себя "все прелести" буржуазной науки. . . богато фактическим материалом по почве, представляющим ценность для учащихся и научного работника в области почвы, в том случае, если он подойдет к нему критически», и его можно использовать [155]. В то время "Предисловие" отражало процветавшую идеологию и не подлежало критике. Но сейчас можно открыто говорить об этом "непревзойденном" по своему стилю, подходу, оценке и интерпретации некоторых событий и фактов творении, причем неизвестно кем составленном.

Начинается "Предисловие" словами: "Почвоведение связано с выполнением социального заказа и его производством. Но со стороны целой плеяды представителей науки и такого корифея ее, как покойный акад. К.Д. Глинка, это положение отрицается". Далее отмечается, что многие работы К.Д. Глинки и выполненные под его личным руководством почвенные обследования азиатских просторов были обусловлены колонизационной политикой царизма, особенно широко развернувшейся после аграрного движения 1900–1905 гг., направленного к выселению революционно настроенных масс трудящегося крестьянства.

По мнению авторов "Предисловия", почвоведение этого периода, выполняя специальный заказ изучения географии почв Сибири с указанной целью, углубило наметившийся еще ранее свой отрыв от производства. В выпускаемом учебнике, являющимся по сути теоретическим обобщением этих работ, на протяжении сотен страниц, богатых фактическим материалом о почве, "нет ни слова о его практическом применении. . . Он противоречит практически конкретной социалистической устремленности науки. . . Представляемый учебник избилует почвостатистическими материалами, формальными морфологическими описаниями почв, приведением формальных искусственных классификаций, построенных не на производственных, а часто морфологических признаках и неверных методологических установках". Раздел "органическое вещество" изложен тривиально. "Из материалов выветривания минеральной части почвы можно сделать вывод, что элементами питания растений являются только продукты термодинамического и химического выветривания почвообразующих пород. . . За счет какой части почв происходит пита-

ние растений? Чем объяснить плодородие высокогумусных черноземных почв. . . В пособии примат отдается свойствам почвы как функции современных климатических условий. Это ставит производство перед неразрешимой задачей изменения климата и ведет к отрицанию других мер воздействия на почву. Опровергается пресловутый тезис многих натуралистов, сформулированный Докучаевым и проповедовавший идеалистическую целесообразность эволюции природы”.

Пособие изобилует, отмечается в ”Предисловии” такими недостатками, как ”возведение в культ русского почвоведения: русский исследователь, русский дух, русская школа и т.д. Отсутствует интернациональное достояние – достоинство человечества. Весь учебник представляет богатый сбор материалов, накопившихся в истории международного почвоведения, механически связанных, констатирующих факты без выявления взаимной связи и направления процессов, без выявления путей и методов производственного воздействия человека на почву.

В отрыве от строящегося социализма, в обстановке широчайшего развертывания производительных сил, задерживаемых загнивающим буржуазно-капиталистическим строем. Задачи перед наукой почвоведения чрезвычайно огромны”.

Вряд ли приведенные суждения нуждаются в комментариях. На многие ”сентенции” ответ дан в предыдущих разделах очерка. Остается сказать, что содержание ”Предисловия” является лучшей иллюстрацией пренебрежительного отношения и к науке, и к проблемам освоения почвенных ресурсов.

Шестое издание повторяет все предисловия и введения предыдущих изданий и не несет чего-либо нового.

Все написанное в ”Предисловии” послужило основой для последующих оценок творческой деятельности К.Д. Глинки. Без преувеличения можно сказать, что в каждом курсе почвоведения, в каждой публикации по истории почвоведения Глинке и его творчеству обязательно уделялось внимание. С 1931 г. оно становится целенаправленным, подчеркивающим деятельность К.Д. Глинки как представителя геологического направления, а затем как основателя ”климатической школы” в русском почвоведении.

При этом все критики ограничиваются перечислением выполненных им работ и не отмечают их значения в развитии почвоведения. В некоторых случаях (”Предисловие” к пятому изданию) упоминался научный титул К.Д. Глинки, но делалось это для того, чтобы читатель мог прочесть между строк о том, что научная деятельность этого ученого отличалась малой эффективностью и отражала ”буржуазно-капиталистические” идеи.

И в то же время каждая негативная оценка трудов К.Д. Глинки отличалась своими нюансами и акцентами на отдельных этапах его творчест-

ва. В некоторых публикациях можно проследить и определенную "эволюционную" тенденцию к ослаблению "геологической и климатической виновности" К.Д. Глинки. Так, если в 1950 г. Д.Г. Виленский предъявлял ему не только вышеотмеченные претензии, но и неприемлемость "биологизации" почвоведения и плодородия – основного свойства почв, то в 1958 г.²⁴ К.Д. Глинка характеризуется уже в относительно "светлых" тонах.

Но и здесь не обошлось без гиперболизма и необъективности. По-прежнему К.Д. Глинке вменяется роль не представителя геологического направления, а главы отечественного почвоведения. Новым является приписывание ему утверждения о роли климата как ведущего фактора почвообразования. Появилось стремление придать термину "педология" особое звучание и объяснить, что К.Д. Глинка его применял также, как Фаллу, и тем самым признать, что последний ранее Докучаева дал научное определение почвы.

Продолжает существовать мнение, что К.Д. Глинка противопоставлял естественноисторическое (докучаевское) понимание почвы агрономическому. Этим он никогда не занимался. Почвоведение ученый последовательно рассматривал как самостоятельную научную дисциплину, а его агрономическое приложение предлагал базировать на общем учении о почве. Он был несомненным сторонником развития прикладных отраслей общего почвоведения (агрономическое, лесное, мелиоративное и др.). Это в настоящее время и осуществляется. Несправедливо, а тем более почвоведу, утверждать, что основной теоретической работой К.Д. Глинки было исследование процессов выветривания. Оно никак не вяжется со всем вышесказанным Д.Г. Виленским. В целом же в рассмотренной характеристике нет того осуждающего тона, какой был типичен для работ 1950 г.

Прошла острота "кампании", снята необходимость конъюнктурного "клеймения". Отношение к творчеству К.Д. Глинки последующего поколения деятелей различных направлений (почвоведы, издатели и т.д.) было в общем однозначным – отражавшим те директивы и тот "дух времени", в который происходило все вышесказанное. Нам представляется, что просто "отмахиваться" от этого страшного времени нельзя. Новые поколения должны знать и помнить, в какой обстановке приходилось жить и трудиться. Факты – лучший способ осмысления прошедшего, они не нуждаются в дальнейших комментариях.

В заключение следует отметить, что К.Д. Глинка в послереволюционный период признал необходимым популяризовать науку. Тремя изданиями вышел, например, его очень увлекательно написанный популярный очерк "Почва, ее свойства и законы распространения" [115].

²⁴Виленский Д.Г. История почвоведения в России. М.: Сов. наука, 1958. С. 238.

Последние штрихи жизни

Триумфом закончился для русского почвоведения I Международный конгресс почвоведов, избравший К.Д. Глинку Президентом МОП на предстоящее трехлетие. Но это не радовало ученого, который чувствовал себя все хуже и хуже. "Нет того веселого, постоянно искрометного, яркого К.Д. Глинки, – вспоминал позднее Б.Б. Польшов. – Уныние, задумчивость, тяжелое дыхание и отсутствие интереса к окружающему охватили К.Д. Глинку. Он торопится, торопится домой, в семью, в Докучаевский комитет в надежде, что, попав в любимую обстановку, имея уход и внимание семьи и соратников, он снова обретет силы и станет во главе семьи и у руля нового научного направления", признанного Академией наук [171].

Вечером 20 июня в Чикаго, возвратившись из города в отель, он подошел к Б.Б. Польшову «и пожаловался на сильную усталость. "Хотелось бы день провести в покое", – сказал он. Не подозревая, что у него прогрессирует тяжелая болезнь, я уговорил его остаться и "пострадать до конца"», – писал позднее Б.Б. Польшов.

Вероятно, 25 июня они вновь на корабле возвращаются домой. Но теперь К.Д. Глинка был совсем иным. Большую часть времени он проводил в кресле в гостиной. Лицо его осунулось, шум, разговоры, яркое освещение раздражали ученого и он стремился уединиться, Единственным его желанием было: скорее, скорее домой.

Вернувшись в первой половине июля в Ленинград, домой, он был перевезен в Царское село, на дачу или в пансионат. Об этом точных данных нет. Известно лишь, что 30 сентября 1927 г. К.Д. Глинка отправил следующее письмо секретарю Академии наук академику С.Ф. Ольденбургу: "Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Лежу в постели с катаральным воспалением легкого, а потому быть на заседании 3.10, к сожалению, не могу. Искренне уважающий Вас К. Глинка".

Подлинный диагноз болезни от К.Д. Глинки скрывался (рак легкого). Катар легкого – успокоительная для ученого версия болезни, которой он заболел в США при экскурсионном посещении холодильной камеры (тогда – американская новинка). Между 30 октября и 2 ноября К.Д. Глинка находился в клинике Института усовершенствования врачей, расположенной на ул. Чайковского (на этой улице находился и дом, где была квартира К.Д. Глинки). Б.Б. Польшов дважды посещал ученого в клинике. "Небольшая светлая комната в клинике, – вспоминал Б.Б. Польшов. – Передо мной на кровати лежит Константин Дмитриевич. Он похудел и побледнел до неузнаваемости, дышит тяжело и, когда говорит слабым, прерывающимся голосом, делает большие паузы. . . Я знаю, что у него рак, что он скоро умрет, что спасти его никак нельзя, но я должен

это скрывать не только от него, но и от семьи. Я делаю усилия казаться спокойным, веселым, даже стараюсь шутить, и... Константин Дмитриевич реагирует на эти шутки – он улыбается... До последних моментов его ум сохраняет необычайную ясность и, когда пришедший вместе со мной навестить больного проф. С.С. Неуструев цитирует какого-то ученого, Константин Дмитриевич сейчас же называет и книгу, и автора книги. И предстоящая неминуемая смерть – нечто, что должно уничтожить такую ясную, здоровую, работающую мысль, кажется еще более ужасной и жуткой. И она пришла – эта смерть. Он скончался в той же клинике 2 ноября 1927 г. в 6 ч 30 мин утра, оплакиваемый родными, друзьями, всеми почвоведом и молодежью”.

В некрологе, помещенном в журнале “Природа”, Б.Б. Плынов подчеркивал, что “скончался академик К.Д. Глинка – представитель самой юной отрасли естествознания – почвоведения.

История развития этой науки прошла не только на глазах покойного, но при самом активном его участии.

Первый ученый-почвовед, избранный в члены Академии наук, избранный за 5 месяцев до смерти.

Много раньше выполненные им работы и имя его приобрели известность не только у нас, но и за пределами Родины” [168].

”Похороны были торжественными, трогательными, достойными дел, свершенных К.Д. Глинкой”, – писал Н.И. Прохоров [175]. Гроб с телом покойного студенты сельскохозяйственного института, друзья покойного и сотрудники Почвенного института Академии наук на руках вынесли из Сергиевского собора. Похоронная процессия направилась к Финляндскому вокзалу. Здесь состоялась гражданская панихида, на которой присутствовали сотрудники и члены Академии наук, профессора и студенчество сельскохозяйственного института и многочисленная семья сотрудников, учеников и почитателей К.Д. Глинки. Тело К.Д. Глинки предано земле на Шуваловском кладбище.

В день похорон К.Д. Глинка в Академии наук были отмечены все заседания, а в Почвенном институте – и занятия. Семья покойного, Академия наук и Почвенный институт получили громадное количество телеграмм со всех концов мира с выражением соболезнования. Для всех смерть К.Д. Глинки была совершенно неожиданной.

Н.И. Прохоров вспоминал: “На прибрежных высоких песчаных холмах озера в Шувалове, с открывающимися в солнечный день далями, среди стройных вековых сосен нахожу могилу К.Д. Глинки, окутанную венками любви и памятью друзей мировой семьи почвоведов. Хвоя в кронах могучих деревьев шумливо будит в памяти пройденный жизненный путь Константина Дмитриевича как семьянина, гражданина-ученого и вспоминаются чьи-то стихи:

(На том берегу наше солнце зайдет,
устав на лазури чертить огненную дугу,
и крыльев бесследных смирится полет
на том берегу. . .
На том берегу отдыхают равно:
цветок нерасцветший и тот, что завял на лугу,
всему, что вне жизни, бессмертие дано
на том берегу.
На том берегу, кто мечтою живет,
кто покинул все то, что я здесь берегу, —
что смертью зовем, он рождением зовет
на том берегу.

Думал и мечтал Константин Дмитриевич о многом — многое сделал. Но нужен был нам ведь еще на долгие годы” [175].

14 января 1928 г. Почвенный институт им. В.В. Докучаева и Отдел почвоведения Государственного института опытной агрономии провели совместное заседание, посвященное памяти академика К.Д. Глинки. На нем с речами выступили ведущие ученые-почвоведы.

Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, осветивший жизненный и творческий путь Константина Дмитриевича Глинки, начал свою речь словами: ”В лице Константина Дмитриевича Глинки русская наука лишилась крупного научного деятеля, главы русских почвоведов, от которого почвоведение в Академии наук было вправе ожидать еще много ценных работ. . . можно сказать, что нить его жизни оборвалась трагически неожиданно и быстро. Он и сам не ожидал, по-видимому, столь быстрого конца и, будучи больным, предпринимал некоторые шаги по подготовке будущего I Международного конгресса почвоведов. Уже в самом конце болезни, когда силы стали ему изменять, он обратился с письмом к акад. В.И. Вернадскому, просил его взять на себя заботы по созданию Организационного комитета будущего конгресса. Смерть Константина Дмитриевича вызвала глубокую скорбь не только русских и иностранных почвоведов, но и внесла некоторое смятение в ряды русских почвоведов, привыкших считать Константина Дмитриевича как бы своим официальным главой”.

Далее Ф.Ю. Левинсон-Лессинг охарактеризовал этапы многогранной деятельности К.Д. Глинки. При этом высоко оценил курс почвоведения Глинки, назвав его *трактатом по почвоведению*, к составлению которого ученого привело преподавание. ”Такой книги по почвоведению, — подчеркивал Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, — не существовало ни в русской, ни в западноевропейской или американской литературе. Эта книга — не только крупнейшая научная заслуга Константина Дмитриевича, это своего рода краеугольный камень в знании русского почвоведения”.

В заключение Ф.Ю. Левинсон-Лессинг подчеркнул, что избрание К.Д. Глинки академиком и директором Почвенного института было важным шагом ”со стороны Академии, признавшей за почвоведением значе-

ние самостоятельной и значительной научной дисциплины. . . В истории русского почвоведения будет отмечено, что благодаря ему русское почвоведение получило то высокое признание, которое отмечено фактом его избрания в академики” [163].

В речах Б.Б. Польшова, В.И. Ковалевского, Л.С. Берга, С.С. Неуструева, Л.И. Прасолова, Н.И. Прохорова были отмечены основные достижения К.Д. Глинка в области изучения кор выветривания, его исследования по прикладному (агрономическому) почвоведению, глубокие и содержательные работы по генезису и классификации почв, по почвам азиатской части России, его деятельности в Докучаевском почвенном комитете. Все выступавшие говорили о высоком научном профессионализме ученого, его светлых человеческих качествах, его истинном патриотизме.

Памяти первого своего ректора академика К.Д. Глинка был посвящен сборник Ленинградского сельскохозяйственного института²⁵. Он состоял из двух частей. Первая включала воспоминания о жизни и деятельности ученого, написанные Б.Б. Польшовым, Н.И. Прохоровым и Л. Тихеевой. Все три публикации являли собой пример самого высокого отношения к памяти друга, учителя и наставника.

Во второй части были научные статьи аспирантов и сотрудников кафедр почвоведения и зоологии. Читая их, можно убедиться в стремлении К.Д. Глинка разрабатывать тематику, необходимую для развития сельского хозяйства, через познание почв и их свойств. Здесь помещены статьи: А.А. Завалишина – о нескольких наблюдениях при изучении почв с близким глеевым горизонтом; Л.П. Беяковой – о составе почвенных суспензий различной степени дисперсности в почвах степного, солонцового и подзолистого типов; А. Проневича – о характере выщелоченного горизонта лесной подзолистой почвы и его отношении к морфологическому подзолистому горизонту; Б. Философова – о характеристике почв окрестностей Рима; Т.В. и М.П. Виноградовых – о исследовании почвенных Protozoa.

В июле 1930 г. в Ленинграде открылся II Международный конгресс почвоведов. Собравшиеся почтили память К.Д. Глинка, отдавая должное его вкладу в развитие почвоведения. Конгресс уполномочил выдающихся ученых мира – Пенка, Гиссинка, Марбута, Рассела, Удена, Польшова и др. – возложить венок на могилу великого русского естествоиспытателя.

Казалось бы, имя К.Д. Глинка после всего сделанного им должно было бы вечно жить в сердцах почвоведов и вдохновлять их на новые свершения. Но случилось так, что спустя 14–15 лет после смерти К.Д. Глинка ”колесо истории” повернулось в совершенно противоположное и непредсказуемое направление. Представители бюрократическо-конъюнктурной науки тоталитарного партийного толка избрали ученого и его творчество

²⁵Памяти К.Д. Глинка: Сб. Л.: Ленингр. с.-х. ин-т, 1928. Т. 1, 2.

”в качестве примера консервативного, чуть ли не антидокучаевского, направления в науке”. Они как бы ”оживили” К.Д. Глинку для того, чтобы показать его ”классовую сущность”, направленную якобы на торможение развития науки о почве и вообще новой жизни. Многие, даже из друзей К.Д. Глинки, изменили свое мнение о творчестве ученого и ставили под сомнение его научную и просветительскую деятельность.

Тем не менее преданные К.Д. Глинке ученики (Ю.А. Ливеровский [164, 166], А.А. Завалишин, а также В.А. Долотов [159], И.А. Крупеников [162]) и сотрудники журнала ”Почвоведение”, не изменившие своего отношения к ученому, публикуют статьи, приуроченные к 20-летию со дня смерти, 100- и 120-летию со дня рождения Константина Дмитриевича, напоминая новым поколениям почвоведов о выдающемся соотечественнике, ”доставившем” докучаевское почвоведение. Авторы этих статей выступали против попыток исказить взгляды и деятельность К.Д. Глинки. Благодаря этим смелым, а в 40-е годы даже рискованным выступлениям ”пламя антиглинковского пожара” так и не смогло разгореться.

Тем не менее второй раунд критических нападков на К.Д. Глинку затянулся и оказался весьма неприятным и горьким по своей политической подоплеке, ”шитой белыми нитками”, с отрицательными последствиями, выразившимися в конъюнктурном разделении почвоведов на два лагеря (”искусственных докучаевцев” – критиков К.Д. Глинки и ”антидокучаевцев”, защищавших его идеи и творчество). Необходим был 60-летний период, чтобы вновь очистить светлое имя К.Д. Глинки от возведенной на него словесной напраслины. Хочется надеяться, что оно будет жить как имя создателя и великого труженика, отдавшего свою жизнь за веру в русский народ и его научную интеллигенцию.

Наследники научного творчества

Жизнь и творчество ученого оценивают время и люди, развивающие его наследие. В трудах и воспоминаниях современников о К.Д. Глинке, опубликованных в разные периоды, в самых теплых и ярких словах отмечены все его лучшие качества как ученого, гражданина, принципиально-го, доброго человека и семьянина. Так, профессор Ю.А. Ливеровский – один из последних учеников К.Д. Глинки, сделал ряд глубоких и содержательных обзоров ”содеянного выдающимся ученым”, где четко охарактеризовал основные этапы его деятельности, отметив проникновенными словами его талант как руководителя новой науки [164, 166].

Научные труды К.Д. Глинки высоко оценили не только почвоведы, но и географы, агрономы, лесоводы, ботаники, зоологи и представители многих других специальностей. Земства и Государственное переселенческое управление были удовлетворены и руководимыми К.Д. Глинкой

исследованиями и практическими работами в этом направлении. Проведенная инвентаризация (хотя и неполная) колонизационных растительных и почвенных ресурсов Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии оказала значительную помощь (переселенцам) в обживании новых регионов. Свою признательность К.Д. Глинке выразили и те передовые губернские земства средней и северной частей Европейской России, в которых ученый проводил свои изыскания. Впоследствии его материалы оказали ощутимую помощь в проведении аграрной реформы П.А. Столыпина.

В 1968 г. состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения К.Д. Глинки. По инициативе продолжателей дела ученого и его почитателей по Воронежскому сельскохозяйственному институту им. К.Д. Глинки в честь этого события перед зданием института был воздвигнут памятник выдающемуся почвоведу. Забылись былые нападки на деятельность К.Д. Глинки. Однако в сознании новых поколений почвоведов он оставался прогрессивным деятелем, или представителем консервативного и даже антидокучаевского направления.

Справедливости ради отметим, что долгое время научная общественность не проявляла существенного интереса ни к творчеству К.Д. Глинки, ни вообще к истории почвоведения. Особенно это стало заметным после "знаменательной" сессии ВАСХНИЛ, которая санкционировала применение "шоковой терапии" ко всем тем, кто не соглашался или выражал даже малые сомнения в правильности "нового" так называемого агробиологического направления, в том числе и в почвоведении. Излюбленным способом борьбы с ними в то время был один – разделение ученых на "передовиков" и консерваторов, приверженцев классических принципов развития науки. В это время "передовикам", "новаторам" был открыт путь для безнаказанной критики инакомыслящих. К "передовикам" относились ученые, признанные наукой, и те, кто своими концепциями соответствовал "новому движению". Так, в почвоведении был провозглашен передовой триумvirат: Докучаев–Костычев–Вильямс. Их учения признавались догматически безоговорочными, не подлежащими не только критике, но и творческому развитию: это могло умалить достоинство последних.

В такое весьма тяжелое время, когда главенствовал принцип "разделяй и властвуй!", в почвоведении "вершителями судеб" стала небольшая группа почвоведов, отнесших К.Д. Глинку к "антидокучаевцам". В этот период (1948–1960) нападки на его творчество приумножались и усиливались. Основное обвинение – консерватизм и надуманный "антибиологизм" почвоведения, тормозивший развитие передового докучаевского учения о почве. Обо всем этом уже говорилось выше, но тем не менее необходимо еще раз остановиться на некоторых сторонах данной "эпопеи", так как она не только получила широкую огласку, но и вошла в учебные пособия, "построенные на основе агробиологического учения академика В.Р. Вильямса".

Нам представляется, что настало время для справедливого освещения истории науки, в данном случае почвоведения. При этом необходимо пролить свет на те негативы, которые, будучи навязанными определенной системой, во многом задержали поступательное развитие почвоведения. Больше того, они внесли в него элементы, которые невозможно изжить постановлениями или решениями. Плохие или даже вредные ростки конъюнктуризма широко вошли в почвоведение, породив субъективизм на основе волюнтаристских приемов, а не эмпирических доказательств.

Характерный штрих. Описывая участие советских почвоведов в I Международном конгрессе почвоведов, Д.Г. Виленский (1928) объективно охарактеризовал ведущее участие в нем К.Д. Глинки и других представителей профильно-генетической школы Докучаева. Позже (1950) он же безлично характеризует роль советского почвоведения на этом конгрессе, даже не упоминая о роли К.Д. Глинки. Не удивительно – в это время уже определились "вольные" и невольные защитники "нового курса" в почвоведении.

Теперь, по прошествии почти 45 лет (после сессии ВАСХНИЛ) представляется возможным судить о том событии с позиции истории науки и пользоваться только печатными высказываниями, характеризовавшими обстановку тех лет. В этом отношении записи Д.Г. Виленского в наибольшей степени отражают волюнтаристические взгляды группы "ревизионистов" агробиологического толка. Их наступление сводилось к опорочиванию любыми средствами докучаевского направления в почвоведении, возглавлявшегося К.Д. Глинкой. Он был "избран" тем лидером, который, по мнению ревизионистов, свернул докучаевское направление с "истинного" пути, развивая геологическое и климатическое направления, и якобы не признавал ведущей роль биологических факторов в почвообразовании. Ученому вменялся отрыв теории от практики, выразившийся в изучении почв вне связи с агрономическими требованиями.

Как видим, нового в этом наступлении на К.Д. Глинку (по сравнению с ранними нападениями) не было. Но есть другое – способы, примененные для доказательства этих негативных положений. Так, весьма показательным и поучительно, что Д.Г. Виленский во "Введении" к своему "Почвоведению" дает следующее определение понятия почвы: "Почвой называется рыхлый поверхностный слой суши земного шара, обладающий свойством *плодородия*, т.е. способный производить урожай растений". Это определение полностью соответствует определению, данному В.Р. Вильямсом. Если вдуматься, то можно признать в нем не докучаевское, а немецкое агрогеологическое начало. Именно таким определением исключаются условия, обуславливающие формирование и распределение почв, от которых зависит их способность обеспечивать растения водой и пищей. В этом случае мы, вероятно, вправе рассматривать плодородие

как следствие, а не причину почвообразования. Почва, как естественно-историческое тело, не обладает свойством плодородия. Плодородие – это функция деятельности человека, могущего благодаря знаниям о почве создать или определить ее возможности бесперебойно обеспечивать растения необходимым питанием, чтобы она давала запрограммированную (как теперь выражаются) урожайность.

Это оказывается первое и одно из самых серьезных расхождений с докучаевским определением почвы. Далее это положение еще более усугубляется следующим разъяснением: "Верхняя часть литосферы, сложенная рыхлыми продуктами разрушения магматических, метаморфических и осадочных пород, называется *корой выветривания*. Поверхностный слой коры выветривания, охваченный биосферой, и составляет почву". Однако можно отметить, что это определение почвы близко тому, которое дал К.Д. Глинка. Различие между ними только в отношении мощности толщи коры выветривания, затрагиваемой почвообразованием. Определение, данное К.Д. Глинкой с некоторыми уточнениями, принимается и сейчас. Первое же вильямское определение, несомненно, следует считать прикладным – земледельческим.

Многие авторы, касаясь земских исследований почв, проведенных Глинкой, однозначно отмечали, что эти работы не имели того широкого комплексного характера, какой носили при Докучаеве. По их мнению, при Глинке начался отказ от докучаевских принципов, заключающихся в жесткой увязке естественно-исторических исследований с агроэкономическими. Именно поэтому, считали они, отошли от почвоведения Вернадский, Левинсон-Лессинг и Замятченский.

Но как отмечалось выше, ни одно из земств не предъявило претензий к выполненным под руководством Глинки работам. Ученый сам прекратил эти исследования, так как не мог установить связь между урожайностью и качеством почв. Что же касается Вернадского, то он отошел от почвоведения еще при жизни Докучаева. Левинсон-Лессинг, будучи петрографом, занимался почвоведением, так как глубоко верил в его перспективность, и формально отошел от него, лишь подготовив избрание К.Д. Глинки академиком и директором Почвенного института. Замятченский же до конца жизни был сотрудником Почвенного института.

Критики Глинки ссылались на слова В.Р. Вильямса, что "широкий полноводный поток докучаевского почвоведения разбился на многочисленные ручьи, связанные между собой только общностью своего мощного источника. . . но ни один не отражал почвы как природного тела". Аллегорично, но понятно, что он имел в виду. Понятие "почва как природное тело" восторжествовало при Глинке и при нем начали намечаться самостоятельные направления в почвоведении – география, минералогия почв и т.д.

В настоящее время почвоведение дифференцировалось в наибольшей степени. В этом можно видеть действительно творческое развитие докучаевского почвоведения, но никак не его деградацию.

Затем последовали попытки опорочить учение о почве как о самостоятельном природном теле, не учитывавшем потребностей и запросов аграрного производства. Действительно, докучаевско-глинковское почвоведение сильно своим постоянным стремлением изучать почву в качестве самостоятельного природного тела. И в то же время его представители всегда оказывали помощь государственным проектам и планам. Глинка, как известно, всю жизнь был тесно связан с агрономией, а также решал земские и переселенческие нужды государства. Наиболее глубокое и разнообразное познание почв позволяло реализовать эти знания быстро и эффективно для решения практических проблем.

Обвиняя Глинку и Неуструева в развитии геологического направления и недоучете биологических процессов, Д.Г. Виленский (1950) ссылался на следующие слова С.С. Неуструева: «В последнее время академик В.И. Вернадский усиленно подчеркивает важность работы организмов в земной коре и необходимость для почвоведения и геохимии считать с нею возможно полнее. Однако в ограничение "биологической" точки зрения нужно указать, что почвы пустынь и до известной степени почвы тундр тогда будут весьма мало похожими на почвы, а продукты жизнедеятельности организмов в почвах, ими богатых, способны оказывать влияние гораздо глубже, чем слои, где сосредоточена их жизнь и деятельность, почему было бы затруднительно определить нижнюю границу почвы. Кроме того, процессы выветривания абиотических слоев земной коры едва ли отделимы от почвообразовательных процессов той ее части, где преимущественно живут организмы. Во всяком случае, от изучения процессов в абиотических слоях почвоведение не вправе отказаться без риска превратиться в чисто биологическую науку» [167].

Нельзя не отметить, что в 30-е годы эти слова никоим образом не подтверждали ни геологического направления, ни игнорировали так называемой биологизации. Что же касается почв тундры и пустынь, то действительно за истекшее время получено много фактов, подтверждающих важную роль в их жизни биологических процессов. Но это отнюдь не значит, что К.Д. Глинка и С.С. Неуструев их не признавали. Да и Д.Г. Виленский, вероятно, мало верил в свои утверждения, так в той же работе говорил о большом вкладе этих ученых в изучение почв. Правда, ниже он приводил слова В.Р. Вильямса о том, что "учение о почвенном покрове как о самостоятельной категории природных тел возникло в результате творческой работы трех русских ученых – В.В. Докучаева, И.А. Костычева и Н.М. Сибирцева". Вряд ли справедливо было "забывать" здесь К.Д. Глинку и особенно после того, как его "Почвоведение" переиздавалось шесть раз.

Остановимся еще на двух примерах рассмотрения творчества К.Д. Глинки. В первом случае речь идет о статье З.С. Филиповича, посвященной В.В. Докучаеву, в книге В.В. Докучаева "Русский чернозем". З.С. Филипович пишет, что почвоведение после В.В. Докучаева перешло в одно из своих разветвлений – географо-морфологическое почвоведение К.Д. Глинки и С.А. Захарова. По мнению Филиповича, последователи В.В. Докучаева вели пропаганду полезности отрыва так называемого научного почвоведения от производственных задач. И это было обусловлено социально-экономическим положением того времени, земством. Зачем нужна такая вульгаризация и неуважение к собственной науке, достижения которой были признаны, если не во всем мире, то во всех цивилизованных странах.

Более того, З.С. Филипович, как указывает Ю.А. Ливеровский, считал, что "генетический подход к почве принес колоссальный вред почвоведению" [164. С. 384]. Вред этот, по мысли Филиповича, выражался в отрыве докучаевского почвоведения от западноевропейского агрокультуртехнического почвоведения. Первое ничего не позаимствовало у последнего и, в свою очередь, никак на него не повлияло и смогло перейти в географо-морфологическое почвоведение К.Д. Глинки и С.А. Захарова. К сожалению, для многих эти сентенции остаются научными. До чего же мы не уважаем собственные научные достижения, своих ученых в угоду различным волюнтаристическим "загибам"! А они-то в конечном счете приводят к тому, что подобные суждения переходят и в официальные справочные издания.

Например, в БСЭ, где в статье о К.Д. Глинке, в частности говорится: «Вечную изменчивость почвы К.Д. Глинка связывал с деятельностью живых организмов. Но в дальнейшем он отошел от широкого и правильного понимания проблемы эволюции почв. Описывая частные случаи эволюции и смену одних типов почв другими в результате их саморазвития, Глинка писал: ". . . мы не можем, однако, присоединиться к тем исследователям, которые полагают, что эволюция почв может идти и без изменения условий их существования" (К.Д. Глинка. Почвоведение. 3 изд. 1927. С. 280). Положение К.Д. Глинки ошибочное (не ясно, почему? – С.З.). . . Вопрос об эволюции почв был разрешен В.Р. Вильямсом в его учении об едином почвообразовательном процессе». Статья заканчивалась утверждением, что "вопросам изучения эффективного плодородия почв и почвам, как предмета и продукта труда, он (К.Д. Глинка. – С.З.) не уделял достаточного внимания"²⁶.

В такой оценке деятельности К.Д. Глинки нет никакой логики. Более того, написанное не отражает, а искажает вклад ученого в развитие русской науки. И грустно, что помещено одно в издании, которому чита-

²⁶Глинка К.Д. // БСЭ. 2-е изд. 1952. Т. 11. С. 501–502.

тели верят. Но таково было время, отвергавшее национальную гордость за ярких представителей науки о почве.

Другими исследователями К.Д. Глинка характеризовался как ученый, способствовавший развитию недокучаевского почвоведения, и в качестве доказательства приводился отзыв руководителя почвенной службы США Ч. Келлога о том, что "в России около 1870 г. возникла блестящая школа почвоведения под руководством В.В. Докучаева и вслед за ним Сибирцева, Глинки, Гедройца и других". По мнению Ч. Келлога, "влияние новых русских идей было огромно. Уже имелось большое количество данных относительно почв Западной Европы и США, но они разрознены и взаимно не увязаны. И только на основе русских идей после первой мировой войны быстрыми темпами пошло развитие почвоведения во всех странах".

С какой же легкостью и в угоду мнимой идеологии извращалась история отечественной науки и ее создателей. Мы сами способствовали потере научного авторитета, с таким трудом завоеванного корифеями нашей науки. Мы уже так много потеряли, что восстановить потерянное становится все труднее и труднее. А ведь было время, когда наши учителя писали: "Мы – русские можем с гордостью заявить, что не только не отстали от Европы, но даже идем несколько впереди ее". В этих словах чувствовалась высокая ответственность за сказанное.

Прошли времена тяжелого психологического гнета на общество. Осмыслив, что многое из содеянного в науке не отвечает действительности, оно начало восстановление и доброго имени русских ученых. Пришел час и К.Д. Глинки. Помимо упоминавшихся двух статей о нем, написанных Ю.А. Ливеровским, в 1978 г. увидели свет избранные работы ученого. Акт не только отрадный, но и весьма необходимый для истории почвоведения. Это издание предворяется предисловием М.А. Глазовской и статьей Ю.А. Ливеровского и творческом пути К.Д. Глинки. Но знакомство с этими материалами показывает, что жизнь К.Д. Глинки в науке была "гладкой и безмятежной". А ведь это было не так, о чем необходимо писать, чтобы не повторить ошибок прошлых лет. Восстановление доброго имени К.Д. Глинки поднимает авторитет нашей науки. К.Д. Глинка по праву должен занять значительное и почетное место в истории русской, докучаевской науки о почве.

Послесловие (об исторических аспектах идей К.Д. Глинки в современности)

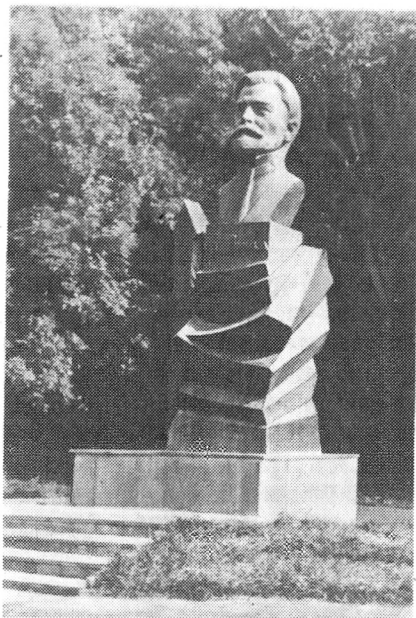
Эта книга создавалась в эпохально переломное для нашего общества время и поэтому в известной мере отражает раскрепощенное мышление. Оно проявилось в рассмотрении и оценке творческой жизни одного из выдающихся деятелей докучаевского почвоведения академика К.Д. Глинки. Его жизнь и научная деятельность протекали в двух этапах или периодах развития российского общества: при царском помещичье-буржуазном и в большевистском тоталитарно-командном. Несмотря на коренные различия режимов и идеологий, К.Д. Глинка сохранил верность науке и делу подготовки специалистов аграрного профиля.

Первую половину научной жизни К.Д. Глинка совершенствовал свой творческий и организационный потенциал, добываясь признания таланта, плодотворности и авторитетности на государственной службе. Это было необходимо для успешной борьбы за самоопределение избранной им науки, за свободное право вести научное изучение почв, не связывая его с практической направленностью. Последняя, по убежденности Глинки, была заложена в самом всестороннем изучении почв. Из такого изучения можно было, по его мнению, взять все необходимое для решения тех или иных прикладных проблем и вопросов.

Уже в то время К.Д. Глинка полагал, что общее научное почвоведение должно стать базой для развития его прикладных отраслей: агрономического, лесного, мелиоративного и других направлений. Такой подход предоставлял ему право упорством, трудом и творческим развитием докучаевских идей успешно решать научные, организационные проблемы и задачи почвенной науки. В этой деятельности К.Д. Глинка не испытывал ощутимых нажимов снизу и сверху, а если таковые и возникали, то тактичность и уверенность в их разрешении предотвращали возможные их негативные последствия. Научные расхождения между ним и другими учеными не выходили за пределы компетенций специальных научных обществ и страниц журналов. Результатом таких действий было признание докучаевского почвоведения русской самобытной наукой.

В агрономическом образовании К.Д. Глинка также добился ощутимых результатов – реформировал процесс преподавания в Новой Александрии, создал новый центр агрономического образования в Воронеже (Агрономический институт им. Петра I¹). По настойчивой просьбе ряда

¹Впоследствии с 1967 г. Воронежский сельскохозяйственный институт имени академика К.Д. Глинки, а с 1991 г. Воронежский Государственный аграрный университет им. академика К.Д. Глинки.

Памятник К.Д. Глинке перед зданием Воронежского Государственного аграрного университета имени академика К.Д. Глинки

губернских земств им были проведены обширные исследования по оценке земель, что способствовало подъему аграрного хозяйства и совершенствованию почвенной науки. Он провел грандиозные по объему изучения почвенных и естественных растительных ресурсов для целей колонизации азиатской части России и Дальнего Востока. Эти работы прославили отечественное почвоведение и географию. И наконец, он создал уникальное учебно-справочное пособие по почвоведению, долгое время не имеющее себе равных и опреде-

лившее международное признание и заслуженный авторитет ученому в странах Западной Европы и США.

Вторая временная половина творческой деятельности К.Д. Глинки не особенно изменила его мышление и действия. Он продолжал научную и научно-организационную работу. В новых условиях он вел подготовку высококвалифицированных кадров деятелей агрономии в Ленинградском сельскохозяйственном институте.

Одновременно К.Д. Глинка становится признанным главой русского почвоведения. Он осуществляет мечту Докучаева – почвоведение получает признание как академическая фундаментальная наука. Вслед за этим К.Д. Глинка был избран представителем (академиком) почвоведения в Академии наук. В этом качестве он успешно представлял ее на I Международном конгрессе почвоведов, где стал "виновником" международного признания докучаевского почвоведения и последующего триумфального шествия его идей по странам Европы и США. Он был организатором и руководителем нарождающегося объединения почвоведов и первым председателем Докучаевского почвенного комитета, затем первым директором Почвенного института Академии наук. Его основной труд "Почвоведение" выдержал четыре посмертных издания и перевод на немецкий, английский и другие языки. Этот труд и деяния в

педагогической, научной и общественной сферах создали ученому непреходящую славу.

”Горькая чаша” настигла творчество К.Д. Глинки тогда, когда сам он уже не мог защищать свои научные воззрения. Нападки на его творчество были ”спровоцированы” кампанией внедрения в науку марксистско-диалектического мышления и методологии, а также большевистской идеологии. Этот период начался с 1931 г. и достиг своего апогея в 50-е годы.

Несмотря на то, что этот период освещался ранее, нам хотелось с современных научных позиций высказать некоторые дополнительные соображения, снимающие с К.Д. Глинки незаслуженные критику и обвинения. К 50-м годам отечественная наука была полностью политизирована и в ее задачу входила борьба со сложившимися классическими научными устоями любыми способами. Была избрана оригинальная и в то же время напоминающая иезуитский метод система доказательства консерватизма. В связи с этим был объявлен отход учеников Докучаева от основ русского почвоведения. Это главное обвинение по существу свелось к доказательству антинаучности докучаевского почвоведения и в то же время возвеличиванию Докучаева как основоположника нового почвоведения, достигшего успехов благодаря участию В.Р. Вильямса и П.А. Костычева. Этот триумvirат был призван творческим – передовым, за которым следовали все ”прогрессивно настроенные почвоведы” лысенковского (агробиологического) толка. Все же остальные представители докучаевской школы относились к антидокучаевцам, находившихся под влиянием К.Д. Глинки и С.С. Неуструева. Общее обвинение в антидокучаевизме сопровождалось приписыванием им развития геологического и климатического направления и не признания ведущего биологического фактора в почвообразовании, а также игнорирования особого свойства, присущего только почвам, – их плодородия.

Достаточно ли было оснований для доказательства выдвинутых обвинений? С точки зрения политизированной науки вполне достаточно, поскольку выступлений против этого метода в печати не допускалось. С точки зрения демократических устоев в научных исследованиях оснований для развития научных идей в почвоведении не было.

Геологического направления в почвоведении не существовало. То, что почвоведение зародилось в недрах геологии, делает честь этой науке, а почвоведы должны быть благодарны геологам за то, что те обратили внимание на роль почвоведения в современной геологической истории Земли и, кроме того, существенно воспользовались почвенными методами в изучении современных и древних геохимических процессов. Можно считать, что есть ветвь геологического изучения почв, но она никогда не претендовала на основополагающую роль в развитии почвоведения.

Наконец, то, что биологическое направление считало геологическим приматом, не только надуманно, но и противоречит последующему развитию почвоведения. В нем постоянно усиливается почвенная минералогия, а познание явлений выветривания способствует углублению понимания процессов почвообразования и расширению научного значения почв как особых природных тел. Именно это положение Докучаева было незыблемым для К.Д. Глинки и в настоящем полностью разделяется научным почвоведением. Последнее изучает почвы как особые тела, стремясь разделять их по признакам, свойствам и процессам на типы в условиях различных сочетаний факторов почвообразования. В современных условиях при наложении на них антропогенных воздействий изменяется и усложняется состав, свойства, процессы их формирования и эволюции. Выделяемые основные природные типы почв обладают отличительными и объективными различиями. Они и положены в основу генетических классификаций, начиная с В.В. Докучаева и К.Д. Глинки. Качественные отличия почв определяются известным сочетанием свойств и процессов, формирующих их генетическую сущность (портрет). При этом плодородие почв – не особое или специфическое свойство. Оно проявляется при освоении почв, и в этом случае различия в плодородии в первую очередь определяются генетическими особенностями почв.

Таким образом, следует четко различать общее естественноисторическое изучение почв и вытекающие из него прикладные направления их познания в различных народнохозяйственных целях. В каждом из таких направлений проблемы плодородия не могут решаться без учета влияния специфических антропогенных воздействий и оценки его качественных и количественных показателей.

Здесь уместно отметить, что, например, в геологии не вызывает сомнений необходимость и значимость геологического изучения строения территории. В дальнейшем в этом фоне ведутся: разведка полезных ископаемых, изучение инженерных, строительных и других свойств горных пород. Почему же генетическое почвоведение должно подчиняться в первую очередь изучению плодородия почв? Повторяю: нам вслед за Глинкой представляется, что плодородие – это не свойство, а способность почв под воздействием человека обеспечивать растения местопроизрастанием, водой, питательными веществами и т.д.

Естественно, почвоведение развивалось в двух генеральных направлениях: научном – фундаментальном и прикладном. Совмещение этих двух направлений может быть только искусственным и реальной пользы не принесет ни науке, ни практике. Дифференциация почвоведения может и, вероятно, должна вестись не только по вышеуказанному принципу, но и по поясным (или зональным) особенностям почвообразования. Такой подход уже осуществляется. Создано внетропическое и тропическое почвоведение. Выдвигается необходимость выделения горного

почвоведения. Не исключена возможность создания и других направлений, например тундрово-арктического и др. Подобные мысли и идеи регионального изучения почвообразования и выветривания высказывались еще Глинкой. Но они относились к порочным и автор их обвинялся в отходе от Докучаева.

Те же идеи и мысли, высказывавшиеся после 50-х годов, признавались прогрессивными, отражавшими творческое развитие науки и получившее реальное воплощение. Все это позволяет сказать, что в докучаевском почвоведении специального геологического направления не было, отсутствовало и повторение Докучаевым и его учениками, по утверждению Набоких и др., принципов немецкой агрогеологической школы. Последняя исходила из более узкого и утилитарного понимания почвы – как слоя, обеспечивающего потребности растения необходимыми условиями роста и урожайности. Если исходить из этого определения, то к нему более близки взгляды Вильямса и Костычева. Однако подобное сравнение почему-то нигде не высказывалось. Сейчас вряд ли есть необходимость его рассмотрения. Но для периода критики Глинки оно бы заслуживало внимания. Однако существовавшие порядки такое обсуждение исключали.

Климатический аспект развития почвоведения – следующий криминал, приписывавшийся К.Д. Глинке. Противники творчества ученого считали это главной ошибкой. Именно здесь виделся отход К.Д. Глинки от принципов докучаевского почвоведения. В дополнение ко всему ранее сказанному хотелось бы отметить, что формально роль климата впервые была отмечена Докучаевым и Сибирцевым. Глинка же в первом варианте своей классификации следовал Сибирцеву, а в последующем стал на путь группировки типов почв по сходству свойств и процессов, используя и качественные гидротермические характеристики для объединения типов в группы типов почв.

Вряд ли необходимо приводить доказательства важности климата в почвообразовании. Его влияние на почвообразование прямое и опосредствованное через другие факторы почвообразования – растительность, рельеф и т.д. Поэтому не может быть ничего криминального в том, что климатические показатели в различных объемах и сочетаниях используются для обоснования генетических и производственных показателей почв. В настоящем многие, следуя разработкам В.Р. Волобуева² и др., находят прямые связи типов почв с гидротермическими показателями и процессами.

Подобный путь исследования, несомненно, положительный и полезный, так как в конечном счете "работает" на объективизацию генетических и классификационных построений. Считать же, что К.Д. Глинка отда-

²Волобуев В.Р. Почвы и климат. Баку: Изд-во АН АзССР, 1953.

вал якобы примат климату в формировании почв и тем самым рекомендовал мелиорировать его в целях повышения плодородия почв – абсурдный домысел. Но таковой “на полном серьезе” высказан в предисловии к пятому изданию “Почвоведения” Научным советом издательства сельскохозяйственной и колхозной литературы. Он приписал Глинке и соучастие в якобы насильственном переселении строптивых крестьян в азиатскую часть России, имея в виду рабочие контакты ученого с Переселенческим управлением. Ранее отмечалось, что работы под руководством Глинки в азиатской части России принесли великую пользу крестьянству, государству и развитию почвоведения. Научный же совет подошел к этому человеческому деянию в соответствии с директивными указаниями вышестоящих организаций.

И наконец, последнее о климате в почвообразовании. При жизни “климатическая приверженность” К.Д. Глинки рассматривалась в научно-дискуссионном, а не в криминальном плане. После 40–50-х годов Глинке приписывалась якобы умышленная пропаганда примата климатического фактора в почвообразовании. Делалось это не столько для более достоверного и бесспорного доказательства неприемлемости К.Д. Глинкой биологического направления в почвоведении, сколько для того, чтобы в таком противопоставлении мнимые научные достижения Глинки выглядели консервативными. Создание директивными методами климатической парадигмы в почвообразовании сыграло явно отрицательную роль.

Критика климатического направления в почвообразовании имела под собой и конъюнктурную подоплеку. К этому времени относится так называемая биологизация почвоведения или признание за живыми организмами (особенно растительностью) ведущей роли в почвообразовании.

Именно поэтому почвоведение постановлением Академии наук из цикла геолого-географического переводится в цикл биологических наук. Это решение было однозначным, не подлежащим обсуждению.

Вообще говоря, широко принятая система реорганизации какой-нибудь области науки всегда начинается с ее передачи из одного ведомства или одной научной системы в другие ведомства, системы и пр. Как правило, подобная реорганизация не приносит пользы. Напомним, что К.Д. Глинка местонахождению науки уделял особое внимание. Он считал, что только признание почвоведения Академией наук может способствовать развитию этой области как фундаментальной научной дисциплины. В то же время он признавал, что почвоведение помимо фундаментального имеет важное прикладное значение. Ученый большую часть творческой жизни связал с агрономической научной отраслью. Однако это нисколько не мешало его упорному стремлению признать почвоведение академической наукой. При этом К.Д. Глинка стоял на

позициях разумного развития почвоведения в научном академическом и прикладном (отраслевом) направлениях. Такой путь актуален и сейчас. Отход от него, выразившийся в передаче Почвенного института им. В.В. Докучаева (детища К.Д. Глинки), а следовательно, и почвоведения как науки из АН СССР в ВАСХНИЛ, определил почвоведению роль сельскохозяйственной науки и тем самым сузил его значение в решении многих проблем, связанных с почвами и почвенным покровом.

Биологизация почвоведения в известной мере вытекала из определения почвы, сформулированного Вильямсом, и происходила в годы смутного биологического бума. К.Д. Глинка тогда не игнорировал, а в меру акцентировал внимание почвоведов на биохимических факторах и процессах. Однако изучение их велось замедленными темпами вследствие того, что методы исследования не были разработаны. Кроме того, в биогеоэкологическом компонентном понимании почвы биологическим процессам и явлениям придается ведущее значение. В почвах, подвергающихся антропогенным воздействиям, роль биологии снижается. В таких случаях плодородие становится скорее способностью, чем свойством, и интенсифицируется знаниями и разумом человека.

Но вернемся к К.Д. Глинке и спорам о роли факторов и процессов почвообразования в формировании генетически различных типов почв. Следует полагать, что "биологическая эйфория" сделала свое дело и настало время для более глубокого и более всестороннего рассмотрения роли и значения почв в создании плодородия. До сих пор преимущество отдавалось изучению влияния биологических факторов на почвообразование и плодородие почв. Не меньшее значение приобретает влияние почв на рост и производительность возделываемых культур.

Этой стороне проблемы в последнее время особое внимание уделяют Г.В. Добровольский и Е.Д. Никитин³. Ими показана многообразная функциональная роль почв не только в жизни живых организмов, но и в дифференциации биологической продуктивности в зависимости от экологических условий, создающихся в основном разнообразным сочетанием почвенных функций. Они также склонны полагать, что плодородие не есть функциональное свойство почвы, а представляет собой интегральное понятие, определяемое взаимодействием всех свойств почв. Следовательно, изменением последних, особенно под влиянием антропогенных факторов, можно существенно и целенаправленно регулировать их плодородие.

Из сказанного следует, что плодородие, быть может, целесообразнее рассматривать не как основное свойство почв, а как вторичную способ-

³ Добровольский Г.В., Никитин Е.Д. Экологические функции почвы. М.: Изд. МГУ, 1986. 136 с.; Они же. Функции почв в биосфере и экосистемах. М.: Наука, 1990. 259 с.

ность, создаваемую человеком в процессе их освоения. Именно это положение позволяет вернуться к анализу творчества К.Д. Глинки и подвергнуть проблему плодородия новому рассмотрению с позиций фундаментального и прикладного агрономического почвоведения.

В целях реабилитации докучаевского почвоведения заслуживает внимания и рассмотрение проблемы о роли климата в почвообразовании и географии почв, поставленной К.Д. Глинкой, но не получившей четкого разрешения. Отметим, что выдвинутые им проблемы в последние десятилетия подвергались широкому изучению и обсуждению, но теперь уже без той дискуссионной остроты, какая была придана им в начале XX в. и в его середине. Однако в ту пору к их решению подходили, как уже отмечалось, с предвзятых позиций, и поэтому их обсуждение способствовало искусственному разобщению взглядов почвоведов, причем не на основе научных расхождений, а в результате морально-политических воззрений. Последнее противопоставлено настоящей науке. Поэтому возврат к принципиально-научному разбору этих проблем важен и для установления истинной истории науки, и для реабилитации ученых, подвергшихся антинаучной дискриминации.

Современное почвоведение все больше и больше дифференцируется по различным направлениям, и это исключает необходимость изучения почв в геологической, климатической, биологической и других направленностях. Почвоведение является фундаментальной наукой, призванной изучать процессы почвообразования и формирующиеся под их влиянием почвы во всем их многообразии эволюции и генеральных путях и методах освоения охраны и восстановления. В этом оно базируется на показателях самой почвы: по ним разрабатываются классификационные схемы вне зависимости от возможных направлений, методов и способов мобилизации тех ее функций, которые определяют понятие плодородия по отношению к различным отраслям народного хозяйства, основанных на освоении почвенных ресурсов, берущего свое начало от К.Д. Глинки.

Все это определяет широкие возможности и необходимость использования всего арсенала знаний для научно-генетической классификации почв. Последняя должна служить основой для прикладной классификации, могущей иметь различные направленности своего обоснования (климатические, биологические, геологические). В этом один из возможных путей творческого развития почвоведения в целом. Специфику почвообразования и почв мало классифицировать по главнейшим биоклиматическим поясам, по природно-хозяйственной направленности освоения почвенных ресурсов (земледельческая, животноводческая, лесная и т.д.) и, наконец, дифференциацию почвенных знаний удобно осуществлять по тематическим разделам, составляющим почвоведение (биология, физика, химия, география почв и т.д.).

Затронутые проблемы и вопросы навеяны историческим экскурсом в творчество К.Д. Глинки. Рассмотрение его научного пути показало, что мало мы знаем историю развития почвоведения, взаимоотношения его творцов и негативные стороны научно-организационного плана. Последнее многие склонны не вспоминать, но тогда важные стороны развития и эволюции почвоведения могут быть необъяснимыми. Знать их необходимо, чтобы не повторять пройденного. В этом отношении пример творчества К.Д. Глинки оказался весьма поучительным. При освещении его несомненно, в некоторых аспектах могла быть допущена субъективность. Но если бы ее не было, то повествование было бы "сухим", бюрократическим и безынтересным.

Мы допускаем дискуссионность рассмотрения ряда проблем и вопросов, это также весьма необходимо, чтобы вывести нашу науку из трафаретных директивно-командных постулатов к подлинным научным положениям, исходящим из современного состояния природных ресурсов и их освоения. Нам представляется, что время и творческое обсуждение поднятой "исторической целины" может помочь стать на более эффективный путь освоения всех накопленных почвоведением знаний и еще глубже понять наследие одного из талантливых сооснователей докучаевского почвоведения – К.Д. Глинки.

Основные даты жизни и деятельности Константина Дмитриевича Глинки

- 1867, 1 августа — родился в с. Коптево Духовщинского уезда Смоленской губернии.
- 1885 — окончил Смоленскую гимназию и поступил в Петербургский университет по естественному разряду физико-математического факультета.
- 1889, 25 октября — окончил университет с дипломом I степени.
- 1890, 1 апреля — оставлен на два года в университете для подготовки к профессорскому званию.
- 1890, 1 ноября — утвержден хранителем минералогического кабинета Петербургского университета; присвоен чин коллежского секретаря.
- 1894 — произведен в титулярные советники; назначен штатным ассистентом Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства (г. Пулавы, Польша) по кафедре минералогии и геологии.
- 1895 — назначен и.о. адъюнкт-профессором по той же кафедре с обязательством получения степени магистра.
- 1897 — утвержден в степени магистра минералогии и геологии Московским университетом и назначен адъюнкт-профессором Ново-Александрийского института; утвержден кандидатом в члены библиотечной комиссии.
- 1898 — произведен в коллежские асессоры.
- 1899 — поручено чтение лекций по почвоведению; утвержден членом библиотечной комиссии института.
- 1900—1901 — профессор кафедры минералогии и геологии, а так же кафедры почвоведения института.
- 1904 — произведен в коллежские советники.
- 1905 — утвержден секретарем совета института.
- 1908 — утвержден председателем профессорского дисциплинарного Суда.
- 1909 — назначен членом Ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия; произведен в статские советники; утвержден в степени доктора минералогии и геологии Советом Московского университета.
- 1911 — выходит в отставку и переезжает в Петербург.
- 1905—1911 — руководит почвенно-оценочными исследованиями в ряде губерний европейской части России; назначается (1908) руководителем почвенных исследований по Переселенческому управлению Министерства земледелия.
- 1911 — приват-доцент Петербургского университета.
- 1912 — организует Докучаевский почвенный комитет и избирается его председателем.
- 1913 — назначается организатором и директором Воронежского агрономического института им. Петра I; продолжает исследования почв азиатской части России и Воронежской губернии.
- 1922 — возвращается в Петроград; назначается директором и заведующим кафедрой почвоведения Петроградского (впоследствии Ленинградского) сельскохозяйственного института.
- 1927 — избран действительным членом Академии наук СССР, назначен директором Института почвоведения им. В.В. Докучаева; возглавляет делегацию на I Международном конгрессе почвоведов и избран президентом II конгресса почвоведов.
- 1927, 2 ноября — умер и похоронен на Шуваловском кладбище Петербурга.

Библиографический список

Основные труды К.Д. Глинки

1889

1. О лесных почвах // Материалы по изучению русских почв. СПб. Вып. 5.

1891

2. Роменский уезд // Материалы к оценке земель Полтавской губ. СПб. Вып. 12. В соавт. с В.В. Докучаевым.

1892

3. Лохвицкий уезд // Материалы к оценке земель Полтавской губ. СПб. Вып. 12. В соавт. с В.В. Докучаевым.

1893

4. О ледниковых и послеледниковых образованиях и грунтовых водах Каменной степи Бобровского уезда Воронежской губернии // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Отд. геологии. Т. 22, вып. 2.
5. Об артезианской буровой скважине г. Смоленска // Там же.
6. Степное лесоразведение в связи с вопросом о заселении русских степей преимущественно травянистой растительностью // Материалы по изучению русских почв. СПб. Вып. 8.

1894

7. Геологический характер почв Полтавской губ. // Материалы к оценке земель Полтавской губ. СПб. Вып. 16.
8. Хреновский участок // Тр. Особой экспедиции Лесн. деп. СПб. Т. 1. Орография, геология, почвы и грунтовые воды. Вып. 1. В соавт. с Н.М. Сибирцевым и П.В. Отоцким.

1895

9. К вопросу о выветривании глауконита // Ежегодник по геологии и минералогии России. Т. 1, ч. 1.
10. К вопросу о происхождении глауконита: Предварит. сообщ. // Протокол СПб. о-ва естествоиспытателей. № 8.
11. Наставление к собиранию коллекции по минералогии и геологии // Зап. Н-Александрийск. ин-та сел. хоз-ва и лесоводства. Прилож. к 9 т.
12. Новые месторождения пироморфита // Протокол СПб. о-ва естествоиспытателей. № 6.
13. О новом двойниковом срастании у гипса // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Отд. геологии. Т. 23.
14. Почвенно-геологические исследования в Козловском уезде Тамбовской губ. (Почвы имения В.К. Отто) // Материалы по изучению русских почв. СПб. Вып. 9.

1896

15. Геология: Курс лекций. Новая Александрия.
16. Глауконит, его происхождение, химический состав и характер выветривания. СПб.

1897

17. Анализим из окрестностей Баку // Тр. Варшав. о-ва естествоиспытателей. Т. 8.
18. Железные руды: Обзор лит. за 1896 г. // Ежегодник по геологии и минералогии России. Т. 3, ч. 3.
19. Предварительный отчет о почвенно-геологических исследованиях в Новоржевском и Великолуцком уездах Псковской губернии. Псков.

1898

20. Главнейшие черты в истории развития земного шара и его обитателей // Второй сб. публ. лекций, читан. в Н. Александрийс. ин-те. Варшава.
21. Обзор русской минералогической литературы за 1896 г. // Ежегодник по геологии и минералогии России. Т. 3, ч. 3.
22. Отчет о командировке на VIII Международный геологический конгресс // Зап. Н. Александрийс. ин-та сел. хоз-ва и лесоводства. Т. 11, вып. 2.
23. Петрографический характер новоржевских и великолуцких почв // Там же.

1899

24. Записка о почвенных исследованиях как элементе землеоценочных работ. Новгород.
25. Из летних экспедиций 1898 г. // Зап. Н. Александрийс. ин-та сел. хоз-ва и лесоводства. Т. 12, вып. 1.
26. К вопросу о водных алюмосиликатах и глинах // Там же. Вып. 2.
27. Лекции по почвоведению в Ново-Александрийском ин-те. Т. 1, № 1.
28. Новейшие работы по изучению плодородия почв и методов почвенной бонитировки // Почвоведение. Т. 1, № 2.
29. Новоржевский уезд // Материалы к оценке земель Псковской губернии. СПб. Вып. 2.
30. О минералогическом составе псковских ледниковых глин и о типах выветривания // Зап. СПб. минерал. о-ва. Сер. 2. Ч. 37.
31. О некоторых реакциях алюмосиликатов // Там же.
32. О почвенных исследованиях в Псковской губернии // Почвоведение. Т. 1, № 3.
33. Предварительный отчет о работах 1898 г. в Псковской губернии (Опочецкий уезд) // Материалы по оценке земель Псковской губернии. Псков.

1900

34. Геологическое строение и почвы Валдайского уезда. Новгород. В соавт. с С. Федоровским.
35. Н.М. Сибирцев. Его жизнь и деятельность // Почвоведение. Т. 2, № 4. В соавт. с Бараковым, Богословским и др.
36. Несколько наблюдений в области послетретичных образований Северо-Западной России // Ежегодник по геологии и минералогии России. 1900—1901. Т. 4.
37. Несколько слов о фосфорнокислых соединениях горы Борувки Келецкой губернии // Там же.
38. О некоторых реакциях алюмосиликатов // Зап. СПб. минерал. о-ва. Ч. 37, вып. 2.
39. О почвенных исследованиях как элементе земельно-оценочных работ // Почвоведение. Т. 2, № 2.
40. По поводу статьи Н.А. Адамова о механическом анализе почвы // Почвоведение. Т. 2, № 2.
41. Почвенно-геологические исследования в Псковской губернии // Ежегодник по геологии и минералогии России. 1900—1901. Т. 4.

42. Предварительный отчет Смоленскому губернскому земству о почвенно-геологических исследованиях Вяземского и Сычевского уездов. Смоленск.

1901

43. К вопросу о поглотительной способности почв // Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб.
44. Материалы для оценки земель Смоленской губернии: Естеств.-ист. ч. Т. I. Вяземский уезд. Псков. В соавт. с М.Ф. Колоколовым.
45. О залежах гипса (алебастра) в Псковском уезде. Псков.
46. О послетретичных образованиях и почвах северо-западной России // Почвоведение. Т. 3, № 2.
47. Послетретичные образования и почвы Псковской, Новгородской и Смоленской губернии // Ежегодник по геологии и минералогии России. Т. 5.
48. Послетретичные образования северо-западной России // Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб.
49. Почвенно-геологический очерк Валдайского уезда. Новгород. В соавт. с С. Федоровским.
50. Предварительный отчет о почвенно-геологическом исследовании Холмского и Торопецкого уездов. Псков.

1902

51. Несколько страниц из истории теоретического почвоведения // Почвоведение. № 2. С. 117—152.
52. Предмет и задачи почвоведения (педология) // Там же, № 1.
53. Химический характер глин и других алюмосиликатов // Зап. Н. Александрийск. ин-та сел. хоз-ва и лесоводства. Вып. 1.

1903

54. Латериты и красноземы тропических и субтропических широт и родственные им почвы умеренных широт // Почвоведение. № 3.
55. Нечто о критических приемах г. Набоких // Там же, № 2. С. 89—160.
56. Образование почвы // Полн. энцикл. рус. сел. хоз-ва. СПб. Т. 5.
57. Окраска почвы. Организмы в почве. Органическая составная часть почвы. Орштейн // Там же. Т. 6.
58. Памяти В.В. Докучаева: (рез. речи) // Варшав. дневник. № 331.
59. Поглотительная способность почвы. Почвы и подпочва. Почвоведение. Почвы: болотные, латеритные, перегнойнокарбонатные, пойменные, скелетные, сухих степей (полупустынь) и пустынь, серые лесные и тундровые. Проницаемость почвы // Полн. энцикл. рус. сел. хоз-ва. СПб. Т. 7.
60. Почвообразователи и почвообразование: В 3 ч. Н. Александрия. 1903—1904.
61. Предварительный отчет о почвенно-геологических исследованиях Духовщинского и Гжатского уездов. Смоленск.
62. Связность почвы — сгущение почвою водяных паров. Скважинность почвы // Полн. энцикл. рус. сел. хоз-ва. СПб. Т. 8.
63. Солонцы // Там же. Т. 9.

1904

64. Задачи исторического почвоведения. Варшава.
65. Исследования в области процессов выветривания. I. Выветривание в Чакве близ Батума // Почвоведение. № 4.

66. Конечные морены Псковской и Новгородской губерний // Ежегодник по геологии и минералогии России. СПб.
67. Памяти К.И. Малевского // Там же.

1905

68. Исследования в области процессов выветривания. II. Выветривание биотита // Почвоведение. № 1.
69. Псковская губерния. Т. 3, вып. 1. Псков.

1906

70. Выветривание цеолитов Цха-Цкаро // Проблемы Ново-Александрийского кружка любителей естествознания. № 20.
71. Исследования в области выветривания. СПб.
72. Отчет о поездке в Киевскую и Волынскую губернии в 1905 г. // Протоколы Ново-Александрийского кружка любителей естествознания. № 22.

1907

73. Почвоведение как самостоятельная естественноисторическая дисциплина // Почвоведение, № 2.

1908

74. Инструкция для почвенных исследований. СПб.: Переселен. упр.
75. К вопросу о минералогическом составе почв и методах его исследования // Почвоведение. № 1.
76. Почвоведение: Курс лекций. 1-е изд. СПб. 770 с.
77. Схематическая почвенная карта земного шара // Ежегодник по геологии и минералогии России. СПб.

1909

78. К вопросу о классификации туркестанских почв. Юрьев.
79. Материалы по исследованию колонизационных районов Азиатской России // Зап. Переселен. упр. Т. 4.

1910

80. Заметка о почвах горных склонов // Почвоведение. № 4.
81. Краткая сводка данных о почвах Дальнего Востока: (предварит. отчет). СПб.: Переселен. упр.
82. Новейшие течения в области почвоведения // Почвоведение. № 1.
83. Bodenzonen und Bodentypen des Europäisch und Asiatisch Russlands. Budapest.

1911

84. К вопросу о различии подзолистого и болотного типа выветривания // Почвоведение. № 2.
85. О древних процессах выветривания в Приамурье // Там же. № 3.
86. О так называемых "буроземах" // Там же. № 1.

1912

87. Географические результаты почвенных исследований в Азиатской России // Почвоведение. № 1.
88. Записка об организации Почвенного института и об учреждении кафедр почвоведения в университетах. СПб.
89. К систематике почвенной карты Азиатской России. СПб.

90. Краткая характеристика почв и растительных зон Азиатской России. СПб.: В соавт. с Б.А. Федченко.
91. О нарушении общей зональности почв Евразии в Западном Забайкалье и Якутской области // Почвоведение. № 4.

1913

92. К вопросу об учреждении почвенного отдела Воронежской областной сельскохозяйственной станции. Воронеж.
93. Материалы по естественноисторическому изучению Воронежской губернии // Сер. общедоступ. очерков. Кн. 1. Воронеж. губ. земство. СПб.
94. Почвообразование, характеристика почвенных типов и география почв. СПб.
95. Предварительный отчет о почвенных исследованиях, проведенных в 1912 г. // Материалы по естественноист. изуч. Воронеж. губ. СПб. В соавт. с А.М. Панковым, К.Ф. Маляревским.

1914

96. Карта почвенных зон России // Атлас Азиат. России. СПб.: Переселен. упр.
97. Почвенные зоны Азиатской России. Воронеж.
98. Почвы Азиатской России // Азиатская Россия. СПб.: Переселен. упр. Т. 2.
99. Почвы вдоль линии Тюмень-Омской железной дороги // Тр. Докучаев. почв. ком-та. Вып. 1. В соавт. с В.П. Горшениным, В.В. Стратоновичем, А.А. Яковлевым.
100. Программа почвенных исследований // Сб. программ для исслед. Сибири. СПб.
101. Die Typen der Bodenbildung, ihre Klassifikation und geographische Verbreitung. В. 368 S.

1915

102. Почвоведение: Курс лекций. 2-е изд. Пг.

1916

103. Глубокопочвенные гумусовые образования и их генезис // Почвоведение. № 1.

1917

104. Предварительный отчет об организации и использовании работ по исследованию почв Азиатской России. Пг. 1908—1916.

1918

105. Материалы по естественноисторическому исследованию Воронежской губернии. М.
106. О развитии почвоведения как самостоятельной научной дисциплины // Изв. Докучаев. почв. ком-та. № 1/2. С. 89.

1919

107. Известь в почвах // Известкование почвы в связи с внесением удобрений. М.
108. Каолинитовые глины Воронежской губернии. Воронеж.
109. Почва, ее происхождение и географическое распространение. Воронеж.

1921

110. Вопросы исторического почвоведения // Бюл. III Всерос. съезда почвоведов. № 3/4.
111. Геология и почвы Воронежской губернии. Воронеж.
112. Краткий курс глиноведения. Воронеж.

113. Краткий популярный курс почвоведения. Воронеж: Изд. Воронеж. Губнар-образа.
114. Результаты сибирских экспедиций Переселенческого управления быв. Мин-ва земледелия.

1922

115. Почва, ее свойства и законы распространения. М.: Нов. деревня.

1923

116. Геология и почвы Воронежской губернии. Воронеж. Отд. 1, ч. 1.
117. Петроградский сельскохозяйственный институт, его задачи и способы осуществления. Пг.
118. Почвообразование, характеристика почвенных типов и география почв. 2-е изд. М.
119. Почвы. Петроград. (Б-ка с.-х. ин-та).
120. Почвы Киргизской Республики. Оренбург.
121. Почвы России и прилегающих стран. М.; Пг.
122. Современное состояние почвоведения в России, его недостатки и потребности // Природа. № 1—2.
123. Genesis und Geographie der russischen Böden. Petrograd.

1924

124. Деградация и подзолистый процесс // Почвоведение. № 2.
125. Дисперсные системы в почве. Л.
126. Полезные ископаемые Средней части России (Воронежская, Курская, Тамбовская губернии). М.: Изд-во АН.
127. Почвенные районы юго-восточной России. Ростов н/Д. С. 1—7.
128. Русское почвоведение: (ист. очерк) // Зап. Ленингр. с.-х. ин-та. Т. 1.
129. Die Degradation und der Podzoliqe Prozess. Intern. Mitteil. f. Bodenkunde. B.
130. Divers Types de formation des sols et la classification de ces derniers. Revue intern. des. Renseignments Agricoles. P.

1925

131. Кислотность почвы подстоличного района // Зап. Ленингр. с.-х. ин-та. Т. 2.
132. Новейшие достижения в области почвоведения в СССР и за границей // Изв. Гос. ин-та опыт. агрономии. Т. 4, № 1, 2.
133. Простейшие приемы исследования почв в поле // Прилож. к Вестн. знание. Л. С. 26.

1926

134. Геология и почвы листа карты П-56 Ленинградской губ. // Предварит. отчет Изв. Геол. ком-та.
135. Конференция Международного общества почвоведения в Венгрии // Почвоведение. № 3.
136. Листок почвоведов в венок Г.Ф. Морозова // Лесоведение и лесоводство. Вып. 1.
137. Международное совещание почвоведов в Гронингене // Науч. работник. № 7/8.
138. Подготовка агрономов и связь агрономической школы с жизнью // Агроном. Дек.
139. Солонцы и солончаки Азиатской части СССР. М.: Нов. деревня.

1927

140. Вода в почвах // Тр. Почв. ин-та АН СССР. Вып. 2.
141. Геология и почвы листа карты П-56 Ленинградской губернии. В соавт. с Л.В. Тихеевой.
142. Геология и почвы Паше-Копецкого лесничества Тихвинского уезда Череповецкой обл.
143. Докучаев как создатель русского почвоведения // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. Вып. 2.
144. Минералогический состав Воронежских почв // Тр. Почв. ин-та АН СССР. Вып. 2.
145. О петрографическом составе почв южной части Воронежской губернии // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. Вып. 2.
146. Очерк почв Якутии // Якутия. Л.: Изд-во АН СССР. С. 49—135.
147. Почвенный покров в бассейнах рек Грушевки и Аюты Донской области // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. Вып. 1, 2.
148. Почвенный покров окрестностей Персиановки Донской области // Тр. Почв. ин-та АН СССР. Вып. 2.
149. Почвоведение. 3-е изд., перераб. 672 с.
150. Почвоведение. Вашингтон. На англ. яз.
151. Dokuchaiev's ideas in the development of pedology and cognate sciences. L.

1928

152. Почвоведение в СССР за последнее десятилетие (с 1917 по 1927 гг.) // Наука и техника СССР. 1917—1927. М.: Изд-во АН СССР, 1929.
153. Почвы. 2-е изд. М.; Л.

1931

154. Почвоведение. 4-е изд. М.; Л.

1932

155. Почвоведение. 5-е изд. М.; Л. 595 с.

1936

156. Почвоведение. 6-е изд. М.

1978

157. Минералогия, генезис и география почв. М.: Наука, 279 с.

Литература о К.Д. Глинке

158. Берг Л.С. Глинка как географ // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. 1930. Вып. 3/4. С. 29—30.
159. Завалишин А.А., Долотов В.А. Памяти Константина Дмитриевича Глинки // Почвоведение. 1942. № 9. С. 117—120.
160. Захаров С.А. Научная деятельность академика К.Д. Глинки // Тр. Кубан. с.-х. ин-та. Краснодар, 1928.
161. Ковалевский В.И. Несколько слов в память К.Д. Глинки // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. 1930. Вып. 3/4. Прил. С. 26—31.
162. Крупеников И.А. История почвоведения. М.: Наука, 1981. 327 с.
163. Левинсон-Лессинг Ф.Ю. К.Д. Глинка // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. Вып. 3/4. Прил. С. 3—18.

164. *Ливеровский Ю.А.* Творческий путь академика К.Д. Глинки // Почвоведение. 1948. № 6. С. 381—394.
165. *Ливеровский Ю.А.* Творческий путь К.Д. Глинки // Глинка К.Д. Минералогия, генезис и география почв. М.: Наука, 1978. С. 7—15.
166. *Ливеровский Ю.А.* Творческий путь К.Д. Глинки // Почвоведение. 1968. № 5. С. 7—16.
167. *Неуструев С.С.* Идеи академика К.Д. Глинки о генезисе и классификации почв // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. 1930. Вып. 3/4. Прил. С. 32—45.
168. *Полынов Б.Б.* Академик Константин Дмитриевич Глинка // Природа. 1927. № 12. С. 935—942.
169. *Полынов Б.Б.* Генетический анализ морфологии почвенного профиля // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. 1930. Вып. 3/4. С. 511—529.
170. *Полынов Б.Б.* Изб. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 748 с.
171. *Полынов Б.Б.* Константин Дмитриевич Глинка // Памяти К.Д. Глинки: сб. Л.: Ленингр. с.-х. ин-т. 1928. Т. 1. С. 5—16.
172. *Полынов Б.Б.* Константин Дмитриевич Глинка к 35-летнему юбилею научно-педагогической деятельности // Записки Ленингр. с.-х. ин-та. 1925. Т. 2.
173. *Полынов Б.Б.* Работы К.Д. Глинки в области изучения процессов выветривания минералов // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. 1930. Вып. 3/4. Прил. С. 19—25.
174. *Прасолов Л.И.* К.Д. Глинка в азиатских почвенных исследованиях и в Докучаевском комитете // Там же. С. 46—50.
175. *Прохоров Н.И.* О научной деятельности академика К.Д. Глинки // Памяти К.Д. Глинки: сб. Л.: Ленингр. с.-х. ин-т, 1928. Т. 1. С. 17—32.
176. *Прохоров Н.И.* Страницы воспоминаний о К.Д. Глинке // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. 1930. Вып. 3/4. Прил. С. 51—57.
177. *Тихеева Л.* К.Д. Глинка — профессор кафедры почвоведения // Памяти К.Д. Глинки: сб. Л.: Ленингр. с.-х. ин-т, 1928. Т. 1. С. 33—44.
178. *Федорова-Виноградова Т., Виноградов М.* Памяти Константина Дмитриевича Глинки // Там же. Т. 2.
179. *Ярилов А.А.* Берендт или Докучаев // Тр. Почв. ком-та при Моск. о-ве сел. хоз-ва. М., 1913. Т. 1, вып. 3.

Приложения

Приложение 1

Curriculum vital проф. К.Д. Глинке¹

Константин Дмитриевич Глинка родился в 1867 г. В 1885 г. по окончании Смоленской классической гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1889 г. был оставлен при университете по кафедре минералогии, а в 1890 г. назначен хранителем минералогического кабинета факультета.

¹ Архив АН СССР. ЛО. Ф.Н. Оп. 4. Д. 728.

В 1894 г. переведен на службу в Ново-Александрыйский институт сельского хозяйства и лесоводства ассистентом по кафедре минералогии и геологии. В 1895 г., будучи магистрантом, получил назначение и.о. адъюнкт-профессора по той же кафедре и в 1897 г. по получении степени магистра утвержден в означенной должности. В 1900 г. назначен профессором на той же кафедре, а в 1901 г. — переведен на кафедру почвоведения в том же институте. В 1907 г. получил степень доктора минералогии и геологии.

В 1911 г. вышел в отставку и переехал в Петербург, где открыл при университете приват-доцентский курс по почвоведению.

В 1912 г. избран профессором почвоведения Высших женских курсов (Бестужевских). В 1913 г. назначен директором и организатором Воронежского сельскохозяйственного института и профессором почвоведения в нем же.

В 1922 г. назначен ректором и организатором Петроградского (впоследствии Ленинградского) сельскохозяйственного института и профессором почвоведения в том же институте. С 1923 г. состоит заведующим и профессором почвоведения Государственного института опытной агрономии.

Научно работать начал еще на студенческой скамье и в 1889 г. опубликовал первую научную работу. В 1889 и 1890 гг. работал под руководством В.В. Докучаева в Полтавской, а затем в 1899 г. — в Воронежской губ.

С 1898 г. начал исследования Псковской губ., а с 1899 г. принял на себя руководство исследованиями этой губернии. В начале девятисотых годов руководил исследованиями в Смоленской и Новгородской губ., а с 1908 по 1914 г. — почвенными исследованиями в Азиатской комиссии. В 1913 г. принял на себя заведование почвенными исследованиями Воронежской губ.

Работал в Международных конгрессах почвоведов, первый из коих был организован в Будапеште при его участии.

Имеет учеников в Венгрии, Германии и Финляндии.

К.Д. Глинка опубликовал свыше 100 работ по почвоведению, минералогии и геологии на русском, немецком, французском и итальянском языках. На немецком языке переведен один из больших трудов его и вышел в Берлине в 1914 г.

С первого года издания журнала "Internat Mitteluns fur Boden" состоял одним из его редакторов.

К.Д. Глинка состоит почетным членом Международного общества почвоведов, Государственного института опытной агрономии, Московского почвенного комитета и действительным членом Географического общества, от которого получил золотую медаль имени графа Литке за труды по географии почв; Минералогического общества, Агрономического общества при Ленинградском сельскохозяйственном институте и Венгерского геологического общества.

проф. К. Глинка

**Характеристика К.Д. Глинка, составленная В.В. Докучаевым
для предоставления в Ново-Александровский институт
сельского и лесного хозяйства**

Константин Дмитриевич Глинка родился в 1867 г. в Смоленской губернии и уезде. В 1876 г. поступил в Смоленскую классическую гимназию, где и окончил курс в 1885 г. В августе того же года был принят в число студентов физико-математического факультета С.-Петербургского университета, по естественному отделению. В 1889 г. окончил университетский курс с дипломом 1-й степени и 8 октября 1890 г. назначен Хранителем Минералогического кабинета при том же университете. Занимая эту должность, вел практические занятия со студентами 1-го и 2-го курсов кристаллографии и кристаллооптики. В 1890 г. принимал участие в экспедиции профессора Докучаева, производившей почвенно-геологические исследования в Полтавской губернии, а в 1892 г. участвовал в Особой экспедиции Лесного Департамента по испытанию и учету приемов и способов лесного и водного хозяйства в степях России. С 1889 г. состоял членом Почвенной комиссии при Императорском Вольном Экономическом Обществе и членом сотрудником С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей, а с 1892 г. — действительным членом того же общества. В 1893 г. выдержал экзамен на степень Магистра Минералогии и Геологии.

За период времени с 1890 по 1894 г. напечатал:

1) К вопросу о лесных землях — в "Материалах по изучению русских почв".	
2) Роменский уезд	} в "Материалах по оценке земель Полтавской губ."
3) Лохницкий уезд	
4) Степное лесоразведение в связи с вопросом о постепенном заселении русских степей преимущественно травянистой растительностью — в "Материалах по изучению русских почв".	
5) Артезианская скважина г. Смоленска — в Трудах СПб. общества естествоисп.	
6) Геологические особенности полтавских почв	} в "Материалах по оценке земель Полтавской губ."
7) Химический характер полтавских почв	

В. Докучаев, 6 мая 1894 г.

Аттестат

По Указу Его Императорского Величества дан сей аттестат от Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства бывшему профессору сего Института по кафедре почвоведения, Статскому Советнику Константину Дмитриевичу Глинке в том, что он, как значится в формулярном о службе его списке: родился 1 августа 1867 г.; православного вероисповедания; имеет ордена: Св. Анны 2-й и

3-й степеней, Св. Станислава 2-й степени, иностранный Китайский Двойного Дракона 2-й степени 3-го класса и серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III; других знаков отличия не имеет; содержания получал: а) штатного 3000 руб. и б) прибавочного жалования за выслугу 2-х пятилетий в губерниях Царства Польского 1250 руб., а всего 4250 руб. в год; по должности состоял в классе; из дворян; уроженец Смоленской губернии; ни родового, ни приобретенного имущества не имел и за женой его не числится. По заслушании полного курса наук по естественному разряду физико-математического факультета Императорского С.-Петербургского университета, физико-математической испытательной комиссией при означенном Университете удостоен диплома первой степени 25 октября 1889 г. Предложением Г. Управляющего С.-Петербургским Учебным Округом от 6 апреля 1890 г. за № 3137, оставлен при С.-Петербургском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре минералогии и геологии на два года, с 1 апреля 1890 г. Предложением Г. Управляющего С.-Петербургским Учебным Округом от 6 декабря 1890 г., за № 11030, утвержден в должности хранителя минералогического кабинета Императорского С.-Петербургского университета, с первого октября тысяча восемьсот девяностого года — 1 октября 1890 г. Указом Правительствующего Сената от 7 октября 1891 г., за № 95, утвержден, по диплому 1-й степени, в чин Коллежского Секретаря со старшинством с первого октября тысяча восемьсот девяностого года — 1 октября 1890 г. Указом Правительствующего Сената от 15 июля 1894 г. за № 101 произведен за выслугу лет в Титулярные Советники со старшинством с 1 октября 1898 г. — 15 июля 1894 г. Предложением г. Попечителя Варшавского Учебного Округа от 21 мая 1894 г. за № 270 назначен штатным ассистентом Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства по кафедре минералогии и геологии с тем, чтобы ассистирование по предмету почвоведения также относилось к его обязанностям с 1 августа 1894 г. На основании Высочайшего повеления, последовавшего в 8-й день февраля 1895 г. и Высочайшего приказа 27 мая 1895 г. за № 28 назначен с 26 января 1895 г. на вакантную кафедру минералогии и геологии в Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии в качестве исправляющего должность сверхштатного адъюнкт-профессора с выдачей содержания по 2000 руб. в год, присвоенного адъюнкт-профессорской должности, из свободного оклада по вакантным в Институте профессорским должностям, со всеми правами государственной службы по должности адъюнкт-профессора и с обязательством получения им степени магистра не позднее 1 января 1897 г. — 26 января 1895 г. На основании Высочайше утвержденного 13 июня 1886 г. Положения об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского назначено в путевое пособие 600 руб. за удержанием в пользу инвалидов 10% из пособия собственно на подъем — 20 марта 1895 г. С разрешения Его Сиятельства г. Министра Народного Просвещения командирован, с ученой целью, по России сроком с 10 июня по 1 сентября 1895 г. На основании Высочайшего Указа от 26 февраля 1896 г. получил серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III для ношения на груди на ленте ордена Св. Александра Невского — 26 февраля 1896 г. На основании Высочайшего Указа от 8 апреля 1896 г. командирован по России и за границу с научной целью с 25 мая по 18 июля 1896 г. По публичном защите диссертации под заглавием "Глауконит, его происхождение, химический состав и характер выветривания", постановлением Совета Императорского Московского университета, состоявшимся 15 февраля 1897 г., утвержден в степени магистра минералогии и геологии в чин, и выдан ему диплом за № 980 — 15 февраля 1897 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 13 июня 1897 г. за № 51 назначен адъюнкт-профессором Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства по кафедре минералогия и геология — 13 июня 1897 г. С разрешения Его Сиятельства, г. Министра Народного Просвещения командирован, с ученой целью, по России сроком с 1 июля по 1 сентября 1897 г. На основании § 45 и 52 Устава Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства утвержден кандидатом в члены библиотечной комиссии — 14 ноября 1897 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 28 апреля 1898 г. за № 33 произведен, за выслугу лет, в Коллежские Асессоры со старшинством с 1 октября 1896 г. — 28 апреля 1898 г. С разрешения г. Управляющего Министерством Народного Просвещения, командирован с ученой целью, за границу и по России сроком с 1 июля по 1 сентября 1898 г. Государь Император, по всеподданнейшему докладу г. Министра Иностранных Дел, Всемилостивейше соизволил в 14-й день июля 1898 г. на принятие в ношение пожалованного ему Его Величеством Китайским Императором Китайского ордена Двойного Дракона 2-й степени 3-го класса — 14 июля 1898 г.

На основании § 45 и 52 Устава Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства утвержден членом библиотечной комиссии сего Института — 11 ноября 1898 г. С разрешения г. Министра Народного Просвещения от 9 февраля 1899 г. за № 3480 поручено на время болезни профессора Сибирцева чтение лекций по предмету почвоведения для студентов 3-го курса обоих отделений по два часа в неделю с выдачей ему за этот сверхобязательный труд вознаграждения из остатков от содержания личного состава Института в размере 800 руб. за годовой час лекций, считая с 1 января 1899 г. — 9 февраля 1899 г. На основании § 45 и 52 Устава Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства утвержден членом библиотечной комиссии Института — 1 мая 1899 г. С разрешения г. Министра Народного Просвещения командирован, с научной целью, за границу и по России сроком с 1 июля по 1 сентября 1899 г. Этой командировкой не воспользовался. На основании § 45 и 52 Устава Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства утвержден членом библиотечной комиссии сего Института — 7 декабря 1899 г. За личноусердную службу и особые труды Всемилостивейше пожалован в 1-й день января 1900 г. кавалером ордена Св. Анны 3-й степени — 1 января 1900 г. С разрешения г. Министра Народного Просвещения командирован, в ученой целью, за границу сроком с 25 марта по 16 апреля 1900 г. С разрешения г. Министра Народного Просвещения командирован, с научной целью, по России, сроком с 1 июля по 1 сентября 1900 г. С разрешения Управляющего Министерством Народного Просвещения, г. Товарища Министра от 9 октября 1900 г. за № 26389 поручено ему в 1900/1901 учебном году чтение лекций по почвоведению для студентов 2-го и 3-го курсов Ново-Александрийского института с возложением на него руководства практическими занятиями студентов по тому же предмету и с выдачей за этот сверхобязательный труд вознаграждения в размере 300 руб. за годовой час лекций из остатков от содержания личного состава Института — 9 октября 1900 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 15 октября 1900 г. за № 76 назначен профессором Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства по занимаемой им кафедре минералогии и геологии — 15 октября 1900 г. На основании № 45 и 52 Устава Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства утвержден председателем библиотечной комиссии сего института — 15 ноября 1900 г. За выслугу в губерниях Царства Польского установленными правилами 1886 г. сроком, г. временно Управляющим Министерством Народного Просвещения от 24 марта 1901 г. за № 8343. назначено прибавочное жалованье в размере 25% из оклада штатного жалованья 2000 руб., по 500 руб. в год, с 1 августа 1899 г. — 24 марта 1901 г. С разрешения г. Министра Народ-

ного Просвещения командирован, с научной целью, по России сроком с 15 июня по 1 сентября 1901 г. По избранию Совета Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства и на основании 40 ст. Высочайше утвержденного 17 апреля 1893 г. Положения об означенном Институте предложен г. Министра Народного Просвещения от 26 сентября 1901 г. за № 25703 назначен профессором сего Института по кафедре почвоведения — 26 сентября 1901 г. С разрешения за Министра Народного Просвещения, г. Товарища Министра от 12 ноября 1901 г. за № 31223 поручено ему чтение в первом полугодии 1901/1902 учебного года лекций по кристаллографии для студентов 1-го курса по одному часу в неделю и по минералогии с геологией для студентов 2-го курса по три часа в неделю и ведение практических занятий по названным предметам с выдачей ему за этот сверхобязательный труд вознаграждения из остатков от содержания личного состава Института в размере 300 руб. за годовой час лекций — 12 ноября 1901 г. За Министра Народного Просвещения, г. Товарищем Министра от 20 декабря 1901 г. за № 35289 командирован, с научной целью, на съезде естествоиспытателей и врачей в С.-Петербург, с 10 декабря 1901 г. по 7 января 1902 г. С разрешения Министерства Народного Просвещения, г. Товарищем Министра от 22 февраля 1905 г. за № 2464 назначено прибавочное жалованье в размере 25% из оклада штатного жалованья 3000 руб. — по 750 руб. в дополнение к прежней прибавке 500 руб., а всего по 1250 руб. в год, с 1 августа 1904 г. по 22 февраля 1905 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 19 марта 1905 г. за № 17 произведен, за выслугу лет, в Коллежские Советники со старшинством с 1-го октября 1904 г. — 19 марта 1905 г. Предложением г. Министра Народного Просвещения от 23 сентября 1905 г. за № 5829 утвержден, согласно избранию Совета института, Секретарем Совета Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства — 23 сентября 1905 г. Высочайшим приказом, в 4-й день февраля 1906 г. данным, уволен из запаса армейской пехоты в отставку за достиганием обязательного срока состояния в запасе. С разрешения за Министра Народного Просвещения, г. Товарища Министра, командирован, с ученой целью, по России и за границу сроком с 1 июля по 15 августа 1906 г. С разрешения г. Попечителя Варшавского Учебного Округа от 23 января 1907 г. за № 1580 и согласно постановлению Совета Института от 13 января того же года, поручено ему временно чтение лекций и ведение практических занятий со студентами по минералогии и геологии во 2-м полугодии 1906/1907 учебного года по 4 часа в неделю с выдачей ему за этот сверхобязательный труд вознаграждения из остатков от содержания личного состава Института в размере 300 руб. за годовой час лекций. За Министра Народного Просвещения, г. Товарища Министра разрешена, на основании Высочайшего повеления 8 апреля 1896 г., командировка, с ученой целью, за границу сроком с 1 июля по 29 августа 1907 г. С разрешения г. Попечителя Варшавского Учебного Округа от 6 сентября 1907 г. за № 18426 и согласно постановлению ему чтение лекций и ведение практических занятий со студентами по минералогии с геологией, с тем, чтобы в первом полугодии 1907/1908 учебного года читалась только минералогия по 4 часа в неделю и велись практические занятия с выдачей ему за этот сверхобязательный труд вознаграждения в размере 300 руб. за годовой час лекций из остатков от содержания личного состава Института — 6 сентября 1907 г. Предложением г. Попечителя Варшавского Учебного Округа от 3 декабря 1907 г., за № 26357, утвержден кандидатом в члены профессорского дисциплинарного Суда. Согласно отношению Ректора Императорского С.-Петербургского университета от 24 ноября 1907 г., за 1437 и предложения г. Попечителя Варшавского Учебного Округа от 14 декабря 1907 г. за № 27673, а также на основании Св. Зак. Т. III, изд. 1896 г. Уст. о служ. ст. 264 время оставления при Императорском С.-Петербургском университете для приготовления к профессорскому званию с 1-го апреля по 1 октября

1890 г. засчитывается в действительную учебную службу — 15 декабря 1907 г. С разрешения за Министра Народного Просвещения, г. Товарища Министра, командирован, на основании Высочайшего повеления 8 апреля 1896 г., с ученой целью, по России сроком с 1 июля по 15 августа 1908 г. Предложением г. Попечителя Варшавского Учебного Округа от 29 октября 1908 г. за № 2809 утвержден председателем профессорского дисциплинарного Суда — 31 октября 1908 г. С разрешения Министерства Народного Просвещения командирован для участия в конференции по почвоведению в Буда-Пеште с 29 марта по 11 апреля 1909 г. Приказом по Главному Управлению Землеустройства и Земледелия от 23 марта 1909 г. за № 3 назначен членом Ученого Комитета Главного Управления Землеустройства и Земледелия без содержания с оставлением в занимаемой должности 9 мая 1909 г. С разрешения за Министра Народного Просвещения, г. Товарища Министра, командирован, на основании Высочайшего повеления 8 апреля 1896 г., с ученой целью, по России сроком с 1 июля по 25 августа 1909 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 6 июля 1909 г., за № 47, произведена, за выслугу лет, в Статские Советники, со старшинством с 1 октября 1908 г. — 30 июля 1909 г. Предложением за Министра Народного Просвещения, г. Товарища Министра от 5 ноября 1909 г. за № 6121 утвержден, согласно избранию Совета института Секретарем Совета Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства на два года, считая с 11 сентября 1909 г. — 17 ноября 1909 г. По публичном защищении диссертации под заглавием "Исследования в области процессов выветривания" Советом Императорского Московского университета утвержден в степени доктора минералогии и геологии, в чем и выдан ему диплом 5 декабря 1909 г. за № 3623 — 5 декабря 1909 г. С разрешения г. Попечителя Варшавского Учебного Округа от 10 декабря 1909 г. за № 34775 командирован, с научной целью, на XII съезд естествоиспытателей и врачей в г. Москву на зимнее вакационное время с 6 декабря 1909 г. по 7 января 1910 г. За отличную службу и особые труды Всемилостивейше пожалован, в 1-й день января 1910 г. орденом Св. Анны 2-й степени — 1 января 1910 г. С разрешения за Министра Народного Просвещения, г. Товарища Министра командирован на основании Высочайшего повеления 8 апреля 1896 г., с ученой целью, за границу сроком с 25 июня по 15 августа 1910 г. Предложением Министерства Народного Просвещения от 22 апреля 1911 г. за № 2261 освобожден, согласно прошению, от исполнения обязанностей Секретаря Совета Ново-Александрийского института с 1 мая 1911 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 8 июня 1911 г. за № 41 уволен от службы с 1 мая 1911 г. с мундиром означенной должности присвоенным — 1 мая 1911 г. За Министра Народного Просвещения, г. Товарища Министра, распоряжением от 20 октября 1911 г. за № 3437 на основании Св. Зак. Т. III (изд. 1896 г.) Уст. пенс. ст. 148, 194, 242, 321 и 366, а равно (по прод. 1906 г.) Полож. особ. преим. служ. ст. 37, 43 и 54 за свыше 20-летнюю его службу назначена пенсия в размере полного оклада содержания, производившегося ему на службе по Высочайше утвержденному 17 апреля 1893 г. штату Ново-Александрийского института по 3000 руб. в год со дня увольнения со службы, т.е. с 1 мая 1911 г.

В походах против неприятеля и самых сражениях не был; в штрафах, под следствием и судом не находился. В отпусках и отпусках не был. Женат первым браком на дочери священника Георгия Знаменского, девице Антоние Георгиевне, родившейся 30 октября 1867 г. 1889 г. июля 30 дня вступил в законный брак. У них дети: сыновья — Дмитрий, родившийся 19 мая 1890 г., Георгий, родившийся 31 июля 1891 г., Борис, родившийся 19 апреля 1893 г., Константин, родившийся 5 февраля 1898 г., и дочери — Нина, родившаяся 3 января 1903 года, и Татьяна, родившаяся 25 марта 1905 г. Жена и дети православного вероисповедания; находятся при нем.

В удостоверение вышеизложенного и дан сей аттестат Статскому Советнику Глинке, за надлежащей подписью и с приложением названной печати.
Гор. Ново-Александрия, Люблинской губ., 1911 г., декабря 31 дня.
Причитающийся гербовый сбор уплачен.

Его Императорского Величества, Всемилолюбивейшего
Государя моего. И.о. Директора Ново-Александрийского
института сельского хозяйства и лесоводства, профессор
Статский Советник и Кавалер

место печати
Делопроизводитель Института,

подпись
Титулярный советник
подпись

Приложение 4

26/Х—1909

Ново-Александрия

Многоуважаемый
Сергей Семенович!

Посылаю Вам корректуру отчета Абудькова и конец этого отчета, в виде рукописи. Занесите, пожалуйста, все это В.И. Линскому и попросите поскорее просмотреть (там на один-два часа работы), а затем направьте в типографию Эрлиха (Малая Дворянская, 19). Занесите туда же образец обложки, принятой нами в заседании Перес. Управления. Пусть печатают эту обложку для всех отчетов, Отчет Стасевича можно тогда печатать окончательно, но перед брошюровкой необходимо получить почвенную карту от Александра Артемьевича Яковенко (Екатерин. канал, д. 65, кв. 11).

Когда будете в Перес. Упр., наведите справку, дал ли ход моим рапортам о 500 руб. на Московскую выставку и о 200 руб. на мою лабораторию, а также и рапорту об уплате аналитических денег Панкову и Райкину за выполнение работы.

Простите, что затрудняю Вас, но мне одному положительно не справиться со всеми делами, особенно в такое горячее время, как сейчас.

Жму Вашу руку

Ваш К. Глинка

Приложение 5

5/І—1911

Ново-Александрия

Многоуважаемый Франц Юльевич!

В ближайшем сентябре я решаюсь окончательно перебраться в Петербург и открыть приват-доцентский курс по почвоведению в Университете. Слышал я, что в программе Высших женских курсов числится почвоведение, которое пока никем не читается. Нельзя ли мне и на курсах сделаться лектором, и что для этого нужно предпринять? Если Вас не затруднит, очень просил бы сообщить мне сведения по этому

вопросу. Я мог бы читать круглый год 2–3 лекции в неделю, мог бы, в случае необходимости, руководить практическими занятиями и организовать экскурсии.

Если все это возможно, то есть ли какие-нибудь основания рассчитывать хотя бы на скромную оплату труда. Хотелось переговорить обо всем этом с Вами лично, но, к сожалению, в декабрьский приезд не застал Вас в Петербурге. Простите, что беспокою Вас своей просьбой.

Жму Вашу руку и желаю всего лучшего.

Искренне уважающий Вас К. Глинка

Приложение 6

Воронежский
сельскохозяйственный
институт
Императора Петра I

Кабинет почвоведения

8 февраля 1919 г.

№ _____

г. Воронеж губ.

Многоуважаемый Франц Юльевич!

Вчера Н.Д. Емельянов привез мне письмо Л.И. Прасолова, в котором последний, всячески смягчая и сглаживая острые углы, описывает конфликт петербургских почвоведов с московскими, который возник в последнее время.

Я хорошо знаю со студенческой скамьи г. Димо и был вполне уверен, что дело не кончится теми выступлениями, которые он себе позволил на первом съезде. Так оно и вышло, да и не могло быть иначе. "Нет Бога, кроме Бога и Димо его пророка" — таков девиз, при наличии которого трудно осуществить какую-либо комбинацию, где Димо не играл бы первенствующей роли. В силу этого мне всегда казалась идея слияния петербургской и московской групп почвоведов зданием, возводимым на песке. Если я не считал до сих пор удобным только возражать против нашего слияния, то только потому, чтобы кто-нибудь не заподозрил в этом каких-либо выступлений личного характера.

То положение, которое создалось теперь, приводит и меня, и Н.Д. Емельянова к заключению, что если г.г. москвичи вместо общего дома будут вести интриги и критику, то мы вынуждены будем от участия в этом деле уклониться. Пусть москвичи и ведут его целиком. Силы же петербургской и нашей групп можно, быть может, использовать и иначе.

Пользуюсь случаем изложить Вам две просьбы: а) сообщить, в каком положении находится вопрос об академическом издании "Русская наука". Давным-давно я отослал свою статью А.С. Леппо-Данилевскому, все время жду корректуры, но до сих пор не дождался; б) нельзя ли при Вашем содействии получить хлористой платины или некоторое количество губчатой, чтобы самим приготовить хлористую. Нужно было бы грамм 10–15 губчатой или соответственное количество хлористой.

Наша лаборатория тоже работает во всю, но вскоре, за отсутствием реактивов, придется прекращать работу.

Очень нужны серная, соляная кислоты, аммиак. Нельзя ли где-нибудь получить хотя бы по килограмму.

Искренне преданный Вам К. Глинка

Именной указатель

- Абрамов Л.С. 77
Абудьков 80, 125
Адерихин П.Г. 29
Антонова М.А. 32
Архангельская З.Н. 23, 31
Афанасьев Я.Н. 38
Ахтырцев Б.П. 7
- Бальц А.И. 23, 32
Бараков П.Ф. 19
Белякова Л.П. 31, 93
Берг Л.С. 70, 77, 93
Берендт Г. 33, 44, 45, 48, 49, 57, 58, 66, 68
Бернал Дж. 40
Бессонов А.И. 35, 80
Богословский Н.А. 48
Будрин П.В. 19
Бурый Н.М. 19
- Ваксман С. 86
Вернадский В.И. 12, 25, 34, 35, 61, 92, 97, 98
Виленский Д.Г. 38, 40, 50, 51, 53, 55, 71, 72, 75, 83, 89, 96, 98
Вильямс В.Р. 5, 50, 95, 96, 97, 99, 103, 105, 107
Виноградов М.П. 93
Виноградова Т.В. 93
Волобуев В.Р. 52, 105
Вотчал В.Р. 19
Высоцкий Г.Н. 22, 52, 73
- Гаджиев И.М. 7
Гаель А.Г. 22
Гарассовиц 73
Гедеванишвили Л.П. 23
Гедройц К.К. 32, 39, 66, 70, 78, 83, 84, 86, 100
Гемерлинг В.В. 38
Герасимов И.П. 47, 49, 53, 73, 77
Гиссинк Д. 93
Глазовская М.А. 100
Глинка (Знаменская) А.Г. 11, 81
- Глинка Д.К. 11
Глинка М.И. 11
Гордеев Ф.П. 23
Горшенин К.П. 33
Григорьев 77
- Димо Н.А. 5, 19, 23, 28, 34, 38, 60, 126
Добровольский Г.В. 5, 107
Докучаев В.В. 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 17, 18, 24, 27, 33, 36, 37, 40, 41, 45, 46, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 75, 77, 88, 89, 95, 97, 98, 99, 100, 103, 104, 105, 119
Доленко 80
Долотов В.А. 7, 11, 93
Драницын 22, 80
Дюшифур 84
- Емельянов Н.Д. 25, 28, 29, 126
- Завалишин А.А. 11, 31, 93, 94
Захаров С.А. 33, 38, 63, 99
Земятченский П.А. 12, 32, 37, 97
- Измаильский П.А. 12
Искюль 80
- Карпачевский Л.О. 22
Карпинский А.П. 35
Квитка П.Н. 79
Келлог Ч. 100
Ковалевский В.И. 93
Костычев П.А. 5, 9, 59, 64, 95, 98, 103, 105
Кравков С.П. 19, 38, 66
Кровзер Е.М. 41
Кроткий 80
Крупеников И.А. 7, 22, 33, 35, 38, 41, 45, 57, 62, 76, 80, 86, 93
- Ланг Р. 52, 73
Лебедев А.Ф. 38
Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 12, 23, 25, 32, 34, 35, 37, 44, 55, 56, 92, 97

- Леппо-Данилевский А.С. 126
Ливеровский Ю.А. 31, 43, 44, 50, 57, 84
Линский Л.И. 125
- Малевский К.И.** 19
Маляревский 31
Марбут К.Ф. 38, 40, 93
- Набоких А.И. 19, 23, 33, 44, 49, 57, 59, 60, 61, 62, 66, 79, 105
Наумов В.Г. 77
Неуструев С.С. 5, 18, 19, 25, 32, 38, 74, 79, 80, 91, 93, 98, 103
Никитин Е.Д. 107
Никифоров 80
Новиков 45, 48, 54, 58
- Обер 84
Ольденбург С.Ф. 35, 90
Омельянский 86
Отоцкий П.В. 12, 37
Охотин В.В. 31
- Панков А.М. 23, 28, 29, 32, 33, 125
Петров В.П. 48, 49, 50
Пенк А. 93
Перельман А.И. 48
Полынов Б.Б. 5, 11, 12, 17, 19, 20, 22, 29, 31, 32, 38, 39, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 53, 56, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 70, 71, 72, 73, 75, 80, 81, 83, 85, 86, 87, 90, 91, 93
Прасолов Л.И. 18, 25, 32, 34, 35, 38, 76, 78, 80, 93, 126
Проневич А.И. 31, 93
Прохоров Н.И. 16, 17, 19, 21, 23, 30, 32, 35, 38, 79, 91, 93
- Рамаи Э. 22, 37, 66, 69
Рассел Д. 40, 93
Рихтгофен 59
Рожанец М.И. 33
Розанов Б.Г. 53
Ромашкевич А.И. 47
- Сабанин А.Н. 5, 22
Сибирцев Н.М. 5, 8, 9, 13, 18, 21, 50, 51, 53, 54, 57, 59, 61, 62, 71, 75, 79, 80, 98, 100, 105
- Скворцов А.Н. 19
Смирнов-Логинов В.П. 19, 22, 23
Соколовский А.Н. 35, 38
Стасевич 80, 125
Столыпин П.А. 18, 95
Сукачев 80
- Теер 59
Тимко Е. 22
Тихеева Л.И. 23, 31, 93
Трейц П. 22
Тумин Г.М. 23, 28, 29, 80
Турский М.К. 19
Тюремнов С.И. 33
Тюрин И.В. 38
- Уден А. 93
- Фаллу Ф.А. 44, 45, 57, 58, 59, 61, 68
Ферсман А.Е. 44, 69
Филатов 80
Филипович Э.С. 99
Философов Б.А. 31, 93
Фирсов П.П. 33
Фортунатов А.А. 19
Фрейберг И.К. 79
- Жабаров А.В. 7
Жаинский 80
Жисматулин Ш.Д. 79
- Черняховский А.П. 45, 48, 54, 58
- Жишов Л.Л. 7
Жмук А.А. 38
Жокальская Э.Ю. 23, 32
Жтремме Г. 38
Жульга И.А. 23, 79
- Эрлих 125
- Яковенко А.А. 125
Ярилов А.А. 22, 28, 32, 38, 56, 60
Яхонтов 80

Содержание

От редактора.	5
От автора.	6
Введение (вклад К.Д. Глинки в развитие докучаевского почвоведения)	8
Этапы прожитого и созданного.	11
На пути к вершинам научной и педагогической деятельности.	11
Жизненные устои.	15
На пути к руководству почвенной наукой (Ново-Александровский период. 1894–1912).	16
Организатор и руководитель Докучаевского почвенного комитета (Петербургский период).	23
Организатор и руководитель нового центра агрономического образования (Воронежский период. 1913–1922).	25
Глава почвоведения и руководитель высшего агрономического образования (Ленинградский период. 1922–1927).	29
Признание заслуг.	35
Триумф за океаном.	37
Научное наследие и наследники.	43
Выветривание и почвообразование.	43
Из истории развития взглядов на роль климата и геологии в почвообразовании.	49
Докучаев–Глинка или Фаллу–Берендт (дискуссия с А.И. Набоких).	57
Продолжатель докучаевского почвоведения.	62
Значение почвенных исследований в земских и переселенческих целях.	73
Энциклопедия почвенной науки.	80
Последние штрихи жизни.	90
Наследники научного творчества.	94
Послесловие (об исторических аспектах идей К.Д. Глинки в современности).	101
Основные даты жизни и деятельности Константина Дмитриевича Глинки.	110
Библиографический список.	111
Основные труды К.Д. Глинки.	111
Литература о К.Д. Глинке.	117
Приложения.	118
Именной указатель.	127

С.В.Зонн

Константин Дмитриевич

ГЛИНКА

158P